

Грузинско-Китайский центр культуры

«Шёлковый путь»



“丝绸之路”

Китайская классическая поэзия

# 中国古典诗歌

Издательство «Меридиани»

出版社 „美利吉安“

Тбилиси 2013

«Китайская классическая поэзия» (второе издание).  
Посвящается 90 летию со дня рождения китайского руссита,  
переводчика, профессора Государственного педагогического  
университета **Ся Чжи-и**

Дизаин: Давида Гоглидзе  
Лаша Утурушвили

ჯჯ (UDC) 821.581-1+821.581.03=161.1  
k-53

ქ გრუზინსკო-კიტაისკი ცენტრ კულტურის, «შელკოვი პუტი», 2013  
© „სილკოვი პუტი“, 2013

ISBN 978-9941-10-719-1

## Оглавление

<b>Ся Чжи-и</b>	
Несколько слов ко второму изданию .....	7
<b>Ся Чжи-и</b>	
Переводчик к грузинскому читателю – обращение и краткая биография .....	8
<b>К. Гоголашвили</b>	
Предисловие к первому изданию .....	13
<b>К. Гоголашвили</b>	
Комментарий к стихам китайских поэтов – в русском переводе Ся Чжи-и.....	15
<b>Русудан Кутателадзе</b>	
Господину Ся Чжи-и в знак глубокой признательности .....	32
<b>Лю-Кандарели</b>	
Коротко об особенностях стихосложения классической поэзии Китая.....	37

\* \* \*

<b>Династия Хань (206г. до н.э. – 220 г. н.э.)</b> .....	40
Городская песенка.....	40
<b>Троецарствие (220-280г. н.э.)</b> .....	40
Цао Чжи .....	40
Экспромт.....	41
<b>Период Южных и Северных династий (420—479 гг.)</b> .....	42
Поэма о Му Лань.....	42
<b>Династия Тан (618-907 гг.)</b> .....	44
Ло Биньван.....	44
Гуси .....	45
Пою в тюремной камере о цикадах.....	45
Ван Бо.....	46
Проводы помощника уездного начальника Ду, отправляющегося к месту службы в Шучуань .....	46
Хе Чжичжан.....	47
Возвращение на Родину .....	47
Ван Хань .....	47
Ляньчжоуская песня .....	48

Ван Вэй .....	49
Осенний вечер в горах .....	49
Вэйченская песня .....	49
Ван Чжихуань .....	50
Поднимаюсь на башню аистов .....	50
Мэй Хаожань .....	50
Весеннее утро .....	51
Ли Бай .....	51
Думы в тихую ночь .....	53
Тоска у яшмовых ступеней .....	54
Боди я утром покидаю .....	54
Весенние думы .....	54
Ду Фу .....	55
Смотрю весной .....	55
Лунная ночь .....	56
Песнь о лачуге, Разрушенной осенним ветром .....	57
Больной конь .....	58
Четверостишие .....	59
Прощание бездомного .....	59
Благодатный дождь весенней ночью .....	61
Вербовщик в Шихао .....	62
Цуй Ху .....	63
Девушка и цветы персика .....	63
Пояснение к стиху .....	63
Цинь Сень .....	64
Встреча с чиновником, едущим в столицу .....	65
Чжан Цзи .....	65
Ночью у моста Фынцяо .....	65
Чжан Цзи .....	66
Осенние думы .....	66
Бай Цзюйи .....	66
Травинушка моя степная .....	67
Пою в сумерках над рекой .....	68
Пипа .....	68
Я смотрю как убирают пшеницу .....	72
Старый угольщик .....	74

Жена торговца солью .....	75
Лю Цзунюань .....	76
Снег на реке .....	76
Пояснение к стиху .....	76
Ли Хэ .....	77
Старый книжный червь (Шестое стихотворение из цикла „13 стихов южного сада“)	78
Ду Цюнян .....	79
Не дорожи ты золотом, серебром .....	79
Ду Му .....	80
В горах .....	81
Осенняя ночь .....	81
У реки Циньхуайхэ .....	82
О цветах .....	82
Пояснение к стиху .....	83
Ли Шанинь .....	83
Письмо на север в дождливую ночь .....	84
Прогулка по Лэююянь .....	85
Без темы .....	85
Без темы .....	86
Цветы опадают .....	87
Чень Тао .....	87
Лунси .....	88
Цзинь Чансю .....	88
Сетование весной .....	88
Ли Юй .....	88
Осенняя луна, весенние цветы (На мотив «Юймэйжэнь») .....	89
Пояснение к стиху .....	90
Ночью дождь все шумит за окном (На мотив «Лантаоша») .....	90
На верхний этаж поднимаюсь безмолвно западной башни .....	91
На мотив «Сяндянхуан» (художественный перевод с послострочника Ся Чжи-и выполнен А. Кипшидзе) .....	91
Ду Сюеньхэ .....	91
Я вновь посещаю уездный город Ху .....	91
Вдова в глухих горах (Китайский текст данного стиха в сборнике отсутствует) .....	92

<b>Династия Сун (960-1127 гг.)</b> .....	93
Су Ши.....	93
Десять лет смерти и жизни. Перевод А.Кипшидзе с подстрочника Ся Чжи-и.....	94
На мотив „Пусуаньцзы” (Написал в Хуанчжоу, во дворце Динхуй Юень). Перевод А.Кипшидзе с подстрочника Ся Чжи-и .....	95
Ли Циньчжао .....	96
А лотос уж ронял свой цвет (два варианта перевода: а. Ся Чжи-и, б.А.Кипшидзе) .....	97
На мотив «Ицзяньмэй».....	98
Лу Ю.....	98
Диадема.....	99
Пояснение к стиху .....	100
Мэйхуа .....	100
Народная песня (из романа „Речные заводи“) .....	101
<b>Династия Юань (1271-1368 гг.)</b> .....	102
Ма Чжиюень .....	102
Осенние думы (На мотив Тяньзинша) .....	102
Са Дуцы.....	103
Миньчэн в конце года.....	103
<b>Династия Мин (1368-1644)</b>	
Ло Гуанчжун .....	103
<b>Династия Цин и XX в.</b>	
Цао Сюецинь .....	104
Хорошо (Стихотворение из романа „Сон в красном тереме“).....	105
Мао Цзедун.....	105
Мейхуа .....	106
Снег .....	106
Е Цзеньин .....	107
Штурм крепостей.....	107

**Несколько слов к второму изданию**

Эта книга впервые была издана 1993 году грузинским издательством “Меридиани“. Второе издание книги выходит с незначительными изменениями за счёт новых переводов и некоторых поправок сделанных переводчиком, в издание также вошли статьи профессора, музыковеда Грузинской Государственной Консерватории им. В. Сараджишвили. Р. Кутателадзе, к тому же книга будет издана на двух языках – русском и китайском.

Во второе издание, в отличие от первого, вошли предисловие и литературоведческая статья. Автор этих статей, опытный грузинский переводчик профессор К. Гоголашвили, который высоко оценил мой труд, за что я приношу глубокую благодарность. В первом издании также была статья профессора Лю-Кандарели Куанвень, которая преподает Китайский язык в институте Азии-Африки в Тбилиси и является профессиональным специалистом литературного языка. Ею было выполнено около 70 рисунков в китайском стиле, что очень украсило это издание. К сожалению, во втором издании из-за более строгого формата не войдут иллюстрации этой художницы. Я хочу отметить её замечательную каллиграфию иероглифов и выполнение графических рисунков, а также то, что описание всех биографий поэтов и пояснения к стихам также принадлежат Лю-Кандарели Куангвень и выражаю свою благодарность за это, а также за то, что ее дополнения войдут во второе издание.

Стержнем книги являются 47 стихотворений танской эпохи и 9 - сунской династии. Всего 47 стихотворений. С гордостью хочу отметить, что среди этих стихотворений 4 стиха переведены грузинской поэтессой, госпожой А. Кипшидзе по моим подробным подстрочникам. Благодаря этому книга обогатилась и воплотила идею сотрудничества переводчиков.

Так как при первом издании меня не было в Грузии, выражаю глубокую благодарность издателю Господину К. Русидзе, сотруднику издательства Д. Гоглидзе, консультанту центра К. Гоголашвили, члену центра Р. Кутателадзе и другим (если кого-то упустил приношу извинения).

С особой благодарностью хочу отметить экономическую поддержку, в самое трудное для Грузии время, советника по экономике и торговле при посольстве КНР в Грузии, друзей из США, вклад которых оказался не только экономической помощью, но и выражением внимания к культуре и примером отзывчивости и дружелюбия. Не могу не отметить еще то, что я как переводчик, литератор, ученый русист, часто ощущаю принесенное временем новое отношение к культуре и литературе, так как в мире расхоже понятие, что это сфера не приносит должного обогащения, что культура не столь важная категория понятий, что есть дела куда важнее. И, в преддверии моего юбилея 90 летия, именно это мое убеждение толкнуло меня сделать это повторное издание. Я считаю, что для человечества нет важнее чем дела цивилизации, культуры и духовного начала любой деятельности, ведь этим человек отличается своим общественным и цивилизовано-мудрым мышлением от всего живого в мире. Именно эта моя вера, которая движет мной!

Ся Чжи-и

### **Переводчик к грузинскому читателю – обращение и краткая биография**

Китайская классическая поэзия имеет тысячелетнюю историю: в эпохи Тань и Сун (618-1127 гг.) достигла расцвета.

Надо сказать, что китайские поэты как Ли Бай, Ду Фу, Бай Цзю-и, Ли Шанинь, Ли Юй, Ли Циньчао и другие, по таланту, мастерству, ценности художественных достижений и глубине чувств, давно должны были бы стоять в рядах поэтов общечеловеческого значения. Но китайская поэзия вследствие трудности языка, многослойности, длительной преемственности, а также особого эстетического воспитания и восприятия до сих пор мало и не очень успешно переводится на другие языки мира, хотя в странах Востока, как Япония, Вьетнам, Корея и некоторых других, китайская поэзия является классикой, а методика стихосложения долгое время считалась невыблемой.

На русский язык осуществлены переводы многих классических стихов. Мой же перевод преследует цель ознакомить людей, владе-

ющих русским языком, с произведениями поэтов моей Родины, переведенными китайцем, с его пониманием и ощущением классики своего родного языка. К сожалению, в Китае пока нет владеющих грузинским языком переводчиков. Я уверен, что грузинский язык, с его выразительностью, красочностью, музыкальностью и многовековой традицией в поэзии, несомненно смог бы успешно передавать красоту произведений китайских поэтов. Надеюсь, что проблема синологии в Грузии и картвелогии в Китае, наконец, решится и грузинские коллеги в будущем восполнят этот пробел.

Переводы же непосредственно с подстрочников, а тем более других языков – русского, английского, французского и так далее, конечно, никак не могут успешно решить эту задачу.

Настоящий сборник - труд многолетней работы. Он смог выйти в свет только благодаря тому, что в 1981 году после тяжелой десятилетней смуты (названной тогда «культурной революцией»), возвращалась на родину профессор нашего университета, руссист Лю Юень-на, т.е. Нонна Захарьевна Гушмалишвили-Лю. Несмотря на ее преклонный возраст, семьдесят шесть лет, несмотря на то, что она уже пятьдесят шесть лет не жила на Родине и двадцать лет не имела возможности посетить Грузию, прочитав мои переводы, она решила вести их в Грузию и старалась рекомендовать их в издательства, всячески знакомила с ними окружавших ее людей. К сожалению, тогда ей не удалось это осуществить. Она скончалась в 1983 году в Пекине. Я приношу благодарность ее светлой памяти.

Только с помощью многих грузинских людей, с которыми я знаком давно или познакомился в 1990 году, когда я решил посетить Грузию, благодаря этим людям, которые любят и ценят культуру китайского народа, я встречаюсь с вами, дорогие и уважаемые читатели. Эти деятели, как Лю-Кандарели Куангвень (Маргарита Лю), Малхаз Утурашвили, Нино Дахундаридзе, Коте Гоголашвили, Анна Кипшидзе, Лела Хомерики, Русудан Кутателадзе и многие другие внесли большой вклад в дело развития подлинного взаимопонимания и дружбы наших народов. Ими организованное общество «Шелковый путь» («Абрешумис гза») существует недолго, и несмотря на временные трудности, переживаемые Грузией, они приложили усилия для издания моих переводов. За последние годы в

газетах Грузии не один раз были помещены эти переводы китайских классиков – это безусловно раз за разом трогало меня до глубины души. Хочется думать, что этот небольшой сборник поможет дальнейшему сближению наших народов.

Моя биография проста. Я родился во Владивостоке в 1923 году (китайское название города Хай-шенвей, т.е.»морской залив трепангов» - трепанги, морские моллюски, излюбленный деликатес китайской кухни). Владивосток всегда был местом, где общались китайская и русская культуры и скрещивались торгово-экономические интересы. Мой дед занимался торговыми делами и жил там с семьей, он был выходцем из провинции Хебей, уезда Шеньсень. Его сыновья воспитались во Владивостоке, где получил классическое образование на китайском и русском языках; мой родной дядя Ся Чжун-и впоследствии составил известный китайско-русский словарь, изданный в Шанхае, так что традиции владения языком в нашей семье существовали и существуют.

В раннем детстве, я с родителями вернулся в Китай, в город Харбин. Там я какое-то время учился в русской классической гимназии, дома у нас была многое давшая нам, детям, гувернантка русского происхождения. В то время я зачитывался книгами из «золото-



Дядя Ся Чжи-и, Ся Чжун-и.  
С 1950- 1974 г. Профессор  
Шанхайского Института  
иностраннных языков. Автор  
Большого Китайско-Русского  
словаря



Дом семьи Ся в Харбине (1923-1932  
гг.) стоят, слева Ся Ши-у Профессор  
Государственного Народного  
Университета (отец Ся Чжи-и)  
справа брат отца Ся Чжун-и

той библиотеки» детской литературы, произведениями Пушкина, Лермонтова, Толстого и многих других, тогда я получил первое представление о Кавказе, Грузии. Люди, природа, обычаи этой страны оставили неизгладимые романтические впечатления юношеских лет. После захвата японцами Маньчжурии наша семья переехала в г. Тяньцзинь, где я окончил китайскую среднюю школу и уехал в г. Чунцин, там я проучился несколько лет в ВУЗ-е. После окончания был принят в Центральный Университет в Нанкине на факультет русского языка ассистентом.

В 1949 г. в Китае завершилась гражданская война. Я работал в



Первая слева Ляо Цзинцзи -Мать  
Ся Чжи-и (Харбин 1930г. у дома Ся)



Отец Ся Чжи-и, Ся Ши-  
у первый с права (Харбин  
1931г.) крайняя слева Нонна  
Захарьевна Тушмалишвили-Лю



Сёстры Ся Чжи-и. Харбин.  
младшая: Ся Чжидэ (1928-2005 гг.),  
в будущем профессор Пекинского  
Педагогического Университета «Шита».  
Главный редактор Русско-Китайского  
Фразеологического словаря  
старшая: Ся Чжижень (1922-1974 гг.)  
в будущем профессор Тяньцзиньского  
Университета.



Цзин Суинь супруга  
Ся Чжи-и

части армии сначала преподавателем языка, а потом переводчиком. В свободное время пробовал литературные переводы. В 1957 г. демобилизовался и стал работать в Пекинском педагогическом университете на факультете русского языка, среди множества опытных руссистов Китая.

Начиная с семидесятых годов участвовал в переводе и редактировал китайский переводы. По мере возможности занимался переводами китайской классической поэзии. Также переводил русских поэтов на китайский язык, эти переводы печатались в разных журналах Китая. В 1987 году я участвовал в переводе грузинских поэтов на китайский язык, к сожалению, не через подстрочник, а по готовым русским переводам, изданным в Союзе в то время. Эти переводы были опубликованы в журнале «Советская литература». Данный номер был посвящен столетию со дня рождения великого грузинского деятеля и выдающегося поэта Ильи Чавчавадзе. В конце 1987 года вышел на пенсию.

В 1990 году, осуществилась моя давняя мечта посетить Грузию. Ее чудесная природа, добрые и чуткие люди, гостеприимство, доброжелательность – все это заставило меня горячо полюбить этот народ. Незабываемы и неизгладимы впечатления от снежных цепей Кавказа над Алазани... Нет слов описать своеобразие тбилисских улочек под горою св. Давида «Мтацминда» и над утесами Куры – Мтквари, как зовут ее грузины. Забыть многоголосие Грузии просто невозможно...

Сейчас в Грузии трудные времена, но я верю, что в стране, где так много способных, любящих Родину, добрых людей это не может продолжаться долго. Народ не допустит разрушения своей прекрасной и древней Родины.

## Предисловие к первому изданию

К сожалению, объем предлагаемой книги ограничивает полноту впечатлений от прочитанных стихов и вместо пунктуального, почти «по-стиховного» комментария, мы выскажем пожалуй только суть, самые важные моменты, которые на наш взгляд ценны в подобной работе. Первое – просветительство в области не-европейских, непривычных эстетических канонов, и второе – общность человеческих чувств, буквально «без-граничная». Привлекательность этой идеи настолько сильна, что национальные черты картины, экзотический антураж темы для читателя не-китайца теряют элемент отвлекающей декоративности и на первый план выдвигается общечеловеческая объединяющая роль душевных страданий и красоты.

\*\*\*

В издательском деле бывают редкие случаи, когда редакторский коллектив хочет поздравить с интересной новинкой не только читателя, но и себя с удачным сочетанием автора и художника. В нашем издании «Китайской классической поэзии» представлены переводы древнекитайских поэтов разной степени известности, и рядом с именами Ду Фу и Ли Бай (известным в неверном произношении его имени – Ли Бо) мы встречаем сравнительно малознакомых авторов. Такое событие, конечно, надо приветствовать, но особое удовольствие вызывает и сам факт публикации труда зарубежного переводчика Ся Чжи-и, известного слависта. Пример его многолетней деятельности – самое веское подтверждение преимущества истинной культуры перед капризами «поэтапной кривой» государственных интересов: независимо от нагнетания или упадка интереса к чужой стране и политической конъюнктуры, истинные деятели культуры преданно следуют закону взаимного сближения и обогащения, не представляя без этого духовное развитие и совершенствование.

К счастью – и ко всеобщему удовольствию, художником этой книги стала та самая Марго Лю (официально – Лю-Кандарели Куангвень), которой посвятил Ся Чжи-и перевод стихотворения Лу Ю «Мэйхуа». Все что связано в Грузии с любой формой межгосудар-

ственных, ведомственных или личностных отношений с этой страной не происходит без определенной доли ее стараний и помощи – от преподавательского курса китайского языка и цивилизации – до разного рода экономических контактов с Китаем, включая и переводческую работу во время визита главы грузинского правительства в Китай в 1993 г. Как это часто случается с людьми творческой профессии, их активная общественная деятельность, во многом способствуя разносторонним аспектам межгосударственных отношений, одновременно и ограничивает сугубо личное поле деятельности и художественного творчества, оставляя слишком мало времени для занятий любимым делом. У неё это живопись. Так что эта книга предоставила ей приятную возможность позаботиться о «национальном облике» издания, и читатели имеют возможность воочию «узреть» элемент китайской художественной эстетики «из первоисточника», без неграмотной стилизации; соотношение и сбалансирование текста и зрительного образа предоставлено конечно ей, как художнику безупречного эстетического вкуса и культуры. Именно по-этому данное издание мы рассматриваем больше, чем книгу, даже как желательный образец синтеза текста и адекватного художественного оформления. Мы понимаем, что подобные требования невыполнимы постоянно и тем более ценим это удачное сочетание. Некоторым может показаться это необязательным и неважным, своего рода игрушкой, но подобные игрушки не выбрасываются и сохраняют в себе и в нас тепло общения.

Очень важное пояснение к тексту также заслуга Лю-Кандарели. Она и в этой сфере достойно продолжает академическую традицию китайского историко-филологического комментария. В свое время свою полезную помощь она оказывала и издательству АН СССР по отдельным изданиям по китаистике, хотя ее имени не найти среди перечня лиц, принимающих участие к подготовке издания памятника. Что касается художника этой книги, то она никогда не позволяла рассматривать подобные моменты иначе как «житейские», и следовательно неправомочные влиять на ее неиссякающие творческие планы. Главной – непрерывно создавать, не думая о «возможности публикаций» «Цветы аромат все равно издадут», как возвещает последняя строка, посвященного ей перевода.

К. Гоголашвили

Комментарий к стихам китайских поэтов – в русском переводе  
Ся Чжи-и

Браться за подобную работу подсказывает любовь, конечно; переводить, выбирать, стихи для перевода „не любя“ их, исключительно. Но помимо этого плодотворного чувства, очень важно и знание двух этих языков в совершенстве, ибо без полного естественного владения культурой одного из языков, стихи могут получиться как бы „недоношенными“.

С первых же строк русского перевода становится ясным, что упомянутые чувства и знания у многоуважаемого переводчика присутствуют.

За этим следует еще одно обстоятельство: принципы подборки.

Переводчику могут особенно удаваться переводы какого-либо отдельного жанра, но следуя своим симпатиям, общая картина может оказаться написанной пристрастно; если же переводчик решит представить более объективную картину творчества, то заведомо неровно исполненная работа с претензией на реальность картины тоже может испортить общее впечатление о творчестве поэта и вопрос о художественном мастерстве и моральной ответственности переводчика приобретает особое значение. Поэтому все эти обстоятельства играют решающую роль в судьбе книг и писателей.

К нашему большому удовлетворению и удовольствию, г-н Ся Чжи-и проделал замечательную работу и по объему и по важности и по качеству. Сложность мысли и мастерство наиболее трудно представить в малых формах, в малом размере стиха, где каждое не совсем четко подобранное слово не может быть „спасенно“ другим – рамки и размеры стиха не эпические. И все же и эта сторона выполнена достойно, как и подобает художественному тексту классиков.

\*

Нашей задачей мы ставили комментарий к большинству стихов этой подборки. Не вдаваясь в детали, скажу только, что удовольствие от проделанной работы велико. И дело тут не только в

каких-либо особых элементах художественной эстетики, а в очень простом и четком чувстве удовлетворения и оптимизма: если так много общего в разных культурах, то значит тяга к сближению культур будет расти – к общему удовольствию и радости любителей поэзии и искусства. А для лучшего результата не так много для этого требуется – работа, и только.

\*

Ван Бо – прелесть названий – это особая статья и она также не отделима от Китая, как „его“ яшма и „его“ нефрит – с его же „заплаканными рукавами“. „Проводы помощника уездного начальника Ду, отправляющегося к месту службы в Сычуань“ – так и хочется просчитать соотношение нужных для заглавия иероглифов – с их общим количеством в стихе. Иначе кто знает – может от нас ускользает и еще один аспект непереваемой эстетики их поэзии. Данный стих ценен как „типичный“ представитель широко распространенной традиции „лирика чиновников“. Знающих историю китайской государственности, особенно поражает требование к стихосложению, предъявляемое к каждому претенденту на место правителя любой территории и характерный „стоицизм бюрократии“ очевидно объясняется стандартными сюжетами разлуки во исполнение долга.

Ли Бай – „Тоска у яшмовых ступеней“ – „\Ступени из яшмы покрылись росой.\ И сырость проникла в чулок кружевной.\ А свет от луны...\ Сияя, мешал он мне думы прогнать...“\ Казалось бы, столько материала традиционной художественной поэтики, все атрибуты – и яшмовые ступени и лунный свет; „в руках“ любого другого менее талантливого поэта, такой набор мог бы обернуться мертвым хламом или в другом – „лучшем“ пожалуй не стоит упоминать, случае чем-то вроде запорошенных пылью театральных декораций, наподобие картин французских символистов. Но у Ли Бай „роса с холодных яшмовых ступеней „проникает в чулок кружевной“ и при „добавочном освещении“ лунным светом, в сознании читателя начинается движение, предваряющее рождение фантазий подсказанных образов и мыслей: намек на запретные чувства, на препятствия, мешающие любви. Дальше мысль не оформляется, ведь надо же следовать строке – но, нет, уже все сказано, уже конец

стиху и – самой жизни, ибо без торжества этих чувств, ради которых нога в чулке ступает на камень покрытый ночной росой - без этих чувств ведь нет и жизни. Ли Бай – это относится не только к нему, но и другим грандам китайской поэзии – его хвалить или всех остальных, мало что даст. Самое верное – это очевидно разобраться в разбуженных ими чувствах и мыслях. Они ведь этого и хотели.

Ду Фу – Самое важное свойство объединяющее не только представленный набор стихов, но и вообще самый важный характерный принцип истинной поэзии – это неизменность тех черт, которые объединяют ее с искусством других культур. Это человечность, мягкость, открытая принципиальность, сожаления по поводу незаслуженных ударов судьбы и т.п. Поэзию Ду Фу и других достойных и хороших поэтов объединяет сходство и тематическое и композиционное – с канонической китайской живописью. Одним словом их объединяет красота. „Благодатный дождь весенней ночью \\. Все кругом черным-черно\ Невидать кругом не зги... \. Лишь на лодках сквозь окно \. Чуть мерцают огоньки“. Неожиданны и краски и сам ракурс видения. Описания картины: насколько близки они оказываются к антуражу русской поэзии в данном переводе что конечно продиктовано и особой любовью и знанием русского материала, насколько напоминает и по звучанию стихи Анны Ахматовой: „Утром весь Парчевый град/ Нежным светом озарен“. (Прямо хочется приписать: „Картина (т.е. „Музыка“) Кустодиева, слова – Ахматовой“).

Ду Фу „Четверостишие“ – очень часто проявление законов построения картины – расположенные на три плана отдаленности иволги, челны и цапли и горы особенно впечатляет.

Другое сильное впечатление – причем без какого-либо исчерпывающего объяснения этого факта – полнейшее несоответствие материальной культуры (павильоны, развалины или молельни в живописных мечтах, усиливающие аккордное звучание авторских переживаний в единстве с природой) и дикость людей, мелькающих, носящихся по строкам – преследующих, приносящих боль и унижение. Даже дети в патриархальном Китае оказываются - причем не у одного какого-либо поэта ,в какую-либо эпоху – а в разное время – даже дети смеют издеваться над пожилыми людьми, их немощью. И все же на фоне постоянно присутствующих элементов давней

материальной культуры, созданной их предками, памяти которых они - т.е. все последующие поколения, выказывают обязательное и ежегодное „официальное“ уважение // „Песнь о лачуге разрушенной осенним ветром“ \\\.

Ощущение истории создается неожиданным штрихом – неожиданным, потому что он правдив и драматичен как сама жизнь, которая любит нанизывать сюрпризы на казалось бы простой и ясны расклад ожидаемой судьбы.

Чжан Цзи – „Осенний ветер, – \\\Письмо я было уж отправил, \\\ боясь что в нем не все я досказал. \\\Гонца, вернув, я снова ждать заставил. \\\ И вновь письмо свое перечитал. \\\

Элемент лирики удивительно современен не только по своей искренности. Сдержанность, широта охвата темы, когда концентрация внимания на личном переживании не перерастет в единственный кадр крупного плана и вся сцена постоянно в поле зрения. Мир героини и сознание того, что драмы – увы! – универсальные не теряют от этого свою остроту и важность для той единственной личности в центре стиха. Все это ощущение не затухает и этим напоминает прозу (которую стоит назвать поэзией) Маргерит Юрсенар: с ее женской силой проникновения в чувства и наблюдательностью: „А в ночь тебя всю холод пронизает, \\\Когда одна стихи читаешь, \\\ Иль смотришь ты на хладную луну“ \\\

Чжан Цзи – „Ночью у моста Сынтяо“ – В переводах воспринимается как классический образец китайской эстетической школы хоть в живописи, хоть в поэзии и повторять его даже не хочется. Однако, следует учесть слово „вежды“ настолько редко упоминаемое, что слишком связано с примерами старорусского контекста и это конечно мешает. „Глаза“ могут показаться слишком обыденными, но они все-таки лучше затасканных и обесцененных „очей“. Второе замечание касается „колоколов“. Колокольный перезвон настолько русская атрибутика, что может совершенно нейтрализовать настроение этого стиха – легкое и зыбкое как воздух ночью перед туманом над рекой. Можно, конечно, возразить, что „Унылый звон“ и предвещающий этот звук „Вороны каркают“ в достаточной мере устанавливают свою экзотику, но было бы лучше найти другое звучание, которое кстати напоминает еще и русские переводы Эдгара По. К

примеру – я не хочу звучать нелепо или тем более кушунственно, – ибо мне не знакома ни эпоха этого поэта и не святыни храма Гусу Ханьшансы (равно, как и многим другим читателям), по праву зарубежного ценителя осторожной прелести этой поэзии, „Буддийский звон колоколов“ – пусть даже вопиющее несоответствие истории и религии – с большим успехом завершил бы картину, несмотря на возможные нарекания „грамматиков“ о невозможности буддийского звона – ведь у образа все же свои законы.

Бай Цзюй-и – „Гравинушка моя степная“. „Повеет ветер вешним жаром. \ \ И вновь ты продолжаешь жить.“ \ \ Эти строки воспринимаются как урок жизненного опыта, перешедший в категорию художественного принципа и философии. „Пипа“ – интересный образец сюжетной поэзии. Две парные грустные истории жизни нанизанные на ствол, что составлен из паралельных линий жизни друзей, судьба которых мешает им сблизиться. Это стихотворение еще один пример закона жизни вынужденного одиночества.

Лю Цзунюнь – „Снег на реке“ – капля грусти напоминающая по настроению „Тристии“ Овидия. Можно предложить и иную, отличную от предлагаемого многуважаемым переводчиком трактовку этого стихотворения: идейные и объективные причины отбора конкретной картины в качестве подходящего художественного символа – для выражения авторского чувства вовсе не должны диктовать сугубо „прикладную“ трактовку. Наоборот – освободив стих от конкретной причины его рождения, можно увидеть более широкий или глубокий смысл: хотя бы – отсутствие следов (уже заметенных снегом) свидетельствует – также как и отсутствующие на картине птицы (которые однако подразумеваются вместе с соответствующим покорным приятием зимы и холода) указывают на отсутствие видимого знака движения. Можно возразить, что и река тоже знак, так как немислима без движения, но графическая недвижимость лески – также как и стабильный, „крышеподобный“ вид рогожевой накидки – все это пересиливает и доминирует статика холода, тишины и ожидания – даже несмотря на подразумеваемое движение, течение реки. Скорее всего эта отрешенная от мира статика да одиночество тонкой „леской“, настоящей нитью связаны с темной плоскостью невидимого Течения, Ожидания, Безразличия и Опасности. Как ви-

дим, все эти свойства одинаково характеризуют и реку и жизнь и поэтому можно – скорее всего это и есть самый основной смысл картины: молчаливая связь времени и ограниченной Надежды (что выражается образом старика), с жизнью которая буквально течет под ногами. Может такое понимание слишком графично-живописно, но стих его вызвал и поэтому оно также имеет право быть представленным как возможный смысл, хотя для меня – и наверное для большинства не знающих ни автора, ни названия стиха, главным представляется первое впечатление, первая мысль возникающая при виде картины. А когда картина удачна, то первое и является самым важным, оно и определяет суть ее ценности.

Ду Цюнян – „Зеркало истины“ – „Не дорожи ты золотом, серебром,\\ Одеждой дорогой, другим добром,\\ Ты юностью своею дорожи,\\ И рви цветы, пока они свежи.\\ – Насколько непривычна близость строк разной тональности настроения в одном стихотворении. Это не в упрек китайской поэзии, а в упрек судьбе, которая не дала нашим культурам встретиться раньше и характерные поэтические нормы воспринимаются нетренированным и поэтому неподготовленным ухом. Последние строки этого стиха воспринимаются легковесным юмором. „Не жди, когда не будет уж цветов,\\ А ты и ветви будешь рвать готов.„ Подобные концовки часты и у Хайяма, но восприятия их иное, потому что тон предыдущих строк несколько „дистанционный“, не ищущий „влюбленного читателя“, ибо насквозь проникнут сознанием преходящести и одиночества, даже в самых своих гедонистических воззваниях. Легковесным и неверным было бы объяснить эту разницу „арийской“ особенностью Ирана: и у китайцев было в достаточной мере и войн и междуусобиц и драм и подлости и коварства – да и рельеф их страны не менее хаотичен. Так что, скорее всего легкий, лицеприятный контакт с читателем – это все же следствие тысячелетиями непрерываемой культурной традиции.

Ли Хэ – Чтобы не терять времени на излишние оправдания своих симпатий к стиху с таким уж очень несовременным названием как „Старый книжный червь“, ограничимся и более краткой, емкой и современной оценкой этого перевода: по всем параметрам – по универсальной временной актуальности, по лаконичной целе-

устремленности, по самому простому „приземленному“ юмору ранения месяца и заключительной слезливой самоиронией шлейфа – стих достоин высшего бала оценки.

Итак, впечатления от стихов Ду Му „Весна на юге“ – стандартные прелести природных красот почти у грани характерной безликости, но стих спасает мажорно-человеческо-бытовое и эпохальное „Развешаются вывески лавочек, и доносится запах вина“.

„В горах“ – образцово-удачное с точки зрения перевода – чувствуется не-русская традиция стиха и одновременно легкость русской речи

„Осенняя ночь“ – здесь все элементы классической – т.е. хорошей китайской поэзии: и свет луны, и цвет на ширме во мраке, и шелковый веер, белеющий при лунном свете и две строчки, которые разделить рука не подымается: „Ночью ступени во дворце холодны, /холод всю душу пронзает“, и две слезы китайской мифологии – Пастух и Ткачиха „как-то особо сияют“.

Но к переводчику все же есть одно замечание: образ свечей зрительно всегда связан с европейским интерьером – хоть великолепным, хоть бедным. И литература всячески смаковала их блеск, нагар, пламя и отблики – на лицах, мебели, стене и для того, чтобы читателя не настраивать на неподходящий для мира китайского стиха лад, надо „Свечи, белея при свете луны“ заменить даже на более обыденную „свечку“, которую легче представить стоящей на полу. К сожалению, нам мало известны возможные источники и углы освещения в почти без мебелином китайском интерьере – также как и формы подсвечника, но такая „свечка“ по новому осветит ту же ширму, и банальные – увы! – страдания осенней ночью. И так легче представить даже не видя – и овал освещенной снизу скулы, и черный мрак прически и сияющую кайму шелкового одеяния. А это и есть стих – вместе с молчанием.

Ду Му „У реки Циньхуайхэ“ наступает момент, когда проникаешься ощущением солидности слоя культурной традиции. Это ощущение можно сравнить с прослушиванием второстепенных композиторов эпохи Гайдна и Моцарта, у которых постоянно присутствует неуловимая черта „высокой нормы“ – хуже они не могли писать, хотя бы из-за сложившейся школы и традиции. Так и с этой

подборкой стихов: в который раз встречаем туман и хладную реку, а прочалив, сразу появляются искорки оригинальности момента и „личного опыта“. В трактуре певица отбрасывающая от себя мысли о возможной гибели и распеваящая песни Хоутинхуа – т.е. упаднической музыки (каково нам слышать про декаданс IX века?). Это еще один камень к пьедесталу малознакомой поэзии.

„О цветах“ – одна из важных прелестей китайских- стихов – это внимание к реальной основе, подсказавшей рождение стиха. Наподобие Дантовской „Новой жизни“, воссоздаются картины простые, щемящие и терпкие, которые даже если не вылились в венчающий творчества шедевр, все же говорят о культуре чувств, составляющих суть поэзии.

„Без темы“, Ли Шанин – вместе с Чжан ци („Осенний ветер“) – другим поэтом в данной подборке – это авторы, которые особенно близки к эстетике современного стиха, в виду того, что их поэзию можно назвать „чистой“. Даже в том случае, когда преподносится какая-либо картинка, стих далее уже не следует ее информативно-сюжетной трактовке, предпочитая легкую настроенческую логику художественных образов. В таких случаях внимание автора скользит очень легко и строчки эпического звучания из-за своей откровенной наивно-эпической философии – легко переходят к другой тональности. Мы не забываем и о том, что в русском переводе образ стиха сильно может отличаться от оригинального замысла и это так и есть: „До самой смерти шелкопряд „шелк выделяет свой“ за этим следует русско-испанский образ: „А свечи коль не догорят \\ Слеза на них не высыхает.“ Подобная легкость палитры придает универсальность и вне-граничность стиху, который может быть и не был задуман, как мировой шедевр – но стал им именно из-за этого свойства полета мысли – всеобъемлющей и всепоглощающей мысли. За этим снова следует колорит национальной лирико-психологической драмы: „Ты робко взгляд свой в зеркало кидаешь. Боясь в власах увидеть седину“. Одно упоминание о характере взгляда и сразу же становятся ясными нюансы женской роли и их место в жизни мужчин; они несут в себе заметный элемент декоративно-растительного характера, образа их присутствия в жизни мужчин – что и составляет принцип их жизни вообще.

Чень Тао – Лунси „Вы дали клятву гуннов истребить – и это первая строка! По ярости и страсти с ней может сравниться лишь начало романа об инфантах де Лара: „Знатного мавра Аликанте.\\ В стенах Кордовы встречали\\ восемь штук голов кастильских\\ У него в мешке стучали“.

Цзинь Чансю – Чудесный пример лирической наглости. „Уж сгоните вы иволгу с дерева“ – Если только первая „Уж“ не прямой перевод пожелания в оригинале, то все же лучше его обойти – опять-таки из-за ненужности ассоциаций с русской традицией, будь то былинно-фольклорной или авторской.

Су Ши – „Десять лет смерти и жизни“ очевидно, сомнение постоянно сопутствует мыслительному процессу и поэтому может даже служить признаком такового. Все те колебания в выборе позиции по отношению к произведению – рассматривать его в тесной связи с реальным жизненным опытом автора, или отказаться от опасностей субъективной оценки – всегда имеют сторонников и противников, а то что перед нами выбор, уже указатель на идейную насыщенность и содержательность.

Как рассматривать этот стих? Как завуалированный комментарий к собственной судьбе, или же как уверенность автора в горькой ценности и универсальности собственного проникновения в причину и смысл своего несчастья? Наверное, не впервые мы успокаиваемся на примиренческой ноте, довольствуясь аксиомой, что каждый критерий подсказывает и метод и результат: можно видеть в нем и скорбь по участи любимой, а можно увидеть и вообще – наказание рока и недоумение жертвы.

Посмотрим, что дает взгляду неподготовленного читателя открывающаяся картина горькой доли и глубины чувств безвестного автора – ибо знание имени и „роковой даты“ смерти не прибавляет ничего к пониманию его мировоззрения, это делает скорее внимательный взгляд на подборку образов.

Сразу бросается в глаза некоторая парность взаимосвязанных и взаиморазрушающих полюсов: „десять лет смерти и жизни“, „не мерять, \\ не думать не надо“, „мы оба\\ в тумане“, „если и встретимся, будем наверно, как незнакомцы“, и „смогу рассказать ледящее душу\\ ведь иной \\ Виски обесцветил“, и „Отсюда на тысячу ли\\ ...

в дорожной пыли“. Стержнем же, сутью, причиной стихотворения является, конечно „забыть невозможно\\ ... об одинокой могиле“.

Теперь подробнее о том, что заключается в этих спаренных образах-мыслях. Первый же парадокс: снабдить понятие бесконечности конца – лоскутом метрической системы, употребляемой, как правило, для временной характеристики сузуществования – это уже настораживает, а объединение смерти с жизнью на следующей строке, четко дает понять масштабы подхода к душевной драме, индивидуальной ее оценки – на общем фоне океана человеческой боли да соленых брызг судеб.

Затем следует: „мы оба в тумане“. К этому моменту наблюдательный читатель сможет настолько проникнуться немногословной выверенностью китайской стихотворной традиции, что нетрудно понять: „оба“ само по себе понятие позитивное, жизнеутверждающее, и вместе с „мы“ означает силу и соответственно – способность бороться с препятствием, не боясь встречать на жизненном пути невзгоды и зло. Но туман далеат человека незрячим, и нейтральность неизвестности воспринимается как оскорбление человеческому достоинству, как своеобразная победа незрячей, безликой и внеморальной судьбы. „Мерять“ и „думать“, безусловно необходимые элементы рационального познания, а их ненужность – явный признак обессиливания, с отнятой возможностью привычной оценки жизненных фактов. Далее следует „географический центр“ стихотворения, кульминация его: „Забыть невозможно... Об одинокой могиле“. Эта боль, объединяющая двух оставшихся и потерявших друг-друга, выходит за рамки печальной обычности подобной схемы посредством „одинокой“: ведь чувство одиночества противостоит парности „оба“ – что в китайской философской традиции символизирует естественное, и поэтому правильное соединение – и следовательно, относится к положительной моральной категории и воспринимается синонимом „хорошо“. Но, вместе с тем, соединение, дав результат – третий обаз, будь то явление или новая жизнь – так же естественно должно угаснуть, полностью завершая цикл и назначение человеческого существования.

Учитывая все это, особенно остро воспринимается проклятие существования обреченного на одиночество – то есть на „несосто-

явшееся“ , „не воплотившееся“ и поэтому „не хорошее“. И это касается не только существования: столь силен символ „одного“, единицы, что даже могила „одинокая“ наводит не мысль о несчастливой судьбе, безутешности; но трагизм достигается переводом образа во вневременную категорию смерти – с незаслуженным проклятием несостоявшегося, на несчастливой судьбе.

После причинной кульминации стиха, следует последовательное *diminuendo*– следствия и атрибуты базутешности оставшихся доживать разбросанно, также в одиночестве. Парности тут проще, следуют настроению и стилю письма и образуют более широкое, размашистое переплетение мыслей „леденящее“ и „иней“ из разбросанных пар „леденящее душу“ и „иней виски обесцветил“, и наконец, последний пример их схемы – также разбросанные „отсюда за тысячи ли“ и „лицо в дорожной пыли“.

Теперь же – самое характерное, для техники китайской поэтики: каким конкретным, „словесным материалом“ создается ощущение доли вины самого автора? Может, косвенным путем? Ибо преподав столько примеров раздумий – своеобразный китайский вариант привычной европейской традиции „мировой скорби“, логично и предположение ощущения собственной вины во всех несчастьях, происходящих с любимыми – очевидно, за счет „поднятия уровня понимания читателя“ на протяжении скупых строк. Привести возможно более веские видимые причины, исходя из идеографического смысла и интерпретации использованных иероглифов, мы не в состоянии – увы.

Су Ши – „Луна ущербная“ /на мотив Пусуаньцзы/ это стихотворение написано настолько живописно, что само подсказывает, как разобраться в тайном смысле невидимых знаков бытия, а нематериализованное впечатление помогает проникнуться духом ночного пейзажа. И раз дух не привязан к арифметическому порядку и хронологии, а соотносим с цельным образом, или общим впечатлением, то желая вникнуть в суть стиха, мы постараемся также сохранить в поле зрения и внешний его контур.

Две крайние строки – начальная и завершающая: „Луны ущербная“ – «Луна ущербная» - серп ее или вырезанный из дыни кусок, внешним контуром могут быть сравнимы с «островком в реке», ко-

торая обмывая, делает его узким, продолговатым, веретенообразным, а «холод» и «одиночество» в равной мере соотносимы и с луной. И с островком посреди ночного потока.

4-8 строки первой, и 1-4 строки второй половины подводят к ощущению Невидимого Соглядатая - посланца рока, краха или смерти - все одно! – и продолжая настроение, идя к концу, читаем еще: «Холодные все ветви перебрав». Кто перебирает, когда, в каких условиях, „перебирает холодные все ветви,„. За неимением огнива или огня – погасшего кострища?

Последняя пронзительная фраза – из породы вспорхнувшей птицы фантазии, скрывшейся от убийственного аналитического взгляда, пристальной мысли. И следуя традиции «высвобождения фантазии» в живописи китайцев, эта строка также своевольна и «выпирает» из нарочитой парности композиции, «законной» гармоничности – в нейтральный незаполненный фон существования, где каждому дано додумывать о собственной судьбе: будь то неумирающим «нам с вами», т.е. «вечному читателю» - или ветке, выгнанной на волю, за рамки картины творцом-художником – в знак веры в исключительное право стоического переживания, будучи обреченной жертвой рока.

Ма Чжюань – „Осенние думы,„. Очевидно, уместно будет отметить «воспитание читателя». Без этого процесса, понимание китайской поэзии будет испорченным. Привыкая к антуражу одиночества мира стиха, и следуя „лучу внимания,„ автора, читатель глядит на безлюдные, молчаливые творения человека. На каком-то этапе читатель проникается ощущением обреченности, „бесполезности,„ осознания картины – не по причине ее бездушности и не по причине неумения интерпретировать видимое, а по причине ощущения некоей прозрачной стены непонимания и замкнутости. Осознание ее существования воспринимается как очередная жизненная трудность, непреодолимая и печальная – указание на неизбежное, обязательное одиночество, и таким образом, усиливается напряженное ощущение жизненной осени. Единственное живое, что может отозваться и к чему мы тянемся – в сумеречном пейзаже с крошечным домиком и мостиком и в свисте западного ветра, когда уже ворон вернулся в гнездо - это тощая старая лошадь, одинокий носитель

тепла, бредущая по изрытой дороге. Она – жизнь, это тоже жизнь.

Ли Цзиньчжао – „Красного лотоса лепестки,“ на мотив „Ицзянь-мэй,“ \ Если говорить о комментарии к переводу, то первая мысль: насколько все же везет искусству, если быт автора волею судьбы живописен. Лепестки красного лотоса, яшмовое сито осени, шелк одежды, бамбуковая циновка и лодка-плот в форме лепестка орхидеи – все это плоть от плоти природы и жизни Китая, и „умеющий видеть,“ поэт преподносит эти обычные краски палитры далекой цивилизации на восточной границе земли.

Вторая же мысль: как велика роль истинного нервного импульса, который пронзающей сердце гармонией, выбрасывает в мир звуков стройную красоту переживания и боль самой красоты! Только при истинно поэтическом вдохновении главенствуют Ведущая Мысль и Чувство; именно поэтому все названные «обрамляющие красоты» шелка, орхидей и холода опустевшей циновки так удачно окрашивают обитель прозрачной грусти покинутой и обреченной на одиночество.

Стройный отряд недосыгаемых и вольных птиц, летящее их молчание в холоде неба, осыпающиеся цветы, уносимые течением в молчании ночи и внутренний жар от невидимой печали загнанной в сердце – эти картины и чувства буквально преподносят законы и нормы стихосложения классической поэзии Китая. Четкий и строгий приоритет мысли и содержания – и подчиненная, ограниченная роль красочных деталей, так и не смогли послужить уроком целому сонму европейских поэтов эпохи символизма, перенявших только находящуюся на виду «разноцветную» начинку из китайской поэтической кухни. И результат – одинаковая безликость и мертвая вычурность европейских художественных поисков, оказались последним могильным камнем в самопогребении поверхностного эстетизма.

Самой интересной деталью, с точки зрения стихосложения, представляются три завершающие строки: кульминационный момент здесь вносит качественное изменение, и исповедь покинутой – даже временно! – женщины, вдруг завершается глубоким осознанием обреченности и одиночества. Такая концовка настолько спонтанна и интимна, что сигнализирует о возможности других, судь-

активных путей – помимо канонического строения классического стиха. И характерно, что в роли пионера и новатора художественной формы, выступает женщина – как Сапфо в Элладe, Мурасаки – в Японии XI века и Мари де Лафайет в XVII веке во Франции.

Характерно, что лучшие примеры китайской классической поэзии почти не нуждаются в пояснениях – настолько самостоятельна завершенность стиха. И то, что „полная луна, - намек на совершенство, слияние, также как и цветы, осыпающиеся в водный поток – представляются добавочными деталями в картине прерванной любви – что тоже интересно, но для европейского читателя это однако, второстепенно, вопреки восприятия китайцев. Очевидно, все-таки различия в восприятии неизбежны, и существует грань, которую иностранцам не переступить – будь это поэзия, или классический индийский танец с мелькающими символами разнообразно складываемых пальцев и рук. Западный зритель и западный читатель благодарны и за эту малую часть незнакомого и неоценимого богатства.

Возвращение к стиху – И это будет единственное на страницах этой книги, хотя бы из-за ограниченности количества бумаги и средств на издание книги; но при всей важности обоих этих моментов, главной причиной остается конечно то, что мы можем назвать „автономным существованием,„ произведения – если слово „жизнь,„ покажется захватанным и замутненным до безликости. Очевидно, не раз при возвращении к прекрасному произведению истинного искусства, оно нам предоставляется другим, отличным, ибо изменилось с прошлой встречи, как и мы сами. И этот стих представился по-другому, подняв на поверхность другие секреты своих сплетений, на которые мы не откликнулись при первом знакомстве – не потому что их там не было, но мы сами очевидно, на этот раз продрались через новые заросли и живую изгородь колючих дней, и с обрыва взглянув на вечный поток неумиряющей боли, опять поновому видим новый его образ, и аромат стиха предстает по новому, как вкус знакомого вина после сезона чувств и страстей.

Первые четыре строки – две пары: Первая – мир, все что объемлет взор вокруг нас и над нами, вместе с небосводом, изменчивым и бездонным, под которым нам выделено переживать и страдать с благодарностью – за то, что сподобились видеть Нескончаемые

Изменения Большого Каприза. „Красного лотоса лепестки, \ \ Веет осени яшмовым ситом, \ \ и режет ухо, как надрывный звук одинокой, единственной струны собственной любви и горя – неприкрытого и самого важного, как память о любовном свидании: „Знаешь... циновка моя из бамбука... \ \ Так холодна, „

Следующие четыре строки – завуалированное описание любовного томления и эротики – где-то там, на Востоке, у края Земли. Очевидно, эпоха и этапы истории во многом определяют внешний образ, и очень долго, и на Западе, и на Востоке, восприятия любви и ее атрибуты – включая и внешнюю, деятельную и внутреннюю, психологическую сторону совпадали – и любовь рассматривалась как непохожее на все, нам привычное – как жизнь и мир, где все это происходит. Первая строка: „шелк одежды своей приоткрыв, „ уже настораживает не только намеком на касание „шелка кожи, „ и это не поверхностная эротика кокетливой поэтессы, а самая настоящая драма, подходящая для классической оперы, и звучат здесь другие инструменты – не авлос – „двудудки, „ и флейты аркадийских пасторалей, а скорее вопли чуждой гармонии неутоленной страсти и натуралистическая – на традиционный европейский взгляд, конкретная фонограмма скрытых в чайных домиках спектаклей и драм – острых, как прижатое к коже лезвие, или волос, коснувшийся глазного яблока.

„Поднимаюсь одна \ \ В лепесток орхидеевой лодки \ \ Легкий тает вокруг аромат... „, Символ орхидеи, для тех, кто видел и знает этот цветок, как бы олицетворяет обещание женской любви, и вместе с „легким таящим вокруг ароматом, „, напоминает о „многозначности, „ задернутого полога или закрытой ширмы. Это же сравнение подходит к разделенной душе, и к источнику тоски, с его тоской по слиянию и мучающим надежду вопросом: „скоро-ль сольются? „. И безответная загадка молодого лба, без единой морщинки – только линия бровей, как элемент недописанного иероглифа судьбы, и объединяющего, бессмертного финала неумирающей любовной боли, что остается в памяти, переходя из поколения в поколение, из страны в страну, от жертвы к жертвам – в „потаенности теней, „, извечным грузом – как брелок обреченности на „краешке сердца, „

Интуитивное восприятие обреченности, характеризую, „ щее

это стихотворение, так велико, что повлияло и на ответный наш комментарий, который возможно не более действенен, чем отражение туманного утра в замутненном зеркале – и также неинформативен. Однако, одно – и пожалуй, главное он все же проясняет: гармонией излитая боль остается неумирающей, оживляя себя при каждом напеве, каждом прочтении, утверждая себя невесомой и неумирающей принадлежности к роду человеческому – как слово, как речь, и желание заново пережить и боль и красоту, вместе – и красоту, и боль, ибо они неразрывны, одна за другой, и обе - от нашей жизни; к счастью, конечно.

Ли Ю – „Диадема,,ю „А рука у тебя как и прежде нежна.\\ Превосходно вино.\\ Временно прервем цитату, которая начиная с названия, больше похода на перевод стиха Оскара Уайлда. Однако окончание строки – „манит выпить до дна,, меняет тональность и становится более „пригодной,, для того, чтобы отнести ее к Вийону или Хайяму. Но это конечно не так, и стих идет своей дорогой и встречается с „Ты уж не та\\ как тростника худа \\ Кружевной твой платок\\ Ото слез весь промок\\. Слезы слили румяна с лица,,. Эпические сотрясения в поэзии представлены через „призму,, раненного личного восприятия и малая деталь домашней боли становится немим незабываемым уроком злу. Его обитель – прежде всего люди, которые разбрасывают ее семена по полю жизни. Наподобие детали опустевших вешалок замка и пустых соколиных насестов; без слов возвещающих начало горькой главы жизни семьи Компеадора в „Песне о моем Сиде,,. В этом тоже живая сила стихов - и как живые и сильные звери, они отмечены сильным запахом характера и жертвенности. Этим и помогают нам найти и опознать их среди сотни себе подобных и их единство составляет удивительный bestiарий наших страстей – всепожирающих, но часто грациозных. Как и покидающая поэта надежда, что растворяется в воздухе, чтобы невидимо вселиться в очередную жертву с печатью поэта – на челе или что еще где Каприз Природы выжигает – нам неизвестно; однако смысл основной нам все же ясен: такая неистребимость поэтов – сорняков достойная – нужна природе для баланса, это ясно.

„Ода цветам Мэйхуа,, Ода нерасторжимости и единству красоты и добра, ода красоте как этическому феномену. Это очень важ-

ный момент и своим значением он обратно пропорционален месту, которое мы ему уделили.

На данном этапе истории художественные произведения созданные крупными государственными деятелями остаются прежде всего пикантным дополнением к их портретам. „Снег,, Мао Цзедун – интересен, как интересны акварели Черчилля. Стих начинается с последовательного описания природы. Проблеск поэтического сравнения сказывается в „А горы как кольца танцующих змей. \\  
Нагорья как стада слонов\\. Но побеждает эйфория политического деятеля на гребне удачи и рождаются мало тактические строки: „Ушли герои прошлых дней. \\  
И можно только в нашем веке \\  
Найти достойнейших людей.,,

„Мейхуа,, - После предыдущего стиха странно любованье этого стиха простой красотой. Очевидно, только для природы осталось у него отношение равного – к равному, ибо и человек и деревья – в китайской традиции воспринимаются равноправными созданиями природы. Только появление кого-либо в канве стиха, человека, вызывает у автора желание самоутвердиться и доказать свое превосходство. Может это следствие какой-либо „прошлой ущемленности,, может – продуманная настороженная позиция против любой возможности считаться равным и следовательно достигаемым. А это уже означает ощутить себя в „зоне возможной опасности,, вместе со всеми простыми смертными и поэтому не допустима для избранного пути.

Несмотря на то, что Мао Цзедун, как революционер, во многих своих статьях и выступлениях стремился „осовременить,, язык, т.е. максимально приблизить литературный язык к разговорному, его собственные стихи написаны в старинном жанре „Цы,,.

Так получилось, что хронологическая систематизация материала последним предоставила не самый «вкусный» кусок китайской поэтической кухни и образ Мао Цзедунa еще несколько поколений будет восприниматься – даже в антологии лишь как очередной пример „пишущего правителя,,. Ну что-ж, не обязательно завершать любой обзор со славословиями и урямым оптимизмом, и если бы я так поступил, то сам бы первый счел, что крылья разбуженных, взлетающих старых стихов меня не коснулись. Но мы-то хорошень-

ко уяснили себе, даже в скромных рамках эссеистского комментария, что и история, и эстетика и философия развивались в Китае спирально, то сильно пульсируя, то с грозными всплесками - и имена обретали силу лишь тогда – и у тех, кто чутко слышал Жизнь во всех ее проявлениях - в природе, животных, людях, страстях, облаках, кто мог видеть Время и слышать Пространство. А остальное уже было сказано, как говорится, является „делом техники,, она же никогда не представляла трудности для китайского искусства. При этих традициях, неудивительно.

Они живы, эти строки. Мы в этом только что убедились, получив огромное удовольствие от труда многоуважаемого переводчика Ся Чжи-и, труда, значение которого нельзя переоценить – и за что мы выражаем ему нашу признательность и благодарность.



Русудан Кутателадзе

### **Господину Ся Чжи-и в знак глубокой признательности**

Эта маленькая заметка не задумана как рецензия, тем более не претендует на профессиональный анализ переводческого труда. Просто, чтение китайской поэзии (в русском переводе) вызвало во мне желание высказать свои проникшие в глубину души впечатления.

Думаю, для начала следует отметить, что интерес ко всему связанному с Китаем сопутствует мне с самого раннего детства. Дело в том, что моя родная тетя, Нонна Захарьевна Тушмалишвили, вышедшая замуж за Лю Вейчжоу, всю свою долгую жизнь провела в Китае. Любовь к ней, к этой замечательной женщине, человеку удивительной судьбы, питала мой интерес к китайскому искусству, быту, вообще ко всему, что связано с этой страной. В 50-60 гг. 20-го века, в период „вечной нерушимой братской дружбы“ между двумя великими державами, СССР и Китаем, начался бум переводческой литературы. До этого времени китайская литература для нас, жите-

лей Советской страны, являлась „Терра инкогнита». Вот в это самое время мне довелось в русском переводе познакомиться с сочинениями Пу Сунлина, Цао Сюецина, Бай Цзюйи, Ду Фу и других выдающихся литераторов.

На грузинский язык китайская поэзия переводилась очень редко и лишь с русского подстрочника (проза вообще не переводилась). Гораздо позже, много лет спустя, две двоюродные сестры, Лю Куангвен (дочь Н. З. Тушмалишвили и Лю ВейЧжоу) и я, автор этих строк, взяли на себя смелость перевести на грузинский язык сочинения Ляо Чжая (36 новелл в грузинском переводе вышли в свет в 2010г.). Отмечая все это, я хочу сказать - мне, в некоторой степени, знаком переводческий труд и то, с какими сложностями сталкивается переводчик, в особенности переводчик с китайского языка. Упомяну также известную истину: перевод прозы это одно, а перевод поэзии, тем более китайской поэзии - это совершенно иное понятие, дело весьма и весьма разной степени сложности; хотя и китайская проза, в том числе проза Ляо Чжая, богата рифмой, и я бы сказала, своеобразной ритмикой. Не могу воздержаться и тут же не добавить, что время, проведенное в работе над переводом, было для меня исключительно радостным, более того - счастливым.

Теперь о самом главном. Маленькую книжку „Цветы на ветру. Классическая поэзия Китая. Перевод Ся Чжи», (издано в Тбилиси. 1995г.), подарила мне вышеупомянутая двоюродная сестра, Лю-Кандарели Куангвень. Скажу сразу же - перед г-ном Ся Чжи за его многолетний доблестный труд склоняю голову и приношу огромную благодарность, благодарность за то эстетическое наслаждение, которое испытала от соприкосновения с китайской поэзией и с высоким искусством перевода.

Перед переводчиком, среди прочих задач, стояла исключительно сложная задача - из бездонного кладезя китайской поэзии, из богатейшего культурного наследия более двух тысяч известных поэтов, выбрать стихи для маленького сборника. Ведь в этой сфере Китай занимает совершенно уникальное место в мировой литературе. Г-н Ся эту задачу решил замечательно! Сборник, невзирая на маленький объем, создает ясное впечатление о многообразии поэтических имен, о разнообразии поэтического стиля, индивидуального

почерка, творческих интересов, о богатстве тематики и т. д. И еще хочу подчеркнуть изысканный вкус г-на Ся, проявленный в выборе образцов поэзии.

Среди проблем, возникающих перед переводчиками, обычно стоит проблема не только передать содержание поэтических строк, но и воссоздать на другом языке оригинальность индивидуального авторского письма, прелесть языка. В данном переводе до читателя донесена тонкость китайской поэзии. Большим достижением и достоинством, заслугой перевода г-на Ся, на мой взгляд, является еще и то, что в рифме и ритме русских слов сохранена легкость, я бы сказала какая-то воздушность, столь свойственная китайской поэзии (я, безусловно, имею в виду не содержание стихотворных текстов, а фонетику, синтаксис и т.д.), придающая ей особую прелесть, которая в других аналогичных переводах, в основном, бывает утрачена. Хотя необходимо отметить, что те переводчики следуют принципу исключительной точности содержания, сохраняют верность сути каждого слова, а те, кому знаком китайский язык, знают, какой глубокий смысл таится в китайских словах, сколько, я бы сказала, обертонов вмещает каждый иероглиф. В подтверждение своих слов приведу отрывки из разных переводов двух стихотворений Ду Фу и Бай Цзюйи.

Ду Фу „Вербовщик в Шихао,, - В селе Шихао как-то на ночлег Я вечером остановился. \\ А в ночь набор ведущий человек \\ Крестьян в солдаты забирать явился. \\ и т.д. (перев. Ся Чжи)

Ду Фу „Чиновник в Шихао“ - В деревне Шихао \\ Я в сумерках остановился. \\ Чиновник орал там, \\ Крестьян забиравший в солдаты. \\ и т.д (перев. А Гитовича).

Бай Цзюйи „Старый угольщик,, - Старый торговец углем \\ рубит дрова, обжигает уголь. \\ В предместье, у Южных гор. \\ и т. д. (перев. Л Эйдлина)

Бай Цзюйи „Старый угольщик“, „Угольщик старый чуть свет на ногах, \\ Уголь один обжигает в горах. и т. д. (Перев. Ся Чжи)

Еще раз повторю: перевод китайской поэзии - задача сверхсложная. Беседуя о языке Конфуция и языке, на котором разговаривали современники Ляо Чжяя, выдающийся китаист, академик В. М. Алексеев приводит такое сравнение: „...Говоря двумя словами, этот

язык так же похож на язык, на котором говорит ученик, как русский язык похож на санскрит..., В свою очередь, осмелюсь прибегнуть к следующему сравнению (да простят меня уважаемые переводчики): язык китайской поэзии - это порхание бабочки, трепет мотылька, тогда как в переводах на европейские языки слова невольно кажутся тяжеловатыми, что-то вроде жирных шелковичных червей, а не порхающих мотыльков. Завершенность формы, присущая китайской классической поэзии, в переводе г-на Ся также воссоздана. Казалось бы, а как же иначе?! Но как это сложно! Я, конечно, опять-таки имею в виду фонетику, синтаксис индо-европейских языков, столь разительно отличающихся от китайского.

Думаю, излишне останавливаться на каждом стихотворении в отдельности. Тем не менее, не могу не выделить „Пою в сумерках над рекой,, Бай Цзюйи, где переводчик сумел сохранить не только тонкий аромат поэтических строк, но мелодичность и даже ритмику стихосложения. Если только возможно достойно воссоздать ритм китайского языка, то в данном случае это достигнуто! Действительно, подобно звуку пипа, льется и звучит стихотворение „Пипа“ того же Бай Цзюйи. Удивительная музыкальность сохранена настолько, что даже не подумаешь, что это перевод. В прелестном переводе представлена Ду Цюнян, единственная поэтесса в данном сборнике. Затрудняюсь представить, возможно ли перевести лучше строки Ду Му „На ветвях клена листья рдели // огнем чудесной красоты,,. Думается, лучше нельзя было сказать „Пусть люди ногами невольно их мнут // Цветы аромат все равно издают,, (Лу Ю „Мэйхуа,,). Подобно печальной мелодии трепещут слова „Осенние думы,, Ма Чжиюенья. Словно родник, безыскусственно проста, в лучшем понимании этого слова, „Народная песня,, Ло Гуаньчжуна. Захватывает душевной взволнованностью тонкая лирика Лу Юя. Перечень легко можно было бы продлить.

В сборнике господина Ся, каждый поэт предваряется кратким предисловием, знакомящим читателя с биографией и маленьким анализом стиля поэта написанные Лю-ДКандарели. Это краткие, емкие научные эссе, где лаконично (а лаконично сформулировать основное весьма сложно, тем более, столь обширный материал) освещается стиль каждого поэта, его значение и место в национальной поэзии,

в китайской культуре. Эти маленькие эссе очень помогают нашему читателю, что не маловажно.

И еще один важнейший вопрос, который необходимо особо отметить. Это равноценное знание двух языков - родного китайского и иностранного, русского. Читая эти стихотворения, поневоле задаешься вопросом - не написаны ли они русским поэтом? Отдельные стихи „звучат,, настолько по-русски, что во мне вызывают ассоциации порой с Некрасовым (Бай Цзюйи. „Однажды уж ночью близ устья Сюньяна // Я гостя в дорогу домой провожал“ и „Однажды в студенную зимнюю пору // Я из лесу вышел, был сильный мороз“ Некрасов), порой с Есениным (напр. Бай Цзюйи „А роса сверкает, словно жемчуга, // в небе серебрятся месяца рога“ и строки Есенина „А заря лениво обходя кругом, // покрывает ветви новым серебром,,). Столь совершенное знание чужого языка поразительно! Это знание, сказывающееся как в богатстве словесного запаса, так и в оборотах речи, не только глубоко, но и как-то органично, естественно для г-на Ся Чжи. Мне кажется такие слова, как зги (стихотворение Ду Фу „Не видать кругом ни зги ... Лишь на лодках огоньки“), также как и власа (стихотворение Ли Шанинь „Ты робко взгляд свой в зеркало кидаешь, // Боясь в власах увидеть седину,,) и т. д. молодое поколение россиян не только не употребляет в повседневной речи, но и вряд ли знает вообще. А как чисто по-русски звучит слово „травинушка“ (Бай Цзюйи „Травинушка моя степная“)!

В предисловии данного сборника уважаемый г-н Ся пишет: „Мой перевод преследует цель ознакомить людей, владеющих русским языком, с произведениями поэтов моей Родины, переведенными китайцем, с его пониманием и ощущением классики своего родного языка.“ С полной уверенностью могу сказать, эта благородная цель полностью достигнута. Более того, г-н Ся создал редкую возможность соприкоснуться с прекрасным миром, имя которому „Классическая поэзия Китая“. Глубокая ему благодарность за столь щедрый, роскошный подарок. Будь старые времена, многоуважаемому г-ну Ся Чжи в знак признательности я бы присвоила титул Цзинши.

2013. Тбилиси.

### Коротко об особенностях стихосложения классической поэзии Китая

Читателю наверно известно, что древнейшая поэзия Китая представлена в сборнике народных песен „Шинцзин„ („Книга песен„), по преданию собранная Конфуцием. Основная форма стихосложения того времени, это четыре слога (или иероглифа), а можно сказать – четыре слова в строке. Так как китайский язык слоговой, то каждый слог может быть словом, и представляться одним иероглифом. Вторая особенность языка, это тональность. Поэтому в стихосложении очень важно количество слогов, рифма, ритм и тон. Но в период „Шинцзина“ еще не было очень строго требования к тону. Сборник собрал поэзию, созданную не позже чем 2-7 вв. до н.э.

В 3-5 вв. до н.э. в княжестве Чу распространяется поэзия стиля Чуцы („чуские строфы“), ярким представителем этого стиля является великий поэт древности Цю Юень (340-278 гг. до н.э.). Строфы имели в основном семь слогов в строке, очень часто строка была создана из семи и шести слогов, а первая часть строфы завершалась восклицанием (создающей ощущение рифмической концовки) „си“, создавая этим особую ритмическую и рифмическую структуру.

Некая архаичность стихов из „Шинцзина“ которая прослеживается даже в гениальных поэмах „чуской строфы“, в Ханьскую эпоху (1-2 вв. до н.э. и 3 в. н.э.) постепенно заменяется более утонченной, порой имевшей сходство с эссе. Ритмически динамитной поэзией. В конце эпохи Хань (период Троцарствия) произошел некоторый перелом – вычурная, тяжеловатая стилистика „пиньвень„ (параллельность стиха) заменяется пятислоговой строфой, более стройной по сравнению с архаичной формой, которая не отличается большой свободой. В этом стихосложении неоспоримые заслуги принадлежат выдающемуся поэту Цао Чжи (192-232 гг. н.э.) и его монаршему брату - Цао Пи. Оба поэта не только освободились от архаики, но и отказывались от вычурной помпезности постханьской словесности. Группа поэтов в конце Ханьской эпохи обращается к народным песням „юефу“ и этим оздоровила и обновила поэзию того времени. Позже великий поэт Тао Юеньмин (365-427), прозванный

„поэтом отшельником в природе и миру“, писал уже пятислоговой и семислоговой строфой, последние особенно сильно повлияли на таких великих поэтов Танской эпохи (8-1086) как Ли Бай, Ду Фу и др.

Танская поэзия – современная и зрелая, и не только в художественном и эстетическом смысле, но и в самом стихосложении. Ранние танские поэты, например Ло Биньван и др. уже в совершенстве владели строфой из пяти слогов, но писали и в новой семислоговой форме, которая давала большую свободу выражения. В Танское время стихосложение уже очень строго регламентировано и в техническом и научном и в эстетическом смысле достигает совершенства классицизма.

Пятислоговые и семислоговые строки рифмуются так: рифмы обычно находятся в конце четных строк. В строке соблюдается строжайшая система тональности, особенно строгие требования к тону предъявляются конечному слогу каждой строки. Метр, ритм, тон и рифма – едины.<sup>1</sup>

Начиная с династии Суй (581-616) в Китайской классической поэзии складывается новый жанр «Цы», что по-китайски обозначает „текст к песням“

Исследователи справедливо предполагают, что этот жанр спровоцировал скрещение на древнекитайской почве буддийских мистерий и проповеднических сутр - с китайской народной и городской, светской песнями. Самые ранние формы «цы» найдены в пещерно-монастырском комплексе Дунхуань, находящемся на древнем Шелковом пути. В дальнейшем «цы» прочно входят в светскую жизнь, и за тем подхватываются всем многочисленным слоем «граммотеев-поэтов», которыми изобилует тогдашний Китай.

Постепенно «цы» превращается в более свободную форму классической поэзии. Может этим объясняется, что в Танскую и Сунскую эпохи «цы» была почти единственная форма любовной поэзии, пока она не «созрела» в Сунскую эпоху (11-12 вв. н.э.) и в этом жанре стали работать великие поэты того времени Су ши, Лу Ю, Син Циди, Ли Цинджао и многие другие. Благодаря им „цы“ доводится не только до совершенства классической формы, но духов-

---

<sup>1</sup> Вся поэзия, подчиняющаяся всем вышеупомянутым стилям стихосложения, по китайски называется „ши“, („ши“, и есть „поэзия“, по-китайски).

ной силой и его уже приравняют „ши,,. . И все-таки „цы,, навсегда остался более лиричным и более изящным стилем поэзии.

Так как „цы,, это слова для песни – некоторые русские переводчики пользуются словом «„романс“ то они слагались на какой-то мотив определенной песни и так постепенно складывалось неизблемое, классическое стихосложение данной песни. По этому читатель в данной книге найдет такие примечания как: „на мотив Юмейжень,, „на мотив Пусуаньцзы“ и так далее.

В отличие от „ши“ у „цы“ длина строки сильно колеблется, это дает свободу и усиливает ритм. „Цы“ чаще делятся на две строфы с не строго ограниченными „тактами“ слогов. Каждая строфа – это один куплет и куплеты могут повторяться.

К сожалению, мотивы „цы“ давно утрачены, но сама форма стихосложения, претерпев расцвет в Сунскую эпоху (11-12 в.) пережила возрождение при Цинской династии (18-19 в. н.э.) В современном Китае после буржуазной революции 1911 года и тем более 1949 года древнее стихосложение не является обязательным предметом обучения, хотя в классическом – старинном и древнем образовании это было первое и главное условие для грамотности в словесности. Но и в современном Китае, многие продолжают сочинять придерживаясь этих форм. В основном современная поэзия Китая, пишется на разговорном, живом нынешнем языке, свободна в форме стихосложения и в принципе не отличается от современной поэзии стран мира.



## Династия Хань (206г. до н.э. – 220 г. н.э.)

### Городская песенка

Ученый муж – а грамоты не знает,  
Почтительнейший сын – отца не уважает,  
И тот, кто будто б чист и безупречен –  
На деле грязен и нечестен.  
А знатный храбрый генерал –  
На деле трус, какого мир еще не знал!

### Троецарствие (220-280г. н.э.)

#### Цао Чжи (192-232)

Цао Чжи, прозвище Цзыцзень, родина – современная провинция Аньхой. Он является одним из самых известных поэтов поздне-Ханьской династии периода Троецарствия. Весь клан Цао состоял из известных исторических личностей. Отец Цао Чжи, Цао Цао, был незаурядным человеком, видным сановником, полководцем, узурпировавшим трон и положившим конец правлению династии Хань, являлся выдающимся политическим и литературным деятелем того смутного времени. Брат Цао Чжи, Цао Пей, был также известным и влиятельным поэтом, впоследствии ставшим государем царства Вей /Троецарствие состояло из трех государств – Шу, У, Вей/. Цао Чжи был необыкновенно талантлив, в десять лет поразительно начитан и слыл «вундеркиндом». Его ранние произведения посвящены смутным временам, горестям и трудностям общества: есть и дифирамбы подвигам отцовского войска в жанре «Фу» - воспевание и т.д. Поэзия позднего периода пронизана горестью одиночества, скорбью об унижениях и преследовании, которым подверг его монарший брат, Цао Пей, завидовавший огромному превосходству в таланте, значении, духовности, уме и даже внешности брата. Здесь сыграло свою роль и то, что Вейский двор был разделен - очень многие сановники желали видеть Цао Чжи на месте государя, так как Цао Пей был более властолюбив и зауряден. Вся жизнь Цао Чжи прошла в постоянном страхе и полузаклчении. Но отношения между братьями были

противоречивыми: интриги, зависть, взаимные подозрения не исключали общую любовь к поэзии и некоторые общие достижения, общий круг интересов и определенное общее преклонение перед отцом и его делом. Стихотворение «Стихи семи шагов», названное переводчиком «экспромтом», выйдя за рамки просто популярного произведения, давно уже стало в Китае притчей. Оно родилось на одном из придворных литературных состязаний, когда Цао Пей дал брату жестокое задание: составить стихи, пройдя семь шагов, иначе обещал казнить его. Цао Чжи, не колеблясь и с легкостью сочинил этот стих, порицающий вражду и злобу между близкими людьми. Подразумевал под стеблями бобов /бобы и горох одно и то же слово в древнекитайском языке/ старшего брата, а под плодами – младшего, он сумел, не используя прямое описание, выразить свою мысль в крайне сжатой, но очень поэтичной и красивой форме. Цао Пей, по преданию, даже прослезился, когда Цао Чжи произнес стих, уместившийся во времени и ритме семи шагов.

Цао Чжи, не дожив до сорока лет, все же стал самым выдающимся поэтом времени Троецарствия, оказавшим значительное влияние на развитие тогда сравнительно нового стиля стихосложения пяти иероглифов, т.е. пятистишия, пяти слогов в строке.

### Экспромт

(сочинено за время, требуемое, чтобы сделать семь шагов)

Гороха стебли жгут в огне  
На них горох же варят,  
И он уж находясь в котле,  
От боли громко плачет.  
Ведь кровь от крови мы же с вами!  
Зачем жестоки вы так с нами?



## Период Южных и Северных династий (420—479 гг.)

### Поэма о Му Лань

Му Лань является одним из значительнейших памятником китайского героического жанра. Короткая поэма насчитывает около 1500 лет. Автор неизвестен. Перевод осуществлён почётным членом Грузино-Китайского центра культуры «Шёлковый путь», китайским руссистом, профессором, господином Ся Чжи-и и посвящён Грузино-Китайской дружбе.

#### Му Лань

Жужжит, поёт веретено  
В просторной девичьей светлице,  
Вдруг перестало петь оно.  
Лишь слышны вздохи тяжкие девицы.

\*

О чём ты тужишь, дева молодая ?  
Что есть причина горести твоей.  
Ведь ты жила забот не зная.  
Под оком матери своей.

\*



Набор солдат вчера объявлен.  
И в списках новобранцев там  
В первом ряду отец поставлен,  
Прибыть он в лагерь должен сам.  
Отец уж стар, а брат-дитя  
Из них кто может в армии служить?  
И за отца пойти решила я  
И завтра мне уж нужно в армию прибыть.

\*

Седло, уздечки и коня  
За полдень всё купила я.  
И всё что нужно для похода,  
Я закупила на полгода.

\*

С отцом и матерью простилась утром дочь.  
И берега Хуанхэ она достигла в ночь.  
Не слышен ей отцовский больше зов,  
Лишь слышен плач реки да ветра рев.  
Хуанхэ покинула к рассвету дочь  
И Хэишантоу достигла она вночь  
Она не слышит больше зова матери своей.  
Лишь слышит гиканье и визги вражбых дикарей.

\*



Как вихрь она мчалась навстречу  
Лютейшему и ненавистному врагу,  
И сквозь бесчисленные сечи  
Урон тягчайший нанесла ему.  
Уж ночь. Луна безмолвно озаряет  
Кольчуги спящих батырей.  
И буйный ветер доставляет  
Звук колотушек патрулей.  
За сотни кровопролитнейших сражений  
Все генералы полегли.  
И после долгих лет борений  
На родину вернулись батыри.

\*

На родине в столице  
Их принял Богдыхан.  
И каждому им лично  
Был всем указ отдан:  
Всё то, что, кто желает,  
Пусть выскажется сам.  
Вас всех награды ожидают,  
Их все я нынче выдам вам.  
Му лань лишь головой качает  
И Богдыхану отвечает:  
«Ни почестей, ни злата  
Ничто не жажду я.



И лишь родная хата  
Всего дороже для меня».

\*

Узнав, что скоро к ним вернется дочь,  
На радостях родители не спали целу ночь.  
К рассвету старики пошли её встречать,  
Сестра же с нетерпением стала ждать.  
Узнав, что старшая сестра вернется скоро,  
На кухне брат стал резать живность споро.

\*

Му Лань вошла в свою светлицу,  
Здесь было всё словно вчера,  
И рой воспоминаний охватил девицу,  
Но выходить к друзьям была уже пора.  
И снявши снаряженье боевое,  
Надевши платье девичье былое,  
Своею старую расческой,  
Поспешно сделав девичью прическу,  
И заколов цветы в власа,  
Му Лань пошла на зов отца.

\*

Друзья при виде боевого друга,  
Вскочили с мест все от испуга.  
Двенадцать лет ты с нами прожила!  
Кто мог бы знать, что ты женщиной не была!

### **Династия Тан (618-907 гг.)**

Ло Биньван (628-684 гг.)

Родился в 640 году, а год его смерти спорен. Как и Ван Бо, его называют «одним из гениев начала Танской династии». Родина поэта – провинция Чжецзян. В молодости Ло отличался необузданностью, известны за ним даже хулиганские выходки, водился он и с картежниками. Был принят князем Ли Юеньцин витязем княже-



ского двора. Добровольно записывался в войско при походах в Сиюй (Среднюю Азию). Сидел какое-то время в тюрьме, хотя в своих стихах называл себя невиновным. В 684 году было дворцовое восстание против женщины-императора У Цзетень (единственной женщины –императора в истории Китая, ибо даже всевластная Цыси официально считалась императрицей). Ло писал военные приказы для князя, чем вызвал его гнев - до того преклоняющегося перед ним, как перед поэтом. Затем впал в немилость, и с тех пор его след теряется. В народе ходили противоречивые слухи о его дальнейшей судьбе.

### Гуси

Гуси, гуси. Ой да гуси!  
Белоснежные тела.  
Опустившись в реку Уси,  
Вся их стайка поплыла.  
Птицы медленно плывут,  
Лапки красные гребут,  
Задрав голову гогочут,  
А вода, как изумруд.

Пою в тюремной камере о цикадах

С тоской цикада Осенью стрекочет,  
И узник думою тяжелой удручен.  
От клеветы очистить он себя не может,  
Лишь навевает грусть цикады звон.  
Роса обильна, Ветер силен,  
Летать и петь цикадам не легко,  
И кто поверит в то, Что он невинен,  
Помочь кто сможет смыть позор с него?

## Ван Бо (650-675 гг.)

Еще в юности, в четырнадцать лет, завоевал высшее звание на государственных экзаменах. Как и все, прошедшие школы конфуцианской подготовки и получившие звание цзиньши, стал сановником при дворе. Вскоре, после своей шуточной-сатирической резолюции на один из государственных указов, был выгнан императором Тао Цзуном и чиновничествовал в провинции Сычуань, где снова вступил в конфликт с высшими чинами и был сослан, но помилован и после этого ушел с государственной работы. Его отец также пострадал от его поведения. Однако причиной такого поведения послужил не только характер, но и талант молодого поэта, которого в очень раннем возрасте уже называли «одним из гениев начала Танской династии». Его поэзия и проза отличались богатым и красочным пафосом, особенно в стиле «парных стрóf». Считается, что впоследствии поэзия его послужила школой для такого великого поэта как Ду Фу. Ван Бо умер молодым, в 676 году, прожив всего двадцать семь лет. Родина его была провинция Шаньси.

Проводы помощника уездного начальника Ду,  
отправляющегося к месту службы в Шучуань<sup>1</sup>

Три Цинь<sup>2</sup> столицу окружают<sup>3</sup>  
Вдали и ветер и туман  
Шучуань от глаз нам застилают,  
Куда служить приказ вам дан.  
Скитальцы мы по долгу службы.  
Хотя разлука и горька.  
Не знает расстояний дружба,  
Есть друг вдали – и даль близка.  
Так в час разлуки пусть слеза  
Не затуманит нам глаза.

1 Шучуань - старинное название современной провинции Сычуань

2 Три Цинь – местность, находящаяся на территории нынешнего района Гуаньчжун провинции Шэньси. Во время династии Цинь эта местность называлась Цинь. После падения этой династии новые владельцы разделили ее на три части. Поэтому она впоследствии стала называться «Три Цинь».

3 Окружают – здесь значит «охраняют».

### Хе Чжичжан (659-744 гг.)

Родился в 659 году, в провинции Чжецзян . Во время правления узурпаторши, императора У Цзетень, сдал экзамены на степень цзинши, был в чине писаря двора, состоял учителем и советником принца, занимал и другие должности при дворе. Характер Хе, по воспоминаниям современников, был открытым, веселым. Но к старости – а он прожил долгую жизнь – поведение его стало необузданным, он участвовал в попойках с друзьями, поэтами и певицами, выбрал себе прозвище «Сумасшедший гость-ясновидец». В конце жизни стал отшельником на озере Цзинху. Его каллиграфия была высоко оценена еще его современниками. До нас дошло лишь девятнадцать из его стихов, но все они широко известны. Он умер в 744 году.

#### Возвращение на Родину

Покинув юным отчий дом,  
Вернулся я уж стариком,  
Хоть не забыт язык родной,  
Как изменился облик мой!  
Толпа детей из нашего села,  
Меня за чужака уж приняла.  
Они, смеясь, пытаются старика:  
«Вы верно гость издалека?»

### Ван Хань (68?-?)

Выходец из провинции Шаньси. Даты рождения и смерти неизвестны. Он получил степень цзиньши, был чиновником. В молодости вел беззаботный образ жизни богатого юноши, увлекался спортом, играми и вином. Сам сочинял музыку к своим стихам, и танцевал под эту музыку. Предаваясь разгулу и веселью, не задерживался долго ни на одной должности, и скандалы вокруг него



не прекращались до самой его смерти. В его доме шли знаменитые в те времена кутежи, он содержал немало собственных гейш, имел лучших скакунов. Его жизнь вызывала и зависть и критику, но он держался надменно, как бы не замечал их.

По размаху своего поэтического таланта он напоминает Ли Бай, и его поэзия не лишена широты, величия, романтики и строгого ритма. Хотя немного его произведений дошли до нас, но они достаточно известны. Лучшие его стихи написаны в основном в древнем стиле «гути», близком к жанру «юэфу».

#### Ляньжоуская песня

Вино виноградное, яшмовый кубок,  
Едва я успел приложить к нему губы,  
Пипа<sup>1</sup> заиграла, торопит в поход,  
Идти воевать она всех нас зовет  
Как я упаду, охмелев от вина,  
Не смейся, мой друг, надо мной,  
Ведь всем же известно, издревле война  
Немногих с боев возвращает домой.

<sup>1</sup> Старинный струнный китайский инструмент.

## Ван Вэй (701-761 гг.)

孟浩然  
浩然不按古匠心  
猶妙時間造私者  
秋月新聲藉英華  
賦詩作會浩然曰  
破雲淡河漢疎  
西浦梧桐卷生  
歎其清絕



В начальный период творчества поэта большинства его стихов было написано на патриотическо-романтическую тему, описывающих пограничную жизнь. В дальнейшем он в основном принадлежит к числу поэтов пасторального лиризма. В преклонном возрасте Ван Вэй поселяется в деревне и ведет обеспеченную жизнь полусановника-полузатворника. Стихи его, яркие, образные и своеобразные имели огромный успех. Он был сведущ в музыке, был мастером рисования и каллиграфии. У него в стихах – картины, а в картинах – стихи, сказал про него поэт Сунской династии, Су Ши.

### Осенний вечер в горах

Уж вечер осенний на землю спустился,  
И свет от луны через ели струился,  
А горы как чисты! Их дождь все омыл,  
По камням родник себе путь проложил.  
Бамбукова роща наполнилась смехом –  
Молодки спешат после стирки домой.  
Вдали же, где лотос колышется следом,  
На ловлю рыбак направляет челн свой.  
Весны аромат, хоть исчез он давно,  
Здесь все ж продолжает пьянить, как вино,  
И многое здесь тебя может еще  
Пленить и дразнить воображенье твое,  
Плншать: оставайся, тут так хорошо.

### Вэйченская песня

Утром дождь в Вэйчене был,  
Пыль дорожную прибил.  
Листья из гостиного двора  
Стали свежи тут с утра.

Пей, пока ты средь своих,  
Лишь Яньгуань ты перейдешь,  
Старых там друзей твоих  
Днем с огнем уж не найдешь.

Ван Чжихуань (688-742 гг.)

О жизни поэта нам мало что известно. Как и Цинь Сень, он принадлежит к поэтам патриотическо-романтического, «пограничного» стиля. Он воспел суровую, но привольную природу, тяжелую, суровую жизнь на окраинах страны, тоску по родным местам. Поэт при жизни был человеком неудачливым, хотя нам достоверно известно, что поэзия его ценилась, и стихи сразу после написания перекладывались на музыку, были весьма популярны.

До нас дошло всего лишь шесть стихотворений Ван Чжихуаня, но все они как жемчужины в огромном наследии поэтов Танской эпохи.

Поднимаюсь на башню аистов

Уж солнце за горы садится,  
И Хуанхэ к морю вдаль стремится.  
Но коль ты хочешь видеть далеко,  
То сам подняться должен высоко.

Мэн Хаожань (689-740)

Родился в 689, умер в 740 году. В молодости жил в безвестности в родном городе Сянян (провинция Хубей), в горах, и увлекался поэзией, довольствуясь этим любимым делом. Затем поехал в столицу Чаньань сдавать государственные экзамены на степень цзиньши, но не выдержав их, вернулся на родину. Недолго проработав на государственной службе, провел жизнь без чинов, что тогда называлось «быть простолюдином», хотя он уже при жизни пользовался широкой известностью, как поэт.

В китайском литературоведении всегда считалось, что помимо великих Ли Бай и Ду Фу, самыми значительными поэтам пери-

ода развитой династии Тан являются Мэн Хаожань и Ван Вей (В сборнике есть 2 его стихотворения). Эти поэты, хотя и не во всем похожие друг на друга создали лирическо-пасторальный стиль в Танской поэзии. Мэн Хаожань является классическим представителем той части китайской интеллектуально-ученой среды, которая создала тип конфуцианца, внешне противоречивого, а в сущности, цельного – это и отшельник, хотя его уединение не было продиктовано религией, и в то же время, человек, вовсе не отказывающийся от принципа конфуцианства – служить обществу и государству. Мэи Хаожань был очень силен как в стиле пяти иероглифии (пястишия), так и в стиле пасторального лиризма.

### Весеннее утро

Как быстро ночь весною пролетает,  
Рассвета даже не заметил я,  
Повсюду птицы над землей порхают,  
Их пенья звон лишь разбудил меня  
Мне ночью слышался сквозь сон  
В саду шум ветра и дождя,  
Цветы там понесли какой урон,  
Увидел я лишь в сад войдя.

Ли Бай (701-762 гг.)



Ли Бай имел прозвище Тайбай (бай – белый, Тайбай – крайне белый) прозвище в творчестве – Цинлень Цзюинь (парий зеленого лотоса). Семья его происходила из провинции Ганьсу. Несколько поколений его предков были полководцами и чиновниками в Сиюй (Сиюй – Запад. Во времена Хань и Тан народы заселяющие земли на запад от Китая, то есть Среднюю и Малую Азию, назывались Ху. Гунны назывались Сюн-ну). В Средней Азии были государства, впоследствии уничтоженные сперва монгольскими, а затем тюркскими войнами. В таком государстве – Суйе (китайская транскрипция) и родился Ли Бай. Суйе находит-

ся в теперешнем Кыргызстане, в Танское время принадлежала пограничным полкам Аньсидукуфу. Биография Ли Бай весьма спорна: есть ученые, которые считают, что отец Ли Бай был по национальности не ханец (то есть не китаец), иные думают, что его мать была из племен Ху. Однако известно, что Ли Бай с родителями был привезен в Китай, в Сычуань, в пятилетнем возрасте.

С двадцати лет Ли Бай много путешествовал, что было довольно модно и принято в Танское время в кругу знатных молодых людей. Романтика, необузданность, поиски приключений и некоторая увлеченность таинственного героя, безшабашное пьянство и огромный, незаурядный талант всегда сопутствовали ему.

Жизнь Ли Бай, несмотря на обеспеченность, была противоречива, сложна и неоднозначна. В средние года он жил в провинции Тандунь (или Шандун?) В 742 году был призван двором в столицу Чаньань (ныне Сиань), ему сразу было присвоено высокое звание «ханьлин», что в наше время приблизительно соответствует «академику». Фактически, он был гостем императора, придворным поэтом. Сюньцзун, как император, поощрял изящные искусства, сам сочинял музыку. Ли Бай писал к ней стихи. Ли Бай по натуре был необуздан и горд; оскорбив евнуха Гао Лиши, нажил в его лице врага, и фаворитка Ян Гуйфей также невзлюбила Ли Бай. После выезда из Чаньань он путешествовал по югу Китая. В древней биографии его охарактеризовали так: «Обожал всякий кулачный бой (бокс – цюень), и все военно-спортивные дисциплины, мастерски фехтовал, был настоящим рыцарем в жизни, очень легко смотрел на богатство, щедро раздавал деньги нуждающимся». Известен интерес Ли Бай к поискам «шеньсеней», необычного, волшебного, мисти-



ческого; увлечение даосскими методами поиска алхимических «таблеток вечной жизни» и вместе с тем – неистовые кутежи с друзьями. Все это было в его характере. Но основа его образования была конфуцианской, и эрудиция поразительно глубокой. Некоторые исследо-

ватели считают, что он знал тюркские или иранские языки. Цинизм, легкость, самовлюбленность и индивидуализм, может быть, являются чертами в какой-то мере отрицательными, если обязательно видеть его слабости, но это все тонет в его поэзии, столь насыщенной недосыгаемым талантом, текущим так естественно и необузданно, что и принесло ему имя «Ши сень» (Небожитель в поэзии) и объясняет его огромное значение в литературе. Ли Бай не заботило материальное благополучие, и он не стремился обратить свое призвание в материальную выгоду - настолько, что его сын, ввиду бедности, не смог осуществить его завещание быть похороненным на фамильном кладбище, где покоились его деды. Лишь через много лет это смогли осуществить его потомки.



Единственный сохранившийся пример каллиграфии Ли Бо

Думы в тихую ночь

Лунный свет из окна  
 На пол лег близ меня.  
 Я за иней его  
 Принял ночью сперва.  
 Я смотрел, как луна  
 Льет свой свет на поля  
 И по дому тоска  
 Охватила меня.

### Тоска у яшмовых ступеней

Ступени из яшмы покрылись росой,  
И сырость проникла в чулок кружевной,  
Стояла в саду уж глубокая ночь,  
Когда я к себе возвратилась домой,  
Хрустальный я полог спустила рукой,  
А свет от луны все стоял предо мной,  
Сияя, мешал он мне думы прогнать,  
И долго смотрела на свет я с тоской.

### Боди я утром покидаю

Боди весь облака собою покрывают,  
От глаз людей внизу его скрывают,  
Чуть свет, с зарей, Боди я покидаю.  
И к вечеру в Цзянлин уж прибываю.  
Весь путь, как лодка по реке плыла,  
Плач обезьян преследовал меня.  
Но лодка пронеслась, словно стрела,  
И горы быстро позади оставил я.

### Весенние думы\*

Здесь в Цинь<sup>1</sup> на всех ветвях у нас  
Давно уж густо разрослась листва,  
А в Янь<sup>2</sup> на севере у вас  
Едва лишь пробивается трава.  
Когда ты там, скучая обо мне,  
Надумаешь вернуться все ж домой?  
Я дни и ночи все тоскую по тебе,  
Не знаю, что мне делать тут с собой,  
Весенний ветер, его не знаю я,  
Зачем тревожит он меня?  
По гроб я мужу своему верна,  
Хоть век была бы я одна.

\*в этом стихотворении описывается солдатская жена, муж которой находится на границе, на севере страны.

1 Цынь – древнее название места, которое находилось на нынешней территории провинции Шэньси

2 Янь – древнее название места, которое находилось на северной части нынешней провинции Хэбэй и западной части нынешней провинции Ляонинь.

### Ду Фу (712-770 гг.)



Личность Ду Фу отличалась высочайшим достоинством, чувством ответственности, абсолютным соответствием понятию «цзюньцзы» (благородного мужа) как в конфуцианстве, так и в гуманизме вообще. До Ду Фу в Китае уже была традиция человеколюбивой, не агрессивной позиции литератора, меж тем Ду Фу был так сочувственно настроен к народу, что заложил фундамент к последующему «кредо» китайской поэзии. Ду Фу считается поэтом-реалистом, тогда как Ли Бай был романтиком. В поэзии Ду Фу реализм не только методика или стилистика, или правдивость сюжета: главное – его «земной» подход к жизни народа, забота о его «хлебе насущном», тогда как Ли Бай парил над всем земным, и хотя духовная сила обоих поэтов очень велика, Ли Бай больше заботился о своей душе, а Ду Фу – о чужих жизненных проблемах.

Антивоенное начало его поэзии – самое заметное и вечное, не исчезающее и в переводе.

Переводчиком на современный китайский язык и языки народов мира, более удаются переводы Ду Фу, чем Ли Бай. Между тем, эрудиция и исторические ссылки, делают поэзию Ду Фу все же труднопереводимой.

#### Смотрю весной

Врагом захвачена страна.  
Все изменила здесь война.  
Лишь горы, реки, как вчера.  
И как всегда пришла весна.

Куда ни глянь густа листва,  
И буйно разрослась трава.

Душа охвачена тоскою,  
И мне все кажется слезою  
Роса, что капает с цветка,  
И мучаясь разлукою с тобою,  
На дальних птиц полет глядя,  
Терзаюсь я, страдаю я.

Война уж длится сотню дней.  
Письмо твое мне золота ценней.  
Волос все меньше остается  
На поседевшей голове моей.  
И шпильки для прически  
Почти не нужны при расческе.

#### Лунная ночь

В эту ночь, над Фучжоу<sup>1</sup> луна,  
Но глядишь на нее ты одна.  
Жаль, что дети малы и не знают,  
Как тоска по Чаньани<sup>2</sup> терзает.  
Ночь долга, и ночная роса  
Увлажнила твои волоса.  
От обильной росы при сияньи луны  
Обе руки твои холодны.  
О когда же, когда за завесой окна  
Засияет нам снова, как прежде, луна,  
И жемчужины слез,  
След несбывшихся грез,  
Радость встречи осушит у нас?

1 Фучжоу – уездный город к северу от Чаньяни. Место, где в то время жила семья Ду Фу.

2 Чаньянь – танская столица, древнее название города Сиань, административного центра нынешней провинции Шаньси, где в это время находился Лу Фу, захваченный мятежными войсками.

## Песнь о лачуге, разрушенной осенним ветром

Стояла погожая осень,  
Сентябрь еще был на дворе,  
Вдруг ветер, поднявшись, солому  
Мне с крыши<sup>1</sup> сорвал на заре.  
Солому развеяло всюду:  
На том берегу у реки  
Застряла она на деревьях,  
Зарылась в низинах в пески.  
Мальчишки соседней деревни,  
Увидя, что стар я и слаб,  
Собрали и вмиг растащили  
Ее у меня на глазах.  
Я звал и кричал, и от крика охрип –  
Смеялись они надо мной.  
Вздыхая, с трудом опираясь на посох,  
Вернулся к себе я домой,  
А ветер утих, но свинцовые тучи  
Все небо кругом облегли.  
Осенний же день уж к концу приближался,  
Вечерние тени на землю легли.  
А ветхое в дырах мое одеяло  
/Сынишка его истрепап мне давно/  
С годами совсем затвердело, как камень,  
И греть перестало оно.  
А крыша в лачуге везде протекает,  
Сухого в ней места нигде не найдешь,  
Назойливый дождь зарядил, не стихая,  
И ты от него никуда не уйдешь.  
С тех пор, как в стране начались беспорядки,  
Я больше не знаю покойного сна.  
Как мне в эту ночь дотянуть до утра?  
Лачуга мокра, а ведь ночь так длинна!  
О, если б построить большие хоромы

<sup>1</sup> криша быласделана из соломы

Голодным, холодным, для всех бедняков.  
Ни ветер, ни дождь, чтоб им не был бы страшен,  
Чтоб был обеспечен надежный им кров,  
И только б увидеть, как лица от счастья  
В улыбке у них расцветут,  
То пусть я замерзну, лачуга пусть рухнет,  
Я это за счастье сочту!

### Больной конь

Ты верой и правдой мне долго служил,  
Все силы на службу свою положил.  
Уж год на исходе, ты болен и стар,  
Бредешь, из последних ты сил выбиваясь.  
Но путь твой далек, а тут стужа и жар...  
Гляжу на тебя я, душою терзаясь.  
Ведь был ты не хуже любых рысаков,  
И людям служить ты всегда был готов.  
Лишь кротость, смиренность тебя подвели,  
До нынешней доли тебя довели.  
Хотя пошляки все тебя презирают,  
Ты важную истину дал нам понять:  
За кротость лишь муки мы можем принять  
Кто смирен, тот больше других и страдает.  
Волнует до слез меня участь твоя,  
Я тяжко вздыхаю, смотря на тебя.



### Четверостишие

Две иволги на ветвях ивы  
Средь зелени свистят,  
А цапли белой вереницей  
В лазурь небес летят.  
Мне Миньских гор снега  
Из окон здесь видны,  
А на причале возле дома  
Стоят Дуньуские челны.

### Прощание бездомного

Всюду сорною травую.  
Заросла страна,  
Воцарилась над землею  
Грбовая тишина.  
До войны в селе моем  
Было сто семей,  
Раскидало всех кругом,  
Нет о них вестей,  
Уж в земле погибших прах,  
А кто жив – пропал.  
Как разбили нас в боях,  
Войск и след я потерял.  
И в родимые края,  
Путь направил тогда я,  
Ожидая, что меня  
Все же ждет моя семья.  
И домой попасть спеша,  
Не жалел я сил,  
Солнца свет едва-едва,  
Тускло мне светил.  
Но меня в селе родном  
Встретила лисица с барсуком:  
Дыбом шерсть, подняли вой,  
(Я нарушил их покой).

А соседей не видать,  
 Лишь две старые вдовы,  
 Что случилось здесь, увы,  
 Не могли они они сказать.  
 Если птахе не забыть  
 Своего гнезда,  
 Дом родной как отлучить  
 От себя мне навсегда?



И весной пошел я в поле  
 Хлеб насущный добывать,  
 Бросив вызов своей доле,  
 Огород стал орошать.  
 Но чиновник разузнал,  
 Что вернулся я,  
 И зачислить приказал  
 Барабанщиком меня.  
 Я сперва был рад тому,  
 Что служить не далеко,  
 Но ведь близость ни к чему,  
 Коль нет близких никого,  
 Раз проститься мне не с кем,  
 Ни кола нет, ни двора,  
 Близость мне нужна зачем?  
 Мне теперь все трын-трава,  
 Пять уж лет прошло с тех пор,  
 Как меня тогда забрали,

Но не мог забыть я двор,  
Где родные обитали.  
Дом покинул я когда,  
Долго мать болела,  
Ни одна душа тогда  
За нейю не смотрела.  
А когда она слегла,  
В сильных муках умерла,  
Ее бросили в горах,  
Лишь во рву остался прах.  
Мысль, что долг сыновний свой  
Не исполнил я,  
Нарушает мне покой,  
Камнем давит на меня.  
Стоит это вспомнить мне,  
Сердце кровоточит.  
Раз уж крова даже нет,  
Так и жить не стоит.



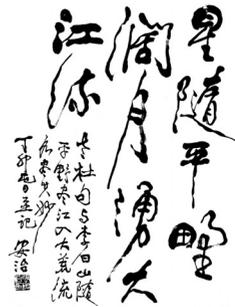
### Благодатный дождь весенней ночью

Добрый дождик словно знает,  
Когда нужно выпадать,  
Вместе с ветром ниспадает,  
В ночь тихонько начинает  
Землю всюду орошать.  
Все кругом черным-черно,  
Не видать кругом ни зги,  
Замерло везде давно,  
Лишь на лодках сквозь окно,  
Чуть мерцают огоньки.  
Утром весь Парчевый град<sup>1</sup>  
Нежным светом озарен.  
А цветы красой пленят,  
Издавая аромат,  
И им весь наш город полн.

## Вербовщик в Шихао

В селе Шихао как-то на ночлег  
Я вечером остановился.  
А в ночь набор ведущий человек  
Крестьян в солдаты забирать явился  
Старик-хозяин мой через забор  
Поспешно перелез и скрылся.  
Вербовщик же, проникший уж во двор,  
К старухе в дверь вломился.  
Войдя, он долго лютовал,  
На старой злость свою срывал.  
Она же, плача горестно навзрыд,  
Ему сквозь слезы говорит:  
«Три сына было у меня,  
Их всех в Ечен забрали,  
Письмо вот получила я,  
В бою уж двое пали.  
Один остался жив пока...  
Надолго ли? Кто знает?  
Мне мертвых не вернуть уж никогда,  
Живой живым вернуться сам не чаёт.  
В моей семье уж нет мужчин:  
Грудной младенец – внук один,  
А мать его теперь вдова,  
Малютки ради лишь жива.

Прикрыть ей даже нечем наготу,  
А я помочь ничем ей не могу.  
Хотя стара, слаба уж я,  
Прими на службу ты меня.  
В Хэян я в эту ночь пойду с тобой,  
И там вам повара я заменю собой.  
За полночь только стихли голоса,  
Но тихо плакал кто-то до утра.  
Когда с зарею в путь я отправлялся,  
Один старик со мною распрощался.



1 Парчевый град – город Чэнду, административный центр нынешней провинции Сычуань

## Цуй Ху (?-754 гг.)

Родился в провинции Хэнань, год рождения неизвестен. Умер в 754 году. Получил степень цзиньши, был чиновником. Стихи его молодости отражали легкомысленную сторону его натуры. Уже позже, работая чиновником в пограничном районе, он описывает тяготы пограничной жизни, и стиль его поэзии становится чеканным, суровым, лишенным всякой сентиментальности. Очень многие его стихи, около трети, посвящены участи женщин.

### Девушка и цветы персика

Я в этих воротах здесь в прошлом году,  
В такой же и месяц и день, как сегодня,  
Прелестную девушку видел в саду,  
Тоскую по ней уже год я.  
Как персик был розов лица ее цвет,  
С ней рядом цветы становились краше,  
Но нынче – увы! Здесь ее уже нет,  
Цветы ж улыбаются ветру, как раньше.

### Пояснение к стиху

Этот стих имеет такую историю: Цуй Ху сдавал государственные экзамены, но провалился и не попал в список. Глубоко переживал неудачу, в день четвертого апреля по лунному календарю, в праздник усопших «Цин-мин» (т.е. «ясный день весны», когда устраивали гулянья и посещения могил), он один гулял в раздумье по южным окрестностям столицы Чанань и набрел на красивую усадьбу, утопающую в тени деревьев. Было тихо и красиво, он постучал в калитку. Женский голос откликнулся, и Цуй Ху, назвав себя, объяснил, что он бродит в поисках красот весны и жаждет получить глоток вина. Женщина пригласила его войти и вынесла стакан ключевой воды. Она была очень красива и трогательна. Они долго смотрели друг на друга, но Цуй Ху покинул двор. Он вернулся через год, в тот же день, но калитка была заперта. Он был глубоко

расстроен и написал на левой дверце калитки этот стих. Эта история записана Танским литературоведом Мэи Ци. Стихотворение полюбилось китайцам, предание же передается из уст в уста, не переставая быть любимым сюжетом литературы и театра.

### Цинь Сень\* (715-770 гг.)

Родился в провинции Хэнань в знатной семье, но из-за ранней смерти отца рос в бедности, преодолевая много трудностей на пути к познанию наук. Уже в юности он славился своим усердием и начитанностью. В двадцать лет он становится известен как автор политического трактата, который он подает ко двору, а в тридцать лет получает высшую степень цзиньши, служит чиновником. Дважды его посылают служить в Среднюю Азию и затем около семи лет он проводит на северо-западных границах Китая, в современных провинциях Ганьсу и Синцзян, где проходил стратегически и экономически важный шелковый путь. В своих стихах он воспел патриотизм, романтизм военной элиты, ностальгию, владеющую воинами, суровый образ жизни кочевых народов, а также просторы и горы, до того неизвестные в китайской лирике. Наряду с такими поэтами как Гао Ши, Ван Чанлин, Ван Хань, Ван Чжихунь, он создал патриотически-романтический стиль, который стал одним из направлений Танской поэзии. Поэзия его пронизана человеколюбием, и несмотря на преобладание военных сюжетов, глубоко мирная, ностальгически-печальная

Великий Ду Фу писал о нем: «Цинь Сень, браток, он поразителен!». Действительно, содержание, настроение, стиль его поэзии совершенно индивидуальны, и это отмечалось уже в Танскую эпоху. Поэзия его непременно входит в сборники Танских поэтов.

\*Иероглиф Сень читается также и как Цинь, и как Шень, поэтому в переводах поэзии Танской эпохи бывают разночтения.



Встреча с чиновником, едущим в столицу  
Смотрю на восток я в родную сторонку,  
Далека, далека дорога моя!  
И слезы текут и не могут просохнуть,  
И влажны от них рукава у меня,  
В дороге тебя нынче встретил здесь я,  
Но нет ни пера, ни бумаги со мной,  
Прошу передать на словах мне домой:  
Что благополучно здесь все у меня.

Чжан Цзи (?-753 гг.)

Выходец из провинции Хубей. Имел степень цзиньши. Был чиновником-ревизором, затем работал в области государственных солевых промыслов. Сохранилось очень небольшое количество его стихов, хотя они достаточно известны и характерны. Даты его рождения и смерти неизвестны и характерны. Известно только то, что он сдавал экзамены в год правления Теньбао, но так как экзамены можно было сдавать в любом возрасте, установить даты невозможно.

Читатель, не должен путать имя Чжан Цзи с другим поэтом Чжан Цзи (разница в имени только в написании иероглифа, но не в произношении и тоне), который жил в 766-830 гг. и поэзия которого была высоко оценена Бай Цзюйи.

Ночью у моста Фынцяо  
Спустилась ночь. Луна зашла,  
Вороны каркают. И мгла  
Нависла в воздухе крутом,  
И в душу грусть ко мне вползла,  
В рыбацких лодках свет мигал,  
В прибрежных кленах трепетал.  
С тоской смотря игру огней,  
Всю ночь глаза я не смыкал.  
Унылый звон колоколов  
Несется в полночь, словно зов,  
Из храма Гусу Ханьшаньсы,  
И слышен он у рыбаков.

Чжан Цзи (766-830 гг.)

Осенние думы

Лоян осенний ветер навещает,  
Спешу домой письмо я написать,  
Тоска и грусть меня булревают,  
Не знаю, как об этом рассказать.  
Письмо я было уж отправил,  
Боясь, что в нем не все я досказал,  
Гонца, вернув, я снова ждать заставил  
И вновь письмо свое перечитал.

1 Большинство его стихов древнего стиля «Юефу» отражало действительность окружавшего его общества.

Бай Цзюйи (772-846 гг.)

Бай Цзюйи, прозвище – Бай Лэтедь, второе прозвище – Отшельник в сени Ароматных гор. Родился в провинции Хенань. С юности имел славу поэта-эрудита. Получил степень цзиньши, был сановником при дворе, но вызвав зависть окружающих, был сослан в отдаленные места. Руководил учебой принца, в 842 году ушел на отдых; умер в 846 году. Похоронен в Ароматных горах (Сяньшань), в провинции Хенань. Вторая половина его жизни была заполнена «занятиями поэзией и вином», как выражались его биографы.



Бай Цзюйи – один из наиболее выдающихся поэтов Танской эпохи, великий поэт позднего (упадочного) периода Тан; прожил 75 лет, в отличие от поэтов того времени, умирающих, в основном в расцвете творческих сил. Он оставил более трех тысяч стихов, писал самые выдающиеся поэмы (другие поэты не писали длинных сюжетных поэм); возглавил движение возрождения древнего стиля «юефу» (народных песен); писал на доступном, а

не отмирающем языке; его поэзия была популярна в Азии; смело шел против принятого мнения о положении женщин; в его поэзии строки о женской доле занимают небывало большое место. Все это, конечно, достойно вечного уважения, но надо отметить наряду со всем этим самое главное - то, что он был талантливейшим поэтом.

В 806 году он написал гениальную поэму «Песнь о вечной скорби», которая начинается удивительно легко, но кончается трагедией. Поэма сложна тем, что политически и исторически это и сатира, и реалистическое произведение. В описании личной жизни - любви императора Сюень-цзуна и фаворитки Ян Гуйфей, ее трагичной гибели при восстании Ань Лушаня, и безмерной тоски императора - поэма поворачивается другим, доселе неизвестным китайской классической поэзии лицом, воспевая любовь и утверждая, что перед любовью и смертью все равны, показывая Ян Гуйфей не отрицательной личностью, доведшей страну до смуты, а жертвой феодального времени. Надо сказать, что даже Суньские поэты не превосходили Бай Цзюйи в его гуманизме, и сами же признавали это.

#### Травинушка моя степная

Травинушка моя степная,  
Как буен и могуч твой рост.  
Завянешь – снова оживаешь,  
И так из года в год.  
Степным лихим пожарам  
Тебя не истребить,  
Лишь ветер подул весенним жаром,  
И вновь ты начинаешь жить  
Травую старая дорога  
Давно вся заросла,  
И до глубокого, глянь, лога  
Бурьяном поросла.  
Я друга нынче провожаю  
В дорогу чрез пески,  
А травы головой качают.  
Поникши от тоски.

## Пою в сумерках над рекой

Солнце на закате в воду погрузилось,  
И вода речная светом озарилась.  
Пол-реки – рубины, пол – как изумруд,  
Двух цветов те воды – глянь в реке текут\*  
Ночь уж наступила, звездами горя,  
До чего прекрасны ночи сентября!\*\*  
А роса сверкает, словно жемчуга,  
В небе серебрятся месяца рога.

\* Лучи солнца освещают лишь часть реки, как бы разделяя ее на две половины. От этого окраска одной половины становится красной, а остальная половина продолжает оставаться зеленой..

\*\* Здесь говорится о сентябре по лунному календарю, который равняется октябрю по новому стилю.

## Пипа

Однажды уж ночью близ устья Сюньяна  
Я гостя в дорогу домой провожал,  
А клены, камыш да и стебли бурьяна  
Лишь, ветер осенний слегка колыхал,  
Я спешился, в лодку ко другу сошел,  
Хотел я с ним выпить вина на прощанье,  
Но слов утешенья в тот миг не нашел,  
И не было музыки при расставаньи.  
Всю горечь разлуки, как мы ни стремились,  
Вином заглушить мы никак не могли,  
И мы было с ним уж прощаться решились,  
(Луна из реки выплыла издали).  
Вдруг слышим мы звуки пипа раздались,  
В тиши над речною волной,  
И чарам той музыки мы отдались,  
Забыв, что нам нужно домой.  
На звуки пипа мы поплыли искать  
Того, кто так дивно играл.  
Однако пипа перестала играть,

Ответа на зов наш никто нам не дал,  
Когда же ту лодку мы все же нашли,  
Расставили вина и свечи зажгли,  
И стали к себе игрока приглашать,  
То долго нам зов свой пришлось повторять.  
Но вот наконец появилась она,  
Лицо от смущенья пипа прикрывая.  
На краешек стула присев у окна,  
И к струнам слегка прикоснулась, играя.  
Хоть это еще и не было началом,  
Но чувство уж в звуках звучало.  
На грудь склонив голову низко к себе,  
Играет она и играет,  
И струны рыдают, послушны руке,  
Как будто всю горечь, что есть на душе,  
Они в этих звуках своих изливают,  
И каждый тот звук отзывался тоской.  
И каждый аккорд словно плакал,  
В груди отзывался он болью немой,  
На сердце слезами он капал.  
А пальцы искусно по струнам скользят,  
То их принажмут, то по ним ударяют,  
И льется «Как радуга красен из пуха наряд»  
За ним вслед «Лю-яо» она исполняет,  
А толстые струны, как ливень, шумят,  
А тонкие нежно им вторят,  
Как шепот влюбленных они шелестят,  
Иль между собой они спорят,  
И звуки, сплетясь, походили на звон  
И крупных, и мелких жемчужин,  
Когда на нефритово блюдо их сонм  
Все падает, падает дружно.  
Вот иволги нежный звучит голосок,  
Порхает она и поет средь цветов,  
То тихо журчит по камням родничок,  
То, холодом скован, застыл средь садов.

То струны застыли, не слышно уж их,  
И песни мотив в это время затих.  
Печаль и досаду таит тишина,  
И лучше всех звуков казалась она.  
Вдруг треснул кувшин и вода полилась,  
Игра музыкантши опять началась:  
Вот латники мчатся друг другу навстречу,  
Вот сбились они и пустились в сечу.  
На этом игру вдруг она прервала,  
И плектром по струнам она провела;  
И звук тот так резко в тиши прозвучал,  
Как будто кто шелк в этот миг разорвал,  
А в лодках царила кругом тишина,  
Над лоном реки все сияла луна.  
Вздохнув глубоко, подавивши волненье,  
Меж струн медиатор вложила она,  
Оправила платье, принявши решение,  
И так свой рассказ она начала  
«Ведь я в столице родилась,  
На Сямолин жила моя семья,  
Жизнь музыкантши началась  
В тринадцать для меня.  
Оркестр, где я выступала,  
В столице лучшим был тогда,  
Моя в то время красота  
У многих зависть возбуждала.  
Улина молодежь золотая  
Наперебой подарки мне несла,  
И счета их шелкам тогда я  
Не знала, да и не вела.  
Гребенок сколько в такт игре моей  
Они сломали в стукотне своей,  
И сколько юбок из парчи  
Вином залили мне они.  
В веселом угаре мелькали года,  
И лучшая жизни пора

Бесцельно ушла навсегда.  
В это время скончалась сестра,  
Брат ушел на войну, я осталась одна.  
А моя красота утекла, как волна.  
У меня становилось все меньше гостей,  
У ворот уж не видно карет и коней;  
И тогда не осталось другого пути,  
Как к торговцу седому мне в жены пойти.  
А торговцу лишь прибыль важна,  
И разлука ему не страшна.  
Целый месяц теперь вот прошел,  
Как в Фулян он за чаем ушел.  
И, оставшись одна, я в Цзянкоу пришла,  
И кружу по реке я на лодке одна:  
А на небе безмолвно сияет луна,  
И речная вода, словно лед, холодна.  
Когда же ночью мне приснятся  
Дела далеких юных дней,  
От слез нет мочи удержаться,  
Они ручьями льются из очей».  
Пипа уже разбередила  
Мне душу пением своим,  
Мне сердце гостя растравила  
Рассказом горестным таким.  
Мы оба подвластны жестокой судьбе,  
Хотя и до встречи друг друга не знали,  
Но это не нужно ни мне, ни тебе,  
Мы горе друг друга легко распознали.  
Оставил столицу я в прошлом году,  
В опале, больной, я лежу здесь в Сюньяне.  
Сюньян – захолустье, нет музыки тут,  
Ее и не знают селяне.  
Живу тут в низине, вблизи от реки,  
У дома кругом лишь бамбук, тростники.  
А вопль обезьян, да кукушек стенанье,  
Душе лишь моей причиняют страданье

В цветущее утро весной над рекою,  
В осеннюю ночь, когда светит луна  
Нет сил совладать мне с тоскою.  
И сам я себе наливаю вина.  
Есть песни и дудки у нас в деревнях:  
Но с музыкой их не сравнить,  
От гомона, визга звенит аж в ушах,  
Но ты все же должен тут жить,  
Сегодняшней ночью пипа слышал я,  
И чары ее полонили меня.  
Прошу вас остаться, еще нам сыграть,  
К мотиву слова я решил подобрать.  
«Пипа» назовется пусть песня моя,  
Пусть будет подарком для вас от меня.  
Растрогавшись, женщина долго стояла,  
Когда же, присевши, опять заиграла,  
То в звуках тех скорбных тоска  
Сильнее и горше, чем прежде, звучала.  
И каждый, кто ночью той слушал пипа,  
От слез удержаться не мог,  
Но горше всех плакал Дзянчжоуский сыма,  
Халат у него чуть от слез не промок.

Я смотрю Как убирают пшеницу

У крестьян обычно  
Нет свободных дней,  
Но в июне<sup>1</sup> людям  
Вдвое тяжелей.  
В ночь задует ветер  
С южной стороны,  
И пшеница ляжет  
Вдоль всей полосы.  
В поле дети, жены  
Ташат в зной еду,  
А крестьянин в полдень  
Трудится в поту.  
Жжёт земля подошвы

Зной – как на пару.  
Но устав безумно,  
Он забыл жару.  
День покуда длинен,  
Должен он спешить.  
Каждою минутой  
Нужно дорожить.  
А вблизи крестьянка  
С сыном на руках,  
Горстку сжав колосьев –  
Слезы на глазах.  
К людям обращаясь,  
Речь она ведет.  
Горе изливает,  
Что ей сердце жжет,  
Съел налог жестокий  
Все, что было у меня,  
С голоду колосья  
Подбираю я».  
Речь простой крестьянки  
За сердце хватает,  
И тоской щемящей  
Грудь мою стесняет.  
А какие же заслуги  
Числятся за мной  
Не пахал, не сеял  
Весь-то век я свой.  
Но оклад имею  
В триста дань<sup>2</sup> зерна,  
И нужды не знаю  
Круглый год сполна.  
И от дум от этих  
Тяжко на душе,  
Совість меня гложет  
Нет покоя мне.

1 Июнь – пятый месяц по лунному календарю.

2 Дань – старая мера веса

## Старый угольщик

Угольщик старый чуть свет на ногах,  
Уголь один обжигает в горах,  
Хлеб добывая насущный в поту,  
Весь почернел, седина в волосах,  
Все, что за уголь старик выручает,  
Все без остатка на пищу идет.  
(Как ни старайся, ничто не спасает)  
Бьется несчастный, как рыба об лед.  
Хоть и трясется уж старый от холода,  
Пуще морозов боится он голода.  
И удручен он дешевкой угля.  
Жаждет, чтоб снегом покрылась земля.  
Выпал в ту ноченьку снег долгожданный,  
Старый, закончив вола запрягать,  
Скользкой дорогою утром туманным  
Уголь он в город повез продавать.  
К полдню устали и вол, и старик,  
Старый поставил вола среди риг,  
Вдруг он услышал, как всадника два  
Скачут к нему, издавая злой крик.  
То были евнух и парень-слуга  
С царским суровым приказом в руках.  
Лишнего слова слуга не сказал,  
Воз повернул и на север погнал.  
Тысячу цзиней весил воз старика,  
Этим лишался он хлеба куска.  
Пряжи кусок лишь старик получил,  
Евнух сказал, что за все заплатил.

Примечание: Во время Танской династии дворец императора находится на севере столицы. Погнал на север означает погнал ко дворцу.

## Жена торговца солью

Торговца солью старшая жена.  
Как расфуфырена она!  
Как много драгоценностей на ней!  
Одна другой красивей и ценней.  
Как сладко ест она, как сладко пьет  
И целый день баклуши бьет.  
Ей сонм служанок подчинен,  
Ее желание закон.  
Роскошнейшее судно ее дом,  
Она царицей живет в нем.  
Хотя она беднячкой родилась,  
Но муж ее богат, как князь.  
Пятнадцать лет он солью торговал,  
Ответ лишь императору давал.<sup>1</sup>  
На соль он цену в сотни раз поднял,<sup>2</sup>  
Народ как липку ободрал.<sup>3</sup>  
И прибыль он в мошну свою  
Почти что каждый год клал чуть ли не всю.  
Изрядный куш, хоть и сановникам давал,  
Зато казну дочиста обобрал.<sup>4</sup>  
А на чиновников внизу он просто начихал.  
Жаль умер Сан Хун-ян давно.<sup>5</sup>  
Таким, как он, теперь уж ходу не дано.

1. Во время Танской династии производство и продажа соли были монополизированы государством. Простому народу под страхом смерти запрещалось заниматься этим.

2. Во время правления Дэцзуна, торговцы солью подняли цену на соль, с 10 вэней на 700 с лишком вэней.

3. Обобранным, нищему народу приходилось питаться без соли.

4. Своей прибылью торговцы делились лишь с сановниками, заведующими продажей соли. Казне сдавали лишь мизерную часть. Ввиду такого хищения, государство и народ обнищали, сказочно разбогатели лишь торговцы-нувориши и взяточники-бюрократы.

5. Во время Танской династии людей, которые по своим способностям и моральному облику были подобны Сян Хун-яну, было еще не мало, только они не были в чести, не имели власти и им не давали ходу. Сян Хун-ян – честный чиновник, боровшийся со взяточниками-бюрократами и нуворишами.

### Лю Цзунюань (773-819 гг.)

Известный ученый, выдающийся цзиньши, зачинатель движения возрождения древней литературы во время Танской династии; более известен как прозаик и литературовед. Как и все ученые люди того времени, был чиновником. Лю родился в провинции Шеньси в 773 г. умер в 819 году. Его карьера была неровной из-за его реформаторской деятельности в политике двора, но он всю свою жизнь, занимал чиновничью должность, хотя и был сослан в отдаленные места. Многие современники особо отмечали его личные качества – честность, порядочность, благородство, человеколюбие.

### Снег на реке

Снег замел все следы на дороге,  
И попрятались птицы везде,  
Лишь старик одинокий в рогоже  
Удит рыбу на лодке в воде.

### Пояснение к стиху

„Снег на реке“ – одно из знаменитых стихотворений поэта. Написано, когда он был сослан в Юньчжоу. Все стихотворение проникнуто чувством глубокого одиночества, которое овладело им, после того, как реформы, в которых он принимал активное участие, потерпели полный крах. Однако, поэт после неудачи, постигшей его, не склонил своей головы перед властью имущими. Рисуя одинокого, запорошенного снегом рыбака, ловящего рыбу в ледяной реке, автор как бы этим хочет выразить свою твердую веру в то, что силы стихии не в состоянии сломить волю человека. В этом выражается его непоколебимая вера в правоту дела, которому он отдал лучшие годы своей жизни. Все стихотворение подобно прелестной картин-

ке, однако глубина замысла произведения и возвышенность стиля выделяют его из обычных произведений пейзажной лирики.

### Ли Хэ (790-816)

Ли Хэ Выходец из провинции Хэнань Прозвище – Ли Чанди. Он был довольно близким родственником Танских императоров, но так как его отец имел низкий чин, семья была далека от двора и после ранней смерти отца жила в большой нужде. Ли Хэ прожил лишь неполных двадцать семь лет, меж тем его след в танской поэзии значителен; он был одним из немногих поэтов, унаследовавших активный романтизм великого Цю Юэня (IV в. до н.э.). Стиль его поэзии темпераментный, широкий. Поэзия его отличается новизной мыслей, богатством фантазии, слов и эмоций. В то же время, в его произведениях явно присутствует сильное чувство депрессии, иногда переходящее в излишнюю чувствительность, и строгая конфуцианская критика не упускала это из виду. Сборник стихов Ли Хэ был составлен уже в Сунский период.

Ли Хэ был крайне несчастлив в личной жизни, хотя имел немало друзей-поэтов. По рассказам современников он имел привычку выезжать верхом на осле, взяв с собой мешок, обычно бормоча и сочиняя стихи на ходу и если удавалось „найти“ особо понравившуюся строфу, он тут же записывал ее и бросал в мешок. Ночью он заносил эти строфы в свои стихи. Одним из его ближайших друзей был выдающийся поэт Ду Му и он также свидетельствовал об отрешенной от суетной реальности жизни поэта. Увлечение вином, содержание служанок, выезды на природу – все эти внешние атрибуты повседневной жизни Ли Хэ, подчинялись только одной цели, единому ритму сочинительства.

Ранняя смерть поэта вызвала глубокую скорбь у его друзей. Ли Хэ оставил около четырехсот стихов, однако до нас дошло только двести, и это лишь только малая часть того, что было написано им. Очень часто он сам выбрасывал или отдавал другим свои стихи, которые не слишком ценил. Несмотря на рекомендацию самого Хань Юя, Ли Хэ не захотел сдавать экзамены на степень цзиньши, хотя уже в семь лет он прославился как талантливый стихотворец. При

жизни он часто оказывался объектом насмешек и нападок, терпел материальные трудности и душевные унижения, но не гонясь в своей непутевой жизни за столь важным для истового конфуцианца „служением государству“, резко отличался от многих поэтов своего времени.

### Старый книжный червь

(Шестое стихотворение из цикла „13 стихов южного сада“)

Всю жизнь я пустяками занимался,  
Как книжный червь, не вылезал из книг,  
Все ночи напролет читал и занимался.  
И не давал себе поблажки ни на миг.  
И лишь к утру, когда забрезжит уж рассвет,  
И месяц, словно лук, повиснет пред окном,  
Усталою рукой тушил я свет  
И забывался скорым сном.  
Из года в год, из года в год.  
На рубежах страны идет война.  
Стране теперь лишь армия нужна,  
Писак же можно и пустить в расход.  
Кому нужны писатели,  
Докучной истины сказатели,  
С их горькими слезами,  
И плачем, и стихами?



## Ду Цюнян (?-825 гг.)

В „Хрестоматии Танской поэзии“ стихотворение женщины-поэтессы Ду Цюнян приведено как сочинение „неизвестного автора“. Однако, поэтом Ду Му в свое время было написано предисловие к



ее сборнику стихов. По его словам, Ду Цюнян родилась в городе Цзиньлин (ныне Нанкин или Наньцзин), была наложницей чиновника довольно высокого ранга Ли Цзи, и судя по тому, что она была не женой, а наложницей, можно предположить, что она вышла из касты гейш. Но, судя по ее образованности, возможно и то, что она произошла из интеллектуальной конфуцианской среды. Известно, что ее призвали во дворец, она была в фаворе у императора Сеньцзуна, но в старости жила бедно, в одиночестве и не имела потомства. Имя Цюнян, которое приводят нынешние сборники поэзии, в старое время являлось нарицательным именем старых, отцветших женщин.

Нам известна поэзия Танских поэтесс-гейш или представительниц высшего общества, иногда дочерей обедневших знатных семейств, иногда даже императриц – и таких имен было около 28, лишь одно стихотворение Ду Цюнян было внесено в Хрестоматию Танской поэзии.

Не дорожи ты золотом, серебром

Не дорожи одеждой, шитой серебром,  
А также золотом и другим добром.  
Ты юностью своею дорожи,  
И рви цветы пока они свежи,  
Не жди, когда не будет уж цветов,  
А ты и голы ветви будешь рвать готов.

## Ду Му (803-852 гг.)

Внук премьер-министра Ду Ву; к его рождению, т.е. к 803 году известная сановная семья была уже бедна, хотя проживала на родине, в столице Чанань (ныне город Сиань). Сдал жкзамены на степень цзиньши, всю жизнь имел среднего значения чины.

Ду Му был эрудированным потомственным конфуцианцем, увлекался не только поэзией, комментировал древний военный трактат „Суньцзы“. Характер его был необычайно твердый, он прямо выражал свое недовольство позднетанской политикой в отношении кочевых племен Средней Азии, которые впоследствии действительно напали на Северный Китай, что усложнило и без того трудное время междоусобиц и этнических войн в Китае, длящихся до периода Сун.

В плеяде позднетанских поэтов, Ду Му является значительной и своеобразной личностью. Его поэзия красочна, гладка, текуча. Особых высот достигает в семисложном стиле „обрывочных строф“. Многие произведения на исторический сюжет фактически приоткрывают язвы его времени. Гладкий и ясный стиль его поэзии не мешает ей оставаться сдержанной, чем и характерна классическая поэзия Китая вообще. Читателю всегда остается большое поле для осмысления, что отвечает эстетическому вкусу китайцев.

Однако и Ду Му не избежал общего позднетанского упадка духовности: у него довольно много легкомысленных и близких к формализму, красочных, но пустых произведений, хотя поэт сам сумел осудить этот свой творческий период. В целом Ду Му, имеющий большие и высокие цели в жизни, как и все ученые люди его времени, предчувствовал катастрофу, страдал от противоречий этой сложной эпохи.

### В горах

Я осенью на гору поднимался  
Извилистой тропой,  
И всю дорогу любовался  
Окрестной красотой.  
Вверху, где горные вершины,

Клубились облака,  
А на краю стремнины  
Ютился домик бедняка.  
Как чуден был кленовый лес!  
Я на него невольно загляделся,  
Когда в лучах зари вечерней весь  
Он пурпуром зарделся.  
На ветвях клёна листья рдели  
Огнем чудесной красоты.  
И по горам они алели,  
Как те весенние цветы.

#### Осенняя ночь

Свечи, белея при свете луны,  
Еле горят и мерцают.  
В мраке на ширме цветы чуть видны,  
Думы тоску нагоняют.  
Шелковый веер весь бел от луны,  
Им светлячков ты гоняешь.  
Ночью ступени дворца холодны,  
Холод всю душу пронзает.  
Нынче на небе Пастух и Ткачиха<sup>1</sup>  
Как-то особо сияют.  
Глядя на звезды, рыдаешь ты тихо,  
Сердце болит и страдает.

<sup>1</sup> Постух и ткачиха – название созвездия

#### Весна на юге

Всюду слышится иволги пение.  
И средь листьев алеют цветы.  
И деревни у гор, и у вод поселения,  
На пути всюду встретишь здесь ты.  
Развешаются вывески лавочек<sup>1</sup>,

И доносится запах вина.  
И ты чувствуешь, глядя на ласточек,  
Как прекрасна на юге весна.  
Сколько храмов построили новых,  
В пору Южных династий<sup>2</sup> везде;  
Их теперь уцелело немного,  
От дождя почернели и те.

1 В старину в Китае вывески лавок делались из материи и вывешивались над лавками с фасада.

2 Южные династии – династии Сун, Ци, Лян. Чэн с 420-583 гг.

### У реки Циньхуайхэ\*

Туман навис над хладною рекою,  
Облиты лунным светом берега;  
Пристал я к берегу ночной порою,  
Там где к трактиру только два шага.  
Хотя стране уж гибель угрожает\*\*,  
Певицы знать об этом не хотят,  
И „Хоутинхуа”\*\*\* в трактирах распевают,  
И все, что им их гости повелят.

\*Река Циньхуайхе протекает через г. Нанкин и впадает в реку Янцзы. Оба берега реки во время Танской династии были самым оживленным местом города.

\*\*Последний император династии Чэн, Чен Шубао, ежедневно предавался играм и забавам и не уделял никакого внимания управлению страной, что привело к гибели его государства. Здесь говорится якобы об этом факте, но в действительности говорится в назидание правителю Тан.

\*\*\* Хоутинхуа – название упадочной музыки, сочиненной Чен Шубао.

### О цветах

Весной природы красотою  
Я любоваться опоздал,  
А Буйный ветер той порою  
Уж все цветы с ветвей сорвал.

Но нет нужды болеть душою  
И горю предаваться нам;  
Деревья уж густы листвою,  
И тесно на ветвях плодам.

#### Пояснение к стиху

В этом стихотворении описывается конец весны и начало лета. К этому времени часто бывает, что сильные дожди и ветры срывают все цветы с деревьев. Поэт, хотя и сожалеет о цветах, но он видит, что на смену цветам на ветвях появилось множество плодов, которые на фоне листвы также пленяют глаз. Зарождение нового на месте старого – это обычное явление, однако не все готовы приветствовать это. Отношение Ду Му к этому явлению показывает реализм поэта.

Однако, имеется и другое объяснение этого стихотворения. Согласно этой версии, Ду Му как-то, совершая поездку в Хучжоу, познакомился с одной десятилетней девочкой чудесной красоты. Он договорился с ее матерью через десять лет приехать за девочкой и взять ее в жены. Но только через четырнадцать лет, став правителем округа Хучжоу, Ду Му смог осуществить свое обещание и приехать туда. К этому времени та девочка уже была три года замужем и имела двух сыновей. Ду Му сильно раскаивался и сожалел, что не смог во-время приехать в Хучжоу. В результате поэт написал это стихотворение, где безжалостно винит самого себя, но понимая всю бесплодность этого, сам себя утешает.

#### Ли Шан-инь (813-853 гг.)

Родился в современной провинции Хэнань. В молодости имел выдающегося учителя по «пинвань», т. е. по стилю «парных строф». Имел степень цзиньши, был чиновником на многих должностях. Благодаря своему выдающемуся таланту в литературе, получил предложение стать зятем близкого ко двору аристократа; но вскоре из-за различных придворных интриг, в которых он сам не участво-

вал, но был косвенно замешан, оказался в опале и был отстранен от должности. С тех пор он много скитался, болел, находился в подавленном состоянии и умер у себя на родине.

Ли Шанинь – рано созревший человек и поэт. Очень известные стихи его были написаны всего лишь в шестнадцати-семнадцати-летнем возрасте. Счастливая жизнь с женой окончилась трагедией вечного скитания.

В эстетическом смысле Ли – один из сильнейших поэтов. Выразительность его языка настолько богата и лишена шероховатости, а красота, даже можно сказать, роскошь, стиха без излишеств, так естественна, что все это ставит его в ряд самых выдающихся мастеров династии Тан. Очень сильна также и его проза. Любовная лирика его, пожалуй, самая известная и читаемая, она отличается высоко ценимыми в китайской классике затаенностью, сдержанностью – «ханьсю», большой таинственностью и утонченным чувством. Стихи, наделенные подобными достоинствами уже более двух тысячелетий вызывают бесконечные подражания, но далеко не все достигают таких высот в поэзии.

#### Письмо на север в дождливую ночь

Ты, любимая, хочешь узнать  
Срок приезда домой моего,  
Но я сам не могу это знать,  
Мужа ты не вини своего.  
Ночью дождь льет и льет во всю мочь,  
Пруд вода целиком залила,  
И тоскливая темная ночь  
Между нами опять пролегла.  
О, когда мы с тобою  
Снова будем вдвоем?  
И смогу рассказать  
Я тебе обо всем:  
О тоске этих дней  
И бессонных ночей,

И как радостно мне  
В ночь при свете свечей  
Будет видеть тебя,  
Дорогая моя.

#### Прогулка по Лэююянь\*

Пред вечером тоска меня томила...  
И, чтоб отвлечься, в парк поехал я  
Прекрасно заходящее светило,  
Жаль, скоро догорит вечерняя заря.

\*Лэююянь – достопримечательность Чаньяни, находилась на юго-востоке от города и являлась самым высоким местом столицы. Слова «прекрасно заходящее светило. Жаль, скоро догорит вечерняя заря» стали крылатыми, которые часто употребляются при сожалении о чем-нибудь прекрасном, но уже подходящем к концу.

#### Без темы

С каким трудом мы встретились с тобой,  
Тем горше нам теперь расстаться.  
Бессилен ветер, нынче стих весной,  
Цветы же продолжают осыпаться.  
До самой смерти шелкопряд  
Шёлк выделять свой продолжает,  
А свечи, коль не догорят,  
Слеза на них не высыхает.  
Когда к утру ты ложе покидаешь,  
Ты робко взгляд свой в зеркало кидаешь,  
Боясь в власах увидеть седину,  
А в ночь тебя всю холод пронизает,  
Когда одна стихи читаешь  
Иль смотришь ты на хладную луну.  
Хоть место, где теперь ты обитаешь,  
Нельзя сказать, чтоб было далеко,  
Стена глухая нас отныне разделяет,  
И преступить ее нам не легко.

Разлуке неужели нет конца?  
И нам никак нельзя найти гонца,  
Чтоб мог я весть тебе послать,  
Чтоб мы бы встретились опять.

Без темы

Ли Шан-ин

Ты мне вернуться обещала  
Но слов своих ты не сдержала!  
Тоскуя дни и ночи по тебе,  
Покой я не могу найти себе.  
О, наконец-то ты приснилась мне.  
Однако даже и во сне,  
Как ни молил тебя остаться я,  
Ты всеж покинула меня.  
Проснулся я... Тоска меня томила.  
Она как змий, давила и душила.  
Вскочив с постели вмиг письмо я написал.  
От нетерпенья даже тушь не растирал.  
Свеча же тускло освещала  
На одеялах золотом расшитых птиц.  
Кровать все также чуть-чуть издавала  
Тот пряный запах мускуса и тиса...  
Все, все осталось, как и при тебе.  
Лишь нет тебя... О как тоскливо мне!  
Лю Чен все сетовал на дальность расстояний  
(Любимая его жила в Пыньшане)  
Но ты находишься от нас.  
Дальше Пыньшаня во сто раз.

1 Прежде китайцы писали тушью, которую перед письмо надо было растирать.

2 Лю Чен — герой одной легенды. Его любимая жила далеко от него в Тыншане.

## Цветы опадают

Ли Шан-ин

Разъехались гости в высоких чертогах.  
В саду на ветвях облетают цветы.  
И стало все бело от них на дорожках,  
Все меньше цветов на кустах видишь ты.  
Цветов лепестки, словно впрямь провожая,  
Летят заходящему солнцу вослед,  
Но вскоре бессильно наземь опадая,  
Шлют людям пред смертью последний привет  
Ценой своей жизни весну украшая,  
Всю душу свою целиком посвящая,  
Цветы свое сердце отдали весне;  
Она же ушла, ни на что не взирая,  
Ее удержать им надежд уже нет,  
Мне жалко цветы, и я страстно желаю  
Им жизнь, хоть немного продлить.  
Увы! Это тщетно. Цветы опадать продолжают,  
Осталось лишь горькие слезы нам лить.

Чень Тао (?-886 гг.)

Дата его рождения неизвестна. Потерпел неудачу на экзаменах на степень цзиньши, оставался всю жизнь в более низкой степени цзожень. Писал о себе, что происходит из простолюдинов, исповедующих три религии: конфуцианство, даосизм, буддизм.

Выходец из провинции Фуцзянь. Путешествия по известным достопримечательным местам составляли большую часть его жизни (что вообще, в Танскую эпоху было принято за образ жизни у подавляющего большинства веньженей - ученых людей). Во время смуты, при правлении Сюеньцзуна, вынужден был бежать на юг, ушел в горы, изучал даосские методы самосовершенствования, необходимого для того, чтобы в потустороннем мире стать небожителем, «сеньжень». Именно поэтому, биография его насыщена столь-

кими мистическими рассказами о нем, а из-за его отшельнической жизни место смерти его неизвестно.

Стихотворение «Лунси» составлено было из пяти стихов. Более известен тот, который вошел в хрестоматию поэзии Тан, а также и в наш сборник.

#### Лунси

Вы дали клятву гуннов истребить,  
И, жизни не щадя, вы с ними бились.  
Вас тыщи, чтоб отчизну защитить,  
На вражеской земле главу сложили.  
Хоть Удинхэ давно уж омывает  
Погибших кости на берегах глухих,  
Но вдовы воинов во снах своих  
Мужей живыми видеть продолжают.

#### Цзинь Чансю (?-?)

О поэте известно только то, что он жил в Танскую эпоху. Хотя дошедшие до нас стихи его немногочисленны, они непременно входят во все антологии Танской поэзии.

#### Сетование весной

Уж сгоните вы иволгу с деревца,  
Пусть она не тревожит мой сон.  
Хоть во сне, чтобы с мужем мне встретиться.  
Там в Ляоси, где находится он.

#### Ли Юй (937-978 гг.)

Ли Юй – последний император южной династии Тан. Вступил на престол в 961 году. В это время его государство уже стало вассалом государства Сун. Однако, Ли Юй продолжал предаваться увеселениям, не заботясь о судьбе своей страны. Он казнил многих



патриотов и лучших людей своего государства. В 945 году государство южной династии Тан было покорено императором государства Сун, который с этих пор стал полным властителем Китая. Ли Юй сдался на милость победителя, который в насмешку над ним присвоил ему титул «маркиза вопреки судьбе». Через три года император Тайцзун, подозревая, что Ли Юймышляет о возрождении своего государства, пожаловал ему вино с ядом. Хотя Ли Юй и был бездарным императором, но в области музыки, рисования, особенно в поэзии, он был несомненным талантом. Стихи его великолепны, и мастерство его произведений бесподобно. Он оказал большое влияние на искусство поздних поэтов своего времени, таких как Су Ши, Оу Янсю, Ли Цин-Чжао и др.

Осенняя луна, весенние цветы

(На мотив «Юймэйжэнь»)

Осенняя луна, весенние цветы  
Полны чудесной красоты.  
Но вечно ль все на свете?  
Ведь те дела минувших дней,  
Счастливой юности моей  
Лишь пронеслись, как ветер.  
Вчера восточный ветер в комнату мою  
Ворвался в ночь, мешая спать.  
О, как мне тяжело было вспоминать  
При лунном свете родину свою!  
Те расписные балюстрады,  
Из мрамора ступени, палисады...  
Должно быть, все осталось тем же, что вчера.  
Прошла, увы, лишь юности пора...  
Как много скорби у тебя?  
Невольно вопрошаешь ты себя.  
Та скорбь, как полноводная река

Весной во время паводка,  
Несется на восток, сметая берега.

#### Пояснение к стиху

«Осенняя луна, весенние цветы» написано Ли Юй, последним императором танской династии после того, как его страна была покорена государством Сун, и он, став узником новых властителей страны, находился под домашним арестом в столице Сунской династии, в Кайфыне. По преданию Ли Юй, написав это стихотворение в день своего рождения, велел певицам исполнить его на пышном обеде в своем доме. Звуки песни были слышны далеко за пределами дома. Об этом узнал император династии Сун, Тайцзун. Считая, что Ли Юй все еще не может забыть о своем царстве и помышляет о восстановлении его, Тайцзун велел дать ему вино с ядом. Это стихотворение стало последним произведением в жизни Ли Юй.

Ночью дождь все шумит за окном

(На мотив «Лантаоша»)

Ночью дождь все шумит за окном,  
Провожая слезами весну.  
Снова видишь во сне ты своем  
Дорогую родную страну.  
Здесь к утру холода уж дают себя знать,  
Но нет сил оторваться от сна.  
Хоть на миг бы увидеть бывшее опять,  
А потом даже смерть не страшна.  
Хоть прекрасна родная страна,  
Но теперь не твоя уж она.  
На балкон перестань выходить,  
Рану сердца не надо травить.  
Хоть разлука обычно для нас не трудна,  
Для меня стала вечной отныне она.  
И нам встретиться вновь, как тогда,  
В этой жизни уже не дано никогда.

А цветы отцвели, и вода утекла,  
И весна, как вода, незаметно ушла.  
Как и небо с землею нельзя единить,  
Так «сегодня» с «вчера» невозможно сравнить.

Примечание: Выйдя на балкон, он мог смотреть в ту сторону, где находилась его родина. Родина его теперь уже подвластна новым правителям.

### На мотив «Сяндянхуан»

(художественный перевод с подстрочника

Ся Чжи-и выполнен А. Кипшидзе)

На верхний этаж поднимаюсь безмолвно западной башни,

На верхний этаж западной башни поднимаюсь безмолвно,  
А месяц висит над моей головою нефритовым серпом.  
В осеннем саду, сплошь заросшим платанами, душно мне было, тоскливо,  
От этой тоски не избавиться мне, никуда не уйти, нет спасенья!  
Чем больше стараюсь себя успокоить, там хаос душевный мятежней,  
Та боль и та горечь, что с домом разлука душе причиняет, безмерны...

### Ду Сюеньхэ (конец IX века)

Жил в самый последний период Танской династии, в конце IX века. В смутное время участвовал в заговорах.

Известный при жизни поэт. Особенно удавался ему жанр «цы». Его стиль называется «позднетанским стилем». Сборник его стихов назван «Тан Фэн» (Ветер Тан)

Я вновь посещаю уездный город Ху

С тех пор, как был я здесь,  
Прошел уж год.  
Тогда, во время первого приезда,  
Я видел, в городе  
Везде народ

Был возмущен начальником уезда.  
Но нынче,  
Посетив тот город вновь,  
Узнал: отец уезда награжден,  
И алый шнур  
Ему преподнесен.  
И мнится мне  
На том шнуре – алеет кровь.

### Вдова в глухих горах

Муж убит на войне.  
Никого у меня уж нет.  
Я одна и стара.  
И живу одиноко в горах.  
Я питаюсь травой,  
Запиваю водою  
И хожу круглый год я в дерюге,  
Прозябая в холодной лачуге,  
А в лачуге кругом,  
Хоть шаром покати;  
Днем с огнем во всем доме моем  
Крошки хлеба не сможешь найти,  
А чиновник лютой,  
Издеваясь над мной –  
Говорит, ты хоть как ни крутись,  
Но налог все же ты уплати.  
Мне нет дела откуда возьмешь,  
Не внесешь – от меня не уйдешь.  
И живи, хоть бы в самых глухих ты горах,  
Не уйдет от налогов ведь даже твой прах.  
Бог свидетель, нет сил мне платить,  
Но куда от налогов уйти?

Примечание: Китайского текста стиха „Вдова в глухих горах“ в данном сборнике отсутствует.

## Династия Сун (960-1127 гг.)

Су Ши (1037-1101 гг.)

Су Ши, второе имя Су Цзычжань, прозвище Су Дунпо, великий поэт Сунской династии, выходец из провинции Сычуань. Как и все из его семьи, имел степень цзиньши. Его отец Су Юнь и младший



брат Су Чже, также известные поэты и ученые сановники, вместе с ним были прозваны Саньсу (три Су), но Су Ши, несомненно, был самым одаренным из них. Жизнь его была сложной, сопровождалась серьезными политическими противоречиями, связанными, в основном, с реформаторской деятельностью его близкого друга, известного Сунского деятеля и литератора Ван Аньши, земельные реформы которого, несмотря на благие намерения, окончились

трагично для страны и народа. Су Ши, постоянно восстававший против этих реформ, оказывался то в милости, то в немилости у императоров, не раз был обвинен в неверности двору, сослан в отдаленные провинции на службу. Отсюда дух печали о разлуке с близкими в его стихах, как и в стихах многих поэтов феодального Китая. Он имел высокие звания при дворе и пользовался большим влиянием в столице, а высшие звания как за службу, так и за литературные произведения, были пожалованы ему посмертно.

Су Ши оставил семь сборников поэзии. Поэтический стиль его отличается естественностью, неожиданностью, необузданным полетом фантазии, присущей лишь ему некоторой неровностью. Иногда его стихи воспринимаются скорее как экспромт, чем как отшлифованные строфы китайского классика – в этом его характерное импрессионистическое очарование. Именно он внес в жанр «цы» совершенно иную тональность – до него это был, в основном, любовный, лирично-сентиментальный романс, отличающийся от поэзии «ши» камерностью, чувственностью, даже манерностью. Су Ши поднял «цы» не только по содержанию, но и по стилю до лучших образцов «ши», отвечающих тогдашним и, вообще, китайским эстетическим нормам - эта поэзия дружбы, поэзия прощания, спо-

койного созерцания, глубокого, но сдержанного чувства, гражданственности, человеколюбия. Как поэт, он принадлежит к романтизму, хотя стихи его не лишены затаенной печали, характеризующей сунских поэтов.

Су Ши был очень эрудированным поэтом, что всегда особенно ценилось в Китае. Он был хорошо знаком не только с литературными достижениями, но и со всеми теориями и философиями, существующими в Китае и Индии до того времени. Сунская эпоха - это возрождение не только Танской и Чанской культур, но и китайской культуры вообще. Су Ши смог стать во главе этого возрождения в философско-этических исканиях, от его творчества нельзя отделить развитие нового этапа сознания, как например, чан-буддизма, с его стремлением к спонтанности и самосовершенствованию творца.

Су Ши также успешно занимался каллиграфией, а в живописи он является выдающейся личностью в развитии теории «веньжень» - живописи интеллектуалов, хотя движение это шло из глубины Танской эпохи, постепенно созревая. Он утверждал, что техника, сходство, мастерство – это все не главное, а может быть и не важное в «веньжень хуа» - картинах интеллектуалов, а главное – вдохновение, экспрессия, полет, мгновение, которое сопереживаемо...

Перевод стихотворения Су Ши: «Десять лет» и «на мотив «Пусуаньцзы» сделан А. Кипшидзе с подстрочника Ся Чжи-и.

#### Десять лет смерти и жизни

Десять лет смерти  
И жизни мы оба  
В тумане. Не мерять  
Не думать не надо.  
Забыть невозможно, кому же  
Смогу рассказать ледящее душу –  
Об одинокой могиле  
Отсюда за тысячи ли?  
Если и встретимся

Будем наверно  
Как незнакомцы – ведь иней  
Виски обесцветил – и лица в дорожной пыли.  
Ночью домой меня  
Таинство сна  
Вдруг возвратило.  
У резного окна  
Ты за прической.  
Безмолвно глядим друг на друга.  
Слезы лишь – тысяча влажных следов.  
Вижу я из года в год  
Там где в тот день оборвалось нутро  
В светлые лунные ночи тот холм  
С невысокими соснами.

На мотив „Пусуаньцзы”

(Написал в Хуанчжоу, во дворе Динхуй Юень)

Луна ущербная в платане поредевшем  
Повисла. Оборвались звуки стражи.  
О сна покой!  
Кто видел, кто расскажет,  
Как тайною. Неразглашаемую кто-то  
Ушел и появился  
Одинокой,  
Дрожащей тенью птицы перелетной?  
Внезапно вздрогнешь,  
Против воли  
За спину бросишь взгляд пугливо.  
Кому поведать сердца отчуждение?  
Холодные все ветви перебрав,  
Забвенья  
Здесь не найти. Песчаный  
Есть островок в реке, холодный и тоскливый...

## Ли Циньчжао (1084-1155)

Самая знаменитая в Китае женщина-поэт. Родилась в период Сунской династии, в провинции Шандун, в самой «колыбели» конфуцианства, в традиционно-интеллектуальной семье; получила блестящее домашнее образование, проявив редкую одаренность в поэзии и в музыке. В 18 лет вышла замуж за известного в свое время знатока древностей и эксперта по камням Чжао Минчена, была счастлива в браке – немало ее стихов говорит о взаимной любви. Однако в свои зрелые годы супруги вынуждены были бежать на Юг, спасаясь от армии кочевого племени Цзинь. Ли Циньчжао жила при двух Сунских династиях – при мощной, процветающей, и затем при слабой, доживающей свои последние дни на Юге Китая (Южная Сун), с немощным двором во главе. Поэтому и поэзию ее четко разделяет этот рубеж. Первый период, в основном, характерен лиричностью, нежностью, второй – трагическим оттенком.

Ли Циньчжао уже при жизни была известна как новатор в стиле «цы». Все биографы признают, что ее поэзия «близка к древним» и что «современные шидайфу (представители учено-сановного сословия) редко могут приблизиться к её таланту». Есть популярные предания о ее особой одаренности. Например, однажды она помогла своему мужу в написании не удававшейся ему стихотворной строфы, и именно эту строфу друг, кому приподнесли стихи, назвал «идеальной», вовсе не зная, что она была написана не мужем, а женой. Многие Сунские поэты заимствовали её стиль в жанре «цы», но реже знают о том, что и в жанре «ши» она была так же сильна. Если в «цы» она, отвечая жанру, лирична, женственна (но никогда не слащава), то в её «ши» присутствует патриотически-воинственный дух, а техника её всегда была превосходна, так же, как и знание материала.

Несмотря на все это и на то, что ее произведения заняли свое место в хрестоматиях, в среднем и старом Китае Ли Циньчжао часто была порицаема конфуцианскими моралистами, пытающимися умалить ее достоинства, как женщины-ученой. Умерла она в провинции Чженцзян или Цзянсу после 1155 года, но точная дата смерти и могила ее неизвестны. Ли Циньчжао остается одной из самых

труднопереводимых поэтов Сунской эпохи.

«Цы», попавший в наш сборник, был создан вскоре после свадьбы, в осенние дни, когда Чжао уехал в Кайфын учиться в государственной высшей школе.

Перевод стиха в двух вариантах:

а. Перевод Ся Чжи-и, б. А.Кипшидзе с подстрочника  
Ся Чжи-и.

а. А лотос уж ронял свой цвет

А лотос уж ронял свой цвет,  
Но аромат в саду еще стоял.  
И осень свой слала привет,  
А ночью холод знать себя давал.  
Не зная от тоски куда себя девать,  
Сменив одежду, в лодку я сажусь,  
И по пруду одна на ней кружу,  
Отдав ее течению во власть.  
На юг летят на небе гуси,  
Пришлют мне весть они с собой?<sup>1</sup>  
Вот сколько дней я жду и не дождусь,  
Устав смотреть на птиц летящих над главой.  
Балкон мой весь залит луной.  
Как чудно было здесь, как муж был тут со мной!  
Вода течет сама собою  
/Она не может на одном месте оставаться/  
Цветы же этою порою  
Все продолжают осыпаться.  
Хоть мы разлучены судьбою,  
Забыть друг друга мы не можем ни на миг.  
Я продолжаю жить одним тобою,  
И без тебя мне белый свет не мил.

<sup>1</sup> В древности в Китае использовали гусей для почты.

б. На мотив «Ицзяньмэй»

Красного лотоса лепестки  
Веет осени яшмовым ситом.  
Знаешь... циновка моя из бамбука  
Так холодна...  
Шелк одежды своей приоткрыв,  
Поднимаюсь одна  
В лепесток орхидеевой лодки,  
Легкий тает вокруг аромат...  
В облаках кто пришлет мне письмо на парче издалека?  
Иероглиф гусей – он когда воротится назад?  
Щедрость полной луны одарит мой балкон этой  
Ночью.  
А вода все течет, и цветы  
Осыпаясь, сливаются с ней...  
Разделенной души  
И взаимной тоски  
Два источника скоро ль сольются?  
Как уйти от печали моей?  
От излишней, бездельной печали,  
Что усилием воли с бровей  
Я сгоняю, стремясь к совершенству –  
Но бултыхнется вниз,  
В потаенность теней,  
И повиснет на краешке сердца...

Лу Ю (1125-1201 гг.)

Лу Ю (это русская транскрипция, имя поэта читается как Лу Еу); прозвище - Фанвен; по происхождению из провинции Чжуцзян; родился в 1125, умер в 1201 году. Известный поэт-патриот и поэт-лирик Сунской династии. Звание цзиньши получил лично от императора Сяо Цзуна, без экзаменов, за широкоизвестную эрудицию; занимал различные должности в разных провинциях, затем добровольно записался в армию. Время, в которое он жил, было очень тяжелым для Китая: Сунская империя терпела разорительные



нашествия кочевых племен, что в конце-концов закончилось завоеванием страны монгольскими полчищами Хубилая. Лу Ю всегда поддерживал тех, кто был за бескомпромиссную борьбу с иноземными завоевателями. Вся его поэзия пропитана глубоко патриотическим чувством. В молодости он, в основном, писал лирические стихи «ши» и модные в Сунское время романсы «цы». В старости участвовал в составлении «Истории династии», затем вел деревенскую жизнь в кругу своей семьи. Художественное наследие его огромно – до нас дошло свыше 92 000 его стихов. Он писал стихи буквально до последнего дня своей жизни, а прожил он почти восемьдесят шесть лет.

### Диадема

А рука так нежна, как и прежде была,  
И играло вино, что ты мне подала.  
Старый сад до чего был пригож,  
И весенний тот день был так чудно хорош!  
За дворцовой стеной пышно ива росла,  
Кто мог знать, что судьба в нашу жизнь принесла?!  
Ветер зол, он порушил все все на пути  
И не дал он цветам расцвести.  
Наши полные счастья чудесные дни,  
Словно вешние воды, промчались они.  
Эта чаша вина твоим чувством полна,  
Но разлука с тобой у нас все отняла.  
Роковая ошибка страшна –  
Сколько горя и мук она нам принесла.  
Хоть прекрасна весна и теперь, как тогда,  
Но тебя не узнать: как былинка, тонка.  
Горе смыло румяней с лица,  
Кружевной твой платок  
Ото слез весь промок,  
И от горя слезам нет конца.

Облетели в саду на деревьях цветы,  
И наш дом опустел, как уехала ты.  
Клятвы верности в памяти, хоть и живы,  
Даже вести друг другу не в силах дать мы.  
И напрасна вся наша мольба.  
Видит бог – не судьба! Не судьба! Не судьба!

#### Пояснение к стиху

Лу Ю в двадцать лет женился на своей кузине, Тан Вань. Молодые супруги жили душа в душу. Однако, свекровь невзлюбила свою невестку, несмотря на то, что та приходилась ей родной племянницей. Она всячески придиралась к ней и в конце концов принудила Лу Ю развестись с женой. Это было страшным ударом для любящих супругов. Не смея прекословить матери, Лу Ю вынужден был развестись, но он тайно снял дом, куда поместил свою жену. Однако этот его обман скоро был раскрыт матерью, и молодым супругам пришлось растаться. По приказу матери Лу Ю снова женился, а Тань Вань также вторично вышла замуж. Через несколько лет Лу Ю весной зашел в парк, где он неожиданно встретил Тан Вань с мужем. По обычаю тогдашнего времени бывшие супруги уже не имели право встречаться. Не в силах забыть прошлое, и погасить свою любовь к Лу Ю, Тан Вань послала слугу отнести ему вино и угощение. Охваченный воспоминаниями о прошлом, Лу Ю написал стихотворение на стене в парке. По преданию, Тань Вань впоследствии увидела это стихотворение и написала ответ на него. Вскоре после этого она скончалась.

#### Мэйхуа

Перевод посвящается Лю – Кандарели Гуанвень

У станции старой, где вьется дорога,  
Остатки моста где висят над рекой,  
Мэйхуа молодая стоит одиноко,  
В цветах белоснежных весной.

Сгущаются сумерки, дождь не стихает,  
А ветер, бушуя, глумится над ней.  
Душа у нее уже вся изнывает,  
Тоскливо и горестно ей.  
Хоть зависть к себе она у других  
Своей красотой вызывает,  
Она никого, даже в мыслях своих  
Затмить красотой не желает.  
Пусть ветер цветы и срывает  
На землю и в грязь их кидает,  
Пусть люди ногами невольно их мнут  
Цветы аромат все равно издают.

#### Народная песня

(из романа „Речные заводи“)

Палит нещадно солнце  
И в поле все горит;  
Крестьяне чуть не плачут,  
Душа их вся болит!  
Обмахиваясь веерами,  
В прохладе сидя сами,  
Не знают зноя баре,  
Хоть в поле, словно в бане.



## Династия Юань (1271-1368 гг.)

Ма Чжиюень (1250-1323 гг.)

Юаньская эпоха была временем расцвета китайских театральных жанров и развитой драматургии. Ма Чжиюень был выдающимся драматургом - и до сих пор около восьми его произведений с успехом ставятся на сценах Китая и других стран Дальнего Востока. Как поэт, он был не менее известен. Он родился и вырос в столице Юаньской (Монгольской) династии – Таду, что означает „столичный город“. Ныне это столица Китая – Пекин.

Осенние думы

(На мотив Тяньзинша)

Ветви засохшей лианы,  
Старое древо черно.  
В сумерках темною тенью  
Ворон вернулся в гнездо.  
Маленький, маленький домик,  
Тихо текущий ручей,  
Крошечный, крошечный мостик,  
Пусто, не видно людей.  
Старая в ямах дорога,  
Западный ветер свистит,  
Тошная, старая лошадь  
Еле, вся в мыле, бежит.  
Солнце уж к западу стало клониться,  
Жизнь под откос продолжает катиться,  
Я же, несчастный, на света краю  
Жалкую жизнь здесь влачу.

## Са Дуцы (1272-1355 гг.)

Поэт династии Юянь (монгольской). Монгол по происхождению. Дед Са был военным чиновником в современной провинции Шаньси. Са сдал экзамены на цзиньши, затем служил чиновником на юге Китая. В старости жил в Ханьчжоу. Ему принадлежит сборник стихов „Еньмень“. Прожил довольно долгую жизнь, родился в 1272, умер в 1355 году.

Миньчэн\* в конце года

В Линнане\*\* раннею весною  
Снег трудно увидеть.  
Зато повсюду той порою,  
Цветы ты можешь покупать  
А в ночь под самый Новый год\*\*\*  
Дождь город оросил,  
И людям теша взор, он вот –  
Камелии водою окропил.

\* Миньчэн – нынче город Фучжоу

\*\* Линнань – на юге горного хребта У-лин

\*\*\* Конец года по лунному календарю приходится на первые числа февраля

## Династия Мин (1368-1644)

Ло Гуаньчжун

Жил в конце Юянской (Монгольской) династии, выходец из Юго-Восточного Китая, г. Ханьчжоу. Им написано множество художественных сочинений. Самый известный и большой его роман, который является также одним из самых значительных литературных памятников средневековья – это роман „Шуйху“ („Речные заводи“). В романе использован давно бытующий в народном творчестве сюжет из жизни группы разбойников Сунской династии, людей разных сословий, находящихся по разным причинам в опале, изгоев общества и государства. Большинство героев романа – это исторические личности.

Среди знаменитых произведений Ло – еще три-четыре романа, очень значительных для истории китайской прозы.

Народная песня из романа „Речные заводы“, записанная Ло Гуаньчжуном, является песней периода Сунской династии, поэтому её можно прочесть на странице 101.

### **Династия Цин и XX в.**

Цао Сюенцинь (1724-1764 гг.)

Известный писатель Цинской династии, литератор, прозаик и поэт, автор самого читаемого в Китае средневекового романа „Сон в красном тереме“. Роман в основном биографичен, эта история расцвета и упадка сановной семьи, рассказ о феодальной действительности, о любви двух молодых людей. В романе описано около двухсот персонажей, все с яркими индивидуальными чертами, а особую прелесть ему придает множество прекрасных талантливых стихов.

Цао был отпрыском знатной, но вконец разорившейся семьи. Не сумев сдать экзамены на степень цзиньши, занимал очень низкие чиновничьи должности, жил с семьей под Пекином. Единственный его сын погиб еще ребёнком, и это стало причиной болезни и ранней смерти Цао – он прожил всего 46 лет. По рассказам друзей, он был настолько беден, что когда его похоронили, в доме кроме книг и музыкального инструмента цинь, ничего не осталось. Не помогало и то, что Цао принадлежал к немногочисленному аристократическому ордену „Белое знамя“ – этой чести удостоили его предков маньчжур, правители этой последней династии в Китае. (Сами же Цао были ханьцы, т.е. китайцы, выходцы из Юго-Восточного Китая.

Еще при жизни Цао его незаконченный роман был переписан друзьями, а позже Гао Гуань закончил его. Издан же он был только после смерти Цао.

## Хорошо

(Стихотворение из романа „Сон в красном тереме“)

Всякий знает, что праведным быть хорошо,  
О карьере своей лишь забыть нелегко!  
Где же нынче вся бывшая гордая знать?  
Их могилы травой заросли уж давно.  
Всякий знает, что праведным быть хорошо,  
Только золота звон позабыть нелегко!  
Все стремятся побольше его накопить,  
А накопят – уж время проститься пришло.  
Всякий знает, что праведным быть хорошо,  
Лишь жену молодую забыть нелегко!  
Пока жив, ежедневно твердит о любви,  
А умрешь – уж с другим позабыла давно.  
Всякий знает, что праведным быть хорошо,  
Лишь детей нам своих позабыть не дано!  
Слепо любящих много на свете отцов,  
А детей таких повстречать нелегко.

Мао Цзедун (1893-1976 гг.)

Уроженец провинции Хунань. Профессиональный революционер, один из организаторов и руководителей компартии Китая, руководитель страны с 1949 года до конца жизни. Писал поэтические произведения в традиционной манере, по законам древнего и старого стихосложения, на языке „веньянь“ – „язык литературы“ в буквальном переводе. Однако прозаические произведения философско-политического характера писал на современном языке.

## Мейхуа

Лишь ветры весну проводили с дождем,  
Как снег вновь ее уж встречает.  
И лед снова крепко сковал все кругом  
Одна лишь мейхуа расцветает.  
Она, расцветая, ничьей красоты  
Собою затмить не желает.  
Начало весны лишь она возвещает,  
Когда на горах расцветут все цветы,  
Улыбка ее среди них засияет.

## Снег

Картина северной страны:  
На тысячи ли простираются льды  
Снег вьется, кругом  
Все сковано льдом.  
И с той, и с этой стороны,  
Великой Китайской стены,  
Все, что ты видишь пред собой,  
Покрыто снежной пеленой.  
А бурные воды великой реки  
В мгновенье прервали свой рев.  
Не катят уж больше волны свои,  
Застыв у речных берегов.  
А горы, как кольца танцующих змей,  
Нагорья, как стада слонов,  
Вздываются ввысь, вышиною своей  
Желая затмить высоту облаков.  
Когда же день наступит ясный,  
И снег на солнце заблестит,  
То ты увидишь вид прекрасный,  
Он взоры всякого пленит.  
Прекрасна родная моя сторона,  
Как много героев пленила она!  
Но, к сожалению сии сыны

И У-ди династии Хан,  
И Циньский Ши-хуан,  
В литературе были не сильны.  
А Тайцзу Сун и Тайцзун Тан  
Культурой оба не блистали,  
Поэзию они не знали.  
И даже баловень судьбы  
Великий Чингиз-хан,  
Был лишь любителем стрельбы  
Из лука по орлам.  
Все в вечность кануло. Навеки  
Ушли герои прошлых дней.  
И можно только в нашем веке  
Найти достойнейших людей.

Е Цзенъин (?–1979 гг.)

Профессиональный военный, один из руководителей армии и компартии Китая, маршал Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Писал стихи в традиционной манере на языке „веньень“, соблюдая древние и старые каноны стихосложения.

### Штурм крепостей

Как ни были бы крепости тверды,  
Мы их не устрасимся штурмовать,  
В учебе ж трудности и ты  
Не бойся преодолевать.  
Тернист и труден путь,  
Ведущий к овладению наукой,  
И лишь, упорный труд  
Успеху может быть порукой.

## 篇目表（中文）

### 汉朝（公元前206年-公元220年）

桓灵时童谣..... 112

### 三国（公元220-280年）

曹植（诗人小传）..... 112

七步诗..... 112

### 南北朝（公元579-589）

木兰辞..... 113

### 唐朝（公元618-907）

骆宾王（诗人小传） 鹅..... 114

咏蝉..... 114

王勃（诗人小传） 送杜少府之任蜀川..... 115

贺知章（诗人小传） 回乡偶书..... 116

王翰（诗人小传） 凉州词..... 117

王维（诗人小传）..... 117

山居秋暝..... 117

送元二使安西（渭城曲）..... 118

王之涣（诗人小传）..... 119

登鹳雀楼..... 119

孟浩然（诗人小传）..... 119

春晓..... 119

李白（诗人小传）..... 120

静夜思..... 120

玉阶怨..... 121

早发白帝城..... 122

春思..... 123

杜甫（诗人小传）..... 123

春望..... 123

月夜..... 124

茅屋为秋风所破歌..... 124

病马..... 126

两个黄鹂鸣翠柳..... 126

无家别..... 126

春夜喜雨..... 127

石壕吏..... 128

崔护（诗人小传）..... 129

题都城南庄（题解）	129
岑参（诗人小传）	129
逢人京使	130
张继（诗人小传）	130
枫桥夜泊	130
张籍	131
秋思	132
白居易（诗人小传）	132
古原草	132
暮江吟	133
琵琶行	133
观刈麦	135
卖炭翁	136
盐商妇	137
柳宗元（诗人小传）	138
江雪（题解）	138
李贺（诗人小传）	139
寻章摘句老雕虫	139
杜秋娘（诗人小传）	139
金缕衣	139
杜牧（诗人小传）	139
山行	140
秋夕	140
泊秦淮	140
叹花（题解）	141
李商隐（诗人小传）	141
夜雨寄北	141
乐游原	142
无题（相见时难别亦难）	143
无题（来是空言去绝踪）	143
落花	144
陈陶（诗人小传）	144
陇西行	144
金昌绪（诗人小传）	145
春怨	145
李煜（诗人小传）	145
（虞美人）春花秋月何时了	145

题解.....	146
(浪淘沙) 帘外雨潺潺.....	146
(相见欢) 无言独上西楼.....	
A. 吉甫什泽译自夏志义译文底稿.....	146
杜荀鹤.....	147
再经胡县城.....	147
<b>宋朝 (公元960年-1279年)</b>	
苏轼 (诗人小传) .....	147
(江城子) 十年生死两茫茫 吉甫什泽译.....	148
(卜算子) 缺月挂疏桐 A. 吉甫什泽译自夏志义译文底稿.....	148
李清照 (诗人小传) .....	149
(一剪梅) 红藕香残玉簟秋	
a、夏志义译.....	149
b、A. 吉甫什泽译自夏志义译文底稿.....	149
陆游 (诗人小传) .....	149
(钗头风) 红酥手.....	150
题解.....	150
(卜算子) 咏梅 .....	150
民歌 (选自水浒传) .....	150
<b>元朝 (公元1280-1367)</b>	
马志远 (诗人小传) .....	151
(天净沙) · 秋思.....	152
萨都刺 (诗人小传) .....	152
闽城岁暮.....	152
<b>明朝 (公元1368-1644)</b> .....	153
罗贯中 (作者简历) .....	153
<b>清朝与 20世纪</b>	
曹雪芹 (简历) .....	153
好了歌.....	153
毛泽东 (简历) .....	154
咏梅 (卜算子) .....	154
雪 (沁园春) .....	154
叶剑英 (简历) .....	155
攻关.....	155

## 汉朝（公元前206—公元23）

### 桓灵时童谣

举秀才，不知书。举孝廉，父别居。  
寒素清白浊如泥，高第良将怯如鸡。

## 三国（公元220—280）

### 曹植 诗人小传

曹植（192—232），字子建，沛国谯（今安徽省亳州市）人。三国曹魏著名文学家，建安文学代表人物。魏武帝曹操之子，魏文帝曹丕之弟，生前曾为陈王，去世后谥号“思”，因此又称陈思王。后人因他文学上的造诣而将他与曹操、曹丕合称为“三曹”，南朝宋文学家谢灵运更有“天下才有一石，曹子建独占八斗”的评价。王士禛尝论汉魏以来二千年间诗家堪称“仙才”者，曹植、李白、苏轼三人耳。

### 七步诗

#### 曹植 Cáo Zhí

其一：

煮豆持①作羹②，漉③菽④以为汁。 zhǔ dòu chí zuò gēng,  
lù shū yǐ wèi zhī.

萁⑤在釜⑥下燃，豆在釜中泣。 qí zài fǔ xià rán, dòu zài fǔ zhōng qì  
本⑦自同根生，相煎⑧何⑨太急？ běn shì tóng gēn shēng,  
xiāng jiān hé tài jí ?

其二：

煮豆燃豆萁，豆在釜中泣。 zhǔ dòu rán dòu qí, dòu zài fǔ zhōng qì.  
本是同根生，相煎何太急。 běn shì tóng gēn shēng,  
xiāng jiān hé tài jí.

### 【注释】

(1)持：用来。(2)羹(gēng)：用肉或菜做成的糊状食物。(3)漉(lù)：过滤。(4)菽(shū)：豆的总称。这句的意思是把豆子的残渣过滤出去，留下豆汁作羹。(5)豆萁：豆类植物脱粒后剩下的茎。(6)釜：锅。(7)本：原本，本来。(8)相煎：指互相残害，全诗表达了曹植对曹丕的不满。(9)何：何必。(10)燃：燃烧。

## 南北朝（公元579—589）

木兰辞  
无名氏

唧唧复唧唧，木兰当户织。不闻机杼声，惟闻女叹息。问女何所思，问女何所忆。女亦无所思，女亦无所忆。

昨夜见军帖，可汗大点兵，军书十二卷，卷卷有爷名。阿爷无大儿，木兰无长兄，愿为市鞍马，从此替爷征。

东市买骏马，西市买鞍鞞，南市买辔头，北市买长鞭。旦辞爷娘去，暮宿黄河边，不闻爷娘唤女声，但闻黄河流水鸣溅溅。旦辞黄河去，暮至黑山头，不闻爷娘唤女声，但闻燕山胡骑鸣啾啾。

万里赴戎机，关山度若飞。朔气传金柝，寒光照铁衣。将军百战死，壮士十年归。

归来见天子，天子坐明堂。策勋十二转，赏赐百千强。可汗问所欲，木兰不用尚书郎；愿驰千里足，送儿还故乡。

爷娘闻女来，出郭相扶将；阿姊闻妹来，当户理红妆；小弟闻姊来，磨刀霍霍向猪羊。开我东阁门，坐我西阁床，脱我战时袍，著我旧时裳(cháng)，当窗理云鬓，对镜帖花黄。出门看火伴，火伴皆惊忙：同行十二年，不知木兰是女郎。

雄兔脚扑朔，雌兔眼迷离；双兔傍地走，安能辨我是雄雌？

## 唐朝（公元618-907）

### 骆宾王 诗人小传

骆宾王（约627-约684年）字观光，汉族，婺州义乌人（今中国浙江 义乌）人。唐初诗人，与王勃、杨炯、卢照邻合称“初唐四杰”。又与富嘉谟并称“富骆”。唐龙朔初年，骆宾王担任道王李元庆的属官。后来相继担任武功主簿和明堂主簿。唐高宗仪凤四年（679年），升任中央政府的侍御史官职。曾经被人诬陷入狱，被赦免后出任地方官临海县丞，所以后人也称他骆临海。武则天光宅元年（684年），徐敬业起兵讨伐武则天，他做为秘书，起草了著名的《讨武曌檄》。

### 咏鹅 yǒng é

骆宾王 Luò Bīnwáng

鹅，鹅，鹅，曲项向天歌。 é, é, é, qū xiàng xiàng tiān gē.  
白毛浮绿水，红掌拨清波。 bái máo fú lǜ shuǐ,  
hóng zhǎng bō qīng bō.

#### 【注释】

(1)咏：用诗、词来叙述或描写某一事物。咏鹅：用诗词来赞美鹅。(2)项：颈的后部。这里指鹅的脖子。(3)掌：诗中指鹅的脚掌。拨：划。

### 咏蝉

骆宾王

西陆蝉声唱，南冠客思深。不堪玄鬓影，来对白头吟。  
露重飞难进，风多响易沉。无人信高洁，谁为表予心？

#### 注释

①西陆：指秋天。《隋书·天文志》：“日循黄道东行，一日一夜行一度，三百六十五日有奇而周天。行东陆谓之春，行南陆谓之夏，行西陆谓之秋，行北陆谓之冬。”南冠(guān)：指囚

犯。《左传·成公九年》：“晋侯观于军府，见钟仪，问之曰：‘南冠而縶者谁也？’有司对曰：‘郑人所献楚囚也。’”②玄鬓：即蝉鬓。古代妇女的鬓发梳得薄如蝉翼，看上去像蝉翼的影子，故玄鬓即指蝉。③高洁：指蝉，其实是自喻。

### 王勃 诗人小传

王勃（649或650~676或675年），唐代诗人。汉族，字子安。绛州龙门（今山西河津）人。王勃也与杨炯、卢照邻、骆宾王齐名，齐称“初唐四杰”，其中王勃是“初唐四杰”之冠。

## 送杜少府之任蜀州

王勃

城阙辅三秦，风烟望五津。与君离别意，同是宦游人。  
海内存知己，天涯若比邻。无为在歧路，儿女共沾巾。

### 注释

1、本文选自《王子安集》（《四部丛刊》本）。2、少府：官名，在唐代指县尉。3、之：到，往。本是虚词在这里用作动词。4、蜀州：现在四川崇州。也作蜀川。5、城阙（què）：皇宫门前的望楼，往往被用来代表京都。这里指唐朝都城长安。6、辅：以……为辅，这里是拱卫的意思。7、三秦：这里泛指秦岭以北、函谷关以西的广大地区。本指长安周围的关中地区。秦亡后，项羽三分秦故地关中为雍，塞，翟三国，以封秦朝三个降将，因此关中又称“三秦”。8、风烟望五津：“风烟”两字名词用作状语，表示行为的处所，译为：江边因远望而显得迷茫如啼眼。全句是在风烟迷茫之中，遥望蜀州。9、五津：指岷江的五个渡口白华津、万里津、江首津、涉头津、江南津。这里泛指蜀川。10、君：对人的尊称，这里指“你”11、宦（huàn）游：出外做官。12、海内：四海之内，即全国各地。古人认为陆地的四周都为大海所包围，所以称天下为四海之内。13、天涯：天边，这里比喻极远的地方。14、比邻：并邻，近邻。15、无为：无须、不必。16、歧路：岔路。古人送行常在大路分岔处告别。17、沾巾：泪水沾湿衣服和腰带。意思是挥泪告别。

### 贺知章 诗人小传

贺知章(659—744)，字季真，号四明狂客，汉族，唐越州会稽永兴（今浙江萧山）人，贺知章诗文以绝句见长，除祭神乐章、应制诗外，其写景、抒怀之作风格独特，清新潇洒，著名的《咏柳》《回乡偶书》两首脍炙人口，千古传诵，今尚存录入《全唐诗》共19首。

### 回乡偶书（其一）

贺知章

少小离家老大回，乡音无改鬓毛衰。  
儿童相见不相识，笑问客从何处来。

### 回乡偶书（其二）

贺知章

离别家乡岁月多，近来人事半消磨。  
惟有门前镜湖水，春风不改旧时波。

### 注释

①老大：年纪大了，老了。②乡音：家乡的口音。③鬓毛：额角边靠近耳朵的头发。④衰（cuī）：减少，疏落。⑤镜湖：在浙江绍兴会稽山的北麓(lù)，方圆三百余里。

### 王翰 诗人小传

王翰为唐代边塞诗人。字子羽，唐并州晋阳（今山西太原市）人，著名诗人。王翰这样一个有才气的诗人，其集不传。其诗载于《全唐诗》的，仅有14首。

## 凉州词①⑦

王翰 Wáng Hàn

葡萄美酒夜光杯②，欲⑧饮琵琶⑤马上催⑥。 pú táo měi jiǔ yè  
guāng bēi,  
yù yǐn pí pá mǎ shàng  
cuī.  
醉卧沙场③君④莫笑，古来征战⑨几人回？ zuì wò shā chǎng jūn  
mò xiào,  
gǔ lái zhēng zhàn jǐ rén  
huí?

①注释：王翰写有《凉州词》两首，慷慨悲壮，广为流传。而这首《凉州词》被明代王世贞推为唐代七绝的压卷之作。②夜光杯：用白玉制成的酒杯，光可照明。它和葡萄酒都是西北地区的特产。这里指精美的酒杯。③沙场：平坦空旷的沙地，古时多指战场。④君：你。⑤琵琶：这里指作战时用来发出号角的声音时用的。⑥催：催人出征。⑦凉州词：“凉州歌”的唱词，是盛唐时流行的一种曲调名。⑧欲：将要。⑨征战：打仗。

### 王维 诗人小传

王维生于公元701年，字摩诘，汉族，祖籍山西祁县，唐朝诗人，有“诗佛”之称。开元九年（721年）中进士，任太乐丞。今存诗400余首。王维精通佛学，受禅宗影响很大。佛教有一部《维摩诘经》，是王维名和字的由来。王维诗书画都很有名，非常多才多艺，音乐也很精通。与孟浩然合称“王孟”。

## 山居秋暝

王维

空山新雨后，天气晚来秋。明月松间照，清泉石上流。  
竹喧归浣女，莲动下渔舟。随意春芳歇，王孙自可留。

### 注释

1、暝：日落，夜晚2、空山：空旷，空寂的山野。3、新：刚

刚。

4. 清泉石上流：写的正是雨后的景色。5. 竹喧：竹林中笑语喧哗。喧：喧哗，这里指洗衣服姑娘的欢笑声。6. 浣女：洗衣服的姑娘。浣（huàn）：洗。7. 莲动：意谓溪中莲花动荡。8. 下：归也，如“日之夕矣，牛羊下来”，作“回来”义。9. 随意春芳歇，王孙自可留：反用《楚辞·招隐士》“王孙兮归来，山中兮不可以久留”句意。意谓任凭它春芳消散，王孙也可以久留，因为秋色同样迷人，使人留恋。随意：任凭。春芳歇：春芳：春草；歇，消散、逝去。王孙：原指贵族子弟，后来也泛指隐居的人，此处指诗人。留：居。

## 送元二使安西

王维

渭城朝雨浥轻尘，客舍青青柳色新。  
劝君更尽一杯酒，西出阳关无故人。

### 注释

（1）使：到某地出使。（2）安西：指唐代为统辖西域地区而设的安西都护府的简称，在今新疆维吾尔自治区库车县附近。（3）渭城：故址秦时咸阳城，汉代改称渭城《汉书·地理志》，位于渭水北岸，唐时属京兆府咸阳县辖区，陕西咸阳县东。（4）浥：（yì）：湿润，沾湿。（5）客舍：旅店，本是羁旅者的伴侣；杨柳更是离别的象征。（6）柳色：即指初春嫩柳的颜色。（7）君：指元二。（8）更：再。（9）阳关：汉朝设置的边关名，故址在今甘肃省敦煌县西南，古代跟玉门关同是出塞必经的关口。《元和郡县志》云，因在玉门之南，故称阳关。在今甘肃省敦煌县西南。（10）故人：老朋友，旧友。（11）更尽：再喝完。（12）朝（zhāo）：早晨

### 王之涣 诗人小传

王之涣（公元688年-公元742年），是盛唐时期的诗人，字季凌，汉族，并州（山西太原）人。祖籍晋阳（今山西太原），其高祖迁今山西绛县。豪放不羁，常击剑悲歌，其诗多被当时乐工制曲歌唱。名动一时，常与高适、王昌龄等相唱和，以善于描写边塞风光著称。代表作有《登鹳雀楼》、《凉州词》等。“白日

依山尽，黄河入海流。欲穷千里目，更上一层楼”。更是千古绝唱。

### 登鹳雀楼

王之涣 Wáng Zhī huàn

白日依山尽，黄河入海流。bái rì yī shān jìn, huáng hé rù hǎi liú.  
欲穷千里目，更上一层楼。yù qióng qiān lǐ mù, gèng shàng yī céng lóu.

#### 注释

1. 鹳雀楼：旧址在山西永济县，楼高三层，前对中条山，下临黄河。传说常有鹳雀在此停留，故有此名。2. 白日：太阳。3. 依：依傍。4. 尽：消失。这句话是说太阳依傍山峦沉落。5. 欲：想要得到某种东西或达到某种目的的愿望，但也有希望、想要的意。6. 穷：尽，使达到极点。7. 千里目：眼界宽阔。8. 更：替、换。（不是通常理解的“再”的意思）

#### 孟浩然 诗人小传

孟浩然（689-740），男，汉族，唐代诗人，孟子第33代。本名不详（一说名浩），字浩然，襄州襄阳（今湖北襄阳）人，世称“孟襄阳”。浩然，少好节义，喜济人患难，工于诗。年四十游京师，唐玄宗诏咏其诗，至“不才明主弃”之语，玄宗谓：“卿自不求仕，朕未尝弃卿，奈何诬我？”因放还未仕，后隐居鹿门山，著诗二百余首。孟浩然与另一位山水田园诗人王维合称为“王孟”。

### 春晓① Chūn xiǎo

孟浩然 Mèng hào Rán

春眠不觉晓②，处处闻啼鸟③。chūn mián bù jué xiǎo, chù chù wén tí niǎo.  
夜来风雨声④，花落知多少。yè lái fēng yǔ shēng, huā luò zhī duō shǎo.

#### 注释

①春晓：春天的清晨。晓，指天刚亮的时候。②不觉晓：不知

不觉，没有察觉到早晨的来到。③闻啼鸟：听到小鸟的鸣叫声；闻，听到；啼，鸣叫。

④夜来：夜里。

## 李白 诗人小传

李白（701年2月28日—762），字太白，号青莲居士，唐朝诗人，有“诗仙”之称，最伟大的浪漫主义诗人。汉族，出生于剑南道之绵州（今四川绵阳江油市青莲乡），一说生于西域碎叶城（今吉尔吉斯斯坦托克马克），5岁随父迁至剑南道之绵州（巴西郡）昌隆县（712年更名为昌明县），祖籍陇西郡成纪县（今甘肃平凉市静宁县南）。其父李客，育二子（伯禽、天然）一女（平阳）。存世诗文千余篇，代表作有《蜀道难》、《将进酒》等诗篇，有《李太白集》传世。762年病逝于安徽当涂，享年61岁。其墓在安徽当涂，四川江油、湖北安陆有纪念馆。

## 静夜思 jìng yè sī

李白 Lǐ Bái

床前看月光，疑是地上霜。chuáng qián kàn yuè guāng,  
yí shì dì shàng shuāng.  
举头望山月，低头思故乡。jǔ tóu wàng shān yuè,  
dī tóu sī gù xiāng.

### 注释

(1)静夜思：静静的夜里，产生的思绪。(2)床：今传五种说法。

一指井台。已经有学者撰文考证过。中国教育家协会理事程实将考证结果写成论文发表在刊物上，还和好友创作了《诗意图》。

二指井栏。从考古发现来看，中国最早的水井是木结构水井。古代井栏有数米高，成方框形围住井口，防止人跌入井内，这方框形既像四堵墙，又像古代的床。因此古代井栏又叫银床，说明井和床有关系，其关系的发生则是由于两者在形状上的相似和功能上的类同。古代井栏专门有一个字来指称，即“韩”字。《说

文》释“韩”为“井垣也”，即井墙之意。

三“床”即“窗”的通假字。本诗中的‘床’字，是争论和异议的焦点。我们可以做一下基本推理。本诗的写作背景是在一个明月夜，很可能是月圆前后，作者由看到月光，再看到明月，又引起思乡之情。既然作者抬头看到了明月，那么作者不可能身处室内，在室内随便一抬头，是看不到月亮的。因此我们断定，‘床’是室外的一件物什，至于具体是什么，很难考证。从意义上讲，‘床’可能与‘窗’通假，而且在窗户前面是可能看到月亮的。但是，参照宋代版本，‘举头望山月’，便可证实作者所言乃是室外的月亮。从时间上讲，宋代版本比明代版本在对作者原意的忠诚度上，更加可靠。

四取本义，即坐卧的器具，《诗经·小雅·斯干》有“载寐之牀”，《易·剥牀·王弼注》亦有“在下而安者也。”之说，讲得即是卧具。

五马未都等认为，床应解释为胡床。胡床，亦称“交床”、“交椅”、“绳床”。古时一种可以折叠的轻便坐具，马扎功能类似小板凳，但人所坐的面非木板，而是可卷折的布或类似物，两边腿可合起来。现代人常为古代文献中或诗词中的“胡床”或“床”所误。至迟在唐时，“床”仍然是“胡床”（即马扎，一种坐具）。

(3)疑：好像。(4)举头：抬头。

## 玉阶怨① Yù Jiē yuàn

李白 Lǐ Bái

夕殿下珠帘②，流萤飞复息③。 xī diàn xià zhū lián, liú yíng fēi fù xī。  
长夜缝罗衣④，思君此何极⑤。 cháng yè fèng luó yì, sī jūn cǐ hé jí。

注释

① 玉阶：皇宫的石阶。② 夕殿：傍晚的宫殿。③ 流萤：萤火虫。息：停止。④ 罗：一种丝织品。⑤ 何极：哪有尽头。[1]

## 早发白帝城 Zǎo fā Bó dì chéng

李白 Lǐ Bái

朝辞白帝彩云间，千里江陵一日还。 zhāo cí bái dì cǎi yún jiān,  
qiān lǐ jiāng líng yī rì huán.  
两岸猿声啼不住，轻舟已过万重山。 liǎng àn yuán shēng tí bù zhù,  
qīng zhōu yǐ guò wàn chóng  
shān.

### 注释

(1) 发：启程。白帝城：故址在今重庆市奉节县白帝山上。朝：早晨。(2) 白帝：白帝城。杨齐贤注：“白帝城，公孙述所筑。初，公孙述至鱼复，有白龙出井中，自以承汉土运，故称白帝，改鱼复为白帝城。”王琦注：“白帝城，在夔州奉节县，与巫山相近。所谓彩云，正指巫山之云也。”前人曾认为这首诗是李白青年出蜀时所作。然而根据“千里江陵一日还”的诗意，李白曾从江陵上三峡，因此，这首诗应当是他返还时所作。(3) 辞：告别。(4) 彩云间：因白帝城在白帝山上，地势高耸，从山下江中仰望，仿佛耸入云间。(5) 江陵：今湖北荆州市。从白帝城到江陵约一千二百里，其间包括七百里三峡。郦道元《三峡》：“自三峡七百里中，两岸连山，略无阙处。重岩叠障，隐天蔽日，自非亭午时分，不见曦月。至于夏水襄陵，沿溯（或泝）阻绝。或王命急宣，有时朝发白帝，暮到江陵，其间千二百里，虽乘奔御风，不以疾也。春冬之时，则素湍绿潭，回清倒影。绝巘（或巘）多生怪柏，悬泉瀑布，飞漱其间。清荣峻茂，良多趣味。每至晴初霜旦，林寒涧肃，常有高猿长啸，属引凄异。空谷传响，哀转久绝。故渔者歌曰：‘巴东三峡巫峡长，猿鸣三声泪沾裳。’”（6）还：归；返回。（7）猿：猿猴。（8）啼：鸣、叫。（9）住：停息。（10）万重山：层层叠叠的山，形容有许多。

## 春思

李白

燕草如碧丝，秦桑低绿枝。  
当君怀归日，是妾断肠时。  
春风不相识，何事入罗帏？

### 注释

1、燕草：燕，今河北北部，辽宁西部。指燕地的草。征夫所在之地。2、秦：今陕西，燕地寒冷，草木迟生于较暖的秦地。3、罗帏：丝织的帘帐。4、秦桑：秦地的桑树。思妇所居之处。5、怀归：想家。6、妾：古代妇女自称。

### 杜甫 诗人小传

杜甫（712—770），字子美，自号少陵野老，汉族，巩县（今河南巩义）人。杜甫曾祖父（杜审言父亲）起由襄阳（今属湖北）迁居巩县（今河南巩义）。盛唐时期伟大的现实主义诗人。他忧国忧民，人格高尚，他的约1500首诗歌被保留了下来，诗艺精湛，他在中国古典诗歌中的影响非常深远，被后世尊称为“诗圣”，他的诗也被称为“诗史”。杜甫与李白合称“李杜”，为了与另两位诗人李商隐与杜牧即“小李杜”区别，杜甫与李白又合称“大李杜”。

## 春望

杜甫

国破山河在，城春草木深。感时花溅泪，恨别鸟惊心。  
烽火连三月，家书抵万金。白头搔更短，浑欲不胜簪。

### 注释

国：国都，即京城长安（今陕西西安）。破：被攻破。深：茂盛；茂密。城：指长安城，当时被叛军占领。感时：感伤时局。恨别：悲伤，悔恨离别。感时花溅泪，恨别鸟惊心：二句互文，意谓因感时恨别而对花落泪，听鸟尖叫。烽火：这里指战争。连三月：连续三个月。抵万金：家书可值几万两黄金，极言家信之难

得。抵：值。白头搔更短：白头发越抓越少了。白头：白头发。搔：抓，挠。短：少。浑欲不胜簪：简直连簪子也插不上了。浑：简直。欲：将要；就要。不：禁不住。胜：能承受。簪：用来绾住头发的一种针形首饰。古代男子束发，所以用簪。

## 月夜

杜甫

今夜鄜州月，闺中只独看。遥怜小儿女，未解忆长安。  
香雾云鬟湿，清辉玉臂寒。何时倚虚幌，双照泪痕干。

### 注释

1. 鄜（fū）州：今陕西省富县。当时杜甫的家属在鄜州的羌（qiāng）村，杜甫在长安。这两句设想妻子在鄜州独自对月怀人的情景。2. 闺中：内室。看，读平声。3. 怜：想。未解：尚不懂得。4. 云鬟：古代妇女的环形发饰。5. 香雾云鬟（huán）湿，清辉玉臂寒：写想象中妻独自久立，望月怀人的形象。香，指云鬟里流溢出来的膏泽的芬芳。云，形容鬟的稠密蓬松。因为云鬟在夜雾笼罩之下，所以把雾说成香雾。望月已久，雾深露重，故云鬟沾湿，玉臂生寒。6. 虚幌：透明的窗帷。双照：与上面的“独看”对应，表示对未来团聚的期望。

## 茅屋为秋风所破歌

杜甫

八月秋高风怒号，卷我屋上三重茅。  
茅飞渡江洒江郊，高者挂罥长林梢，下者飘转沉塘坳。  
南村群童欺我老无力，忍能对面为盗贼。  
公然抱茅入竹去，唇焦口燥呼不得，归来倚仗自叹息。  
俄顷风定云墨色，秋天漠漠向昏黑。  
布衾多年冷似铁，娇儿恶卧踏里裂。  
床头屋漏无干处，雨脚如麻未断绝。  
自经丧乱少睡眠，长夜沾湿何由彻！  
安得广厦千万间，大庇天下寒士俱欢颜！风雨不动安如山。  
呜呼！何时眼前突兀见此屋！吾庐独破受冻死亦足。

## 注释

(1) 此诗为叙事体。歌行体本是古代歌曲的一种形式，后成为古体诗歌的一种体裁。其音节、格律一般比较自由，形式采用五言、七言、杂言，富于变化。它的特点是不讲究格律，任由诗人创作兴致所至。抒发感情，句数多少不限，可以说是句式整齐的“自由体”诗。但极富韵律，朗朗上口，略求押韵而不无顿句，是古代诗文中极有特色的一类。这首诗作于唐肃宗上元二年，（761），当时安史之乱还未平定。诗中的茅屋指：草堂。

(2) 秋高：秋深。(3) 怒号：大声吼叫。号(háo)：号叫 (4) 三重(chóng)茅：几层茅草。三，不定词，表示多。

(5) 挂罥(juàn)：挂着，挂住，缠绕。罥，挂。(6) 长(cháng)：高。(7) 沉塘坳(ào)：沉到池塘水中。塘坳，低洼积水的地方（即池塘）。坳，水边低地。(8) 老无力：年老体弱。(9) 忍能对面为盗贼：竟忍心这样当面做“贼”。忍能，忍心如此。对面，当面。为，做。(10) 入竹去：进入竹林。

(11) 呼不得：喝止不住；大声呼喊，未能制止。(12) 俄顷(qīng)：不久，一会儿，顷刻之间。(13) 秋天漠漠向昏黑(hēi)(也有版本作“hè”)：指秋季的天空浓云密布，一下子就昏暗下来了。漠漠，阴沉迷蒙的样子。向，渐近。(14) 布衾(qīn)：棉被。衾：被子。(15) 娇儿恶卧踏里裂：指儿子睡觉时双脚乱蹬，把被里都蹬坏了。恶卧，睡相不好。裂：使动用法，使……裂。(16) 床头屋漏无干处：意思是，整个房子都没有干的地方了。屋漏，指房子西北角，古人在此开天窗，阳光便从此处照射进来。“床头屋漏”，泛指整个屋子。(17) 雨脚如麻：形容雨点不间断，向下垂的麻线一样密集。雨脚：雨点。

(18) 丧(sāng)乱：战乱，指安史之乱。(19) 沾湿：潮湿不干。(20) 何由彻：意思是，如何才能熬到天亮呢？彻，通，这里指结束，完结的意思。(21) 安得：如何能得到。(22) 广厦(shà)：宽敞的大屋。(23) 大庇(bì)：全部遮盖、掩护起来。庇，遮蔽，保护。(24) 寒士：“士”原指士人，即文化人，但此处是泛指贫寒的士人们。(25) 俱：都。(26) 欢颜：喜笑颜开。(27) 呜呼：书面感叹词，表示叹息。(28) 突兀(wù)：高耸的样子，这里用来形容广厦。(29) 见(xiàn)：通“现”，出现。(30) 庐：房子。(31) 足：满足，甘心。

## 病马

杜甫

乘尔亦已久，天寒关塞深(1)。尘中老尽力，岁晚病伤心(2)。  
毛骨岂殊众(3)？驯良犹至今。物微意不浅，感动一沉吟(4)。[1]

### 注释

(1)此二句是说这马和自己患难相依很久。深，远也，险也。(2)这两句句法，一句作三折。在风尘之中，而且老了，还在为我尽力；当岁晚天寒之时，况又有病，哪得不使人为之伤心。(3)殊，异也。(4)此二句是说马之为物虽微，可是对人的情分倒很深厚，使我不禁为之感动而沉吟起来。沉吟二字感慨很深，有人不如马之叹。

两个黄鹂鸣翠柳 liǎng gè huáng lí míng cuì liǔ

杜甫 Dù Fǔ

两个黄鹂鸣翠柳，一行白鹭上青天。liǎng gè huáng lí míng cuì liǔ,  
yī háng bái lù shàng qīng tiān.  
窗含西岭千秋雪，门泊东吴万里船。chuāng hán xī líng qiān qiū xuě,  
mén bó dōng wú wàn lǐ chuán.

### 注释

西岭：西岭雪山。千秋雪：指西岭雪山上千年不化的积雪。  
泊：停泊。东吴：古时候吴国的领地。万里船：不远万里开来的船只。

## 无家别

杜甫

寂寞天宝后，园庐但蒿藜。我里百余家，世乱各东西。  
存者无消息，死者为尘泥。贱子因阵败，归来寻旧蹊。  
久行见空巷，日瘦气惨凄，但对狐与狸，竖毛怒我啼。  
四邻何所有，一二老寡妻。宿鸟恋本枝，安辞且穷栖。

方春独荷锄，日暮还灌畦。县吏知我至，召令习鼓鞞。  
虽从本州役，内顾无所携。近行止一身，远去终转迷，  
家乡既荡尽，远近理亦齐。永痛长病母，五年委沟溪，  
生我不得力，终身两酸嘶，人生无家别，何以为蒸黎。

### 注释

①天宝后：指安禄山之乱以后。开篇是以追叙写起，追溯无家的原因，引出下文。庐：即居住的房屋。但，只有，极为概括也极为沉痛地传达出安禄山乱后的悲惨景象：什么都没有，唯有一片蒿藜（也就是野草）。②贱子：这位无家者的自谓。阵败：指邺城之败。③日瘦：日光淡薄，杜甫的自创语。④怒我啼：对我发怒且啼叫。写乡村的久已荒芜，野兽猖獗出没。⑤这句以“宿鸟”自比，言人皆恋故土，所以即便是困守穷栖，依旧在所不辞。⑥这句是说他又要被征去打仗。⑦携：即离。无所携，是说家里没有可以告别的人。⑧这两句是以能够服役于本州而自幸。⑨齐：齐同。这两句更进一层，是自伤语。是说家乡已经一无所有，在本州当兵和在外县当兵都是一样。⑩从天宝十四年安禄山作乱到这一年正是五年。两酸嘶：是说母子两个人都饮恨。酸嘶，失声痛哭。蒸黎：指劳动人民。蒸，众。黎，黑。[1]

## 春夜喜雨

杜甫

好雨知时节，当春乃发生。随风潜入夜，润物细无声。  
野径云俱黑，江船火独明。晓看红湿处，花重锦官城。

### 注释

乃：就。发生：催发植物生长。潜：暗暗的，悄悄的。润物：使植物受到雨水的滋养。野径：乡间小路。花重：花因沾着雨水，显得饱满沉重的样子。锦官城：成都的别称。

## 石壕吏

杜甫

暮投石壕村，有吏夜捉人。老翁逾墙走，老妇出门看。  
吏呼一何怒！妇啼一何苦！听妇前致词：三男邺城戍。  
一男附书至，二男新战死。存者且偷生，死者长已矣！  
室中更无人，惟有乳下孙。有孙母未去，出入无完裙。  
老妪力虽衰，请从吏夜归，急应河阳役，犹得备晨炊。  
夜久语声绝，如闻泣幽咽。天明登前途，独与老翁别。

### 注释

1、暮：时间名词作状语，在傍晚。2、投：投宿。3、吏：管理，低级官员，这里指抓壮丁的差役。4、夜：时间名词作状语，在夜里。5、逾（yú）：越过；翻过。6、走：跑，这里指逃跑。7、呼：叫嚷，叫喊。8、一何：何其、多么。

9、怒：恼怒，凶猛，粗暴，这里指凶狠。10、啼：哭啼。11、苦：凄苦。12、前：上前，向前。13、致：对……说。14、前致词：指老妇走上前去（对差役）说话。15、邺城：即相州，在今河南安阳。16、戍：防守，这里指服役。17、附书至：捎信回来。18、新：最近，刚刚。19、存：活着，生存着。20、且偷生：姑且活一天算一天。且：姑且，暂且。偷生：苟且活着。21、长已矣：永远完了。已：停止，这里引申为完结。22、室中：家中。23、更无人：再没有别的（男）人了。更：再。24、唯：只，仅。25、乳下孙：正在吃奶的孙子。26、未：还没有。27、去：离开，这里指改嫁。28、完裙：完整的衣服。29、老妪（yù）：老妇人。30、衰：弱。31、请从吏夜归：请让我和你晚上一起回去。请：请求。从：跟从，跟随。32、应：响应。33、河阳：今河南省洛阳市吉利区（原河南省孟县），当时唐王朝官兵与叛军在此对峙。34、急应河阳役：赶快到河阳去服役。35、犹得：还能够。得：能够。36、备：准备。37、晨炊：早饭。38、夜久：夜深了。39、绝：断绝；停止。40、如：好像，仿佛。41、闻：听。42、泣幽咽：低微断续的哭声。有泪无声为“泣”，哭声哽塞低沉为“咽”。43、明：天亮之后。44、登前途：踏上前行的路。登：踏上。前途：前行的路。45、独：独自。46、石壕：今河南三门峡市东南。

### 崔护 诗人小传

崔护，唐代诗人。字殷功，唐代博陵（今河北定州市）人。公元796年（贞元十二年）登第（进士及第）。公元829年（大和三年）为京兆尹，同年为御史大夫、岭南节度使。终岭南节度使。其诗诗风精练婉丽，语极清新。《全唐诗》存诗六首，皆是佳作，尤以《题都城南庄》流传最广，脍炙人口，有目共赏。该诗以“人面桃花，物是人非”这样一个看似简单的人生经历道出了千万人都似曾有过的共同生活体验，为诗人赢得了不朽的诗名。

### 题都城南庄 tí dū chéng nán zhuāng

崔护 Cūi Hù

去年今日此门中，人面桃花相映红。 qù nián jīn rì cǐ mén zhōng,  
rén miàn táo huā xiāng yìng  
hóng.  
人面不知何处去，桃花依旧笑春风。 rén miàn bù zhī hé chù qù,  
táo huā yī jiù xiào chūn fēng.

### 注释

(1) 都：唐时的京城长安。(2) 人面：一个姑娘的脸。第三句中“人面”指代姑娘。(3) 笑：形容桃花盛开的样子。

### 岑参 诗人小传

岑参(cén shēn) (约715年—770年)唐代诗人，原籍南阳（今属河南 新野），迁居江陵（今属湖北）。汉族，荆州江陵（湖北江陵）人，去世之时56岁，是唐代著名的边塞诗人。其诗歌富有浪漫主义的特色，气势雄伟，想象丰富，色彩瑰丽，热情奔放，尤其擅长七言歌行。



## 逢入京使 féng rù jīng shǐ

岑参 Cén Shēn

故园东望路漫漫，双袖龙钟泪不干。gù yuán dōng wàng lù màn màn,  
shuāng xiù lóng zhōng lèi bù gān.  
马上相逢无纸笔，凭君传语报平安。mǎ shàng xiāng féng wú zhǐ bǐ,  
píng jūn chuán yǔ bào píng ān.

### 【注释】

1. 刘开扬《岑参诗集编年笺注·岑参年谱》（下简称刘《笺》）系此诗于天宝八载（749）诗人赴安西途中。2. 故园：指长安和自己在长安的家园。3. 龙钟：淋漓。卞和《退怨之歌》：“空山歔歔泪龙钟。”淋漓沾湿的意思4. 入京使：回京的使者5. 凭。托6. 传语。捎口信

### 张继 诗人小传

张继（约715~约779）字懿孙，汉族，襄州人（今湖北襄阳人）。唐代诗人，他的生平不甚可知。据诸家记录，仅知他是天宝十二年（公元七五三年）的进士。大历中，以检校祠部员外郎为洪州（今江西南昌市）盐铁判官。他的诗爽朗激越，不事雕琢，比兴幽深，事理双切，对后世颇有影响。但可惜流传下来的不到50首。他的最著名的诗是《枫桥夜泊》。

## 枫桥①夜泊

张继

月落乌啼霜满天，江枫②渔火对愁眠。  
姑苏③城外寒山寺④，夜半钟声⑤到客船。

### 注释

①枫桥：在今苏州市阊门外。此诗题目也作《夜泊枫桥》。夜泊：夜间把船停靠在岸边。②江枫：寒山寺旁边的两座桥“江村桥”和“枫桥”的名称。枫桥也叫封桥。据《大清一统志》记载，桥原本不叫枫桥，这里原来是水路交通要道，是往来船只停泊的码头，由于唐以前水匪倭寇经常进犯，故当时每到夜晚都

要将桥封锁起来，以策安全，因而起名叫封桥。③姑苏：苏州的别称，因城西南有姑苏山而得名。④寒山寺：在枫桥附近，始建于南朝梁代。相传因唐代僧人寒山、拾得曾住此而得名。在今苏州市西枫桥镇。本名“妙利普明塔院”，又名枫桥寺；另一种说法，“寒山”乃泛指肃寒之山，非寺名。⑤夜半钟声：当时僧寺有半夜敲钟的习惯，也叫“无常钟”。欧阳修《六一诗话》曾曰：“诗人贪求好句而理有不通，亦语病也。如唐人有云‘姑苏城外寒山寺，夜半钟声到客船’，说者亦云句则佳矣，其如三更不是打钟时。”《庚溪诗话》于此辨曰：“然余昔官姑苏，每三鼓尽，四鼓初，即诸寺钟皆鸣，想自唐时已然也。后观于鹄诗云：‘定知别后家中伴，遥听缙山半夜钟。’白乐天云：‘新秋松影下，半夜钟声后。’温庭筠云：‘悠然旅榜频回首，无复松窗半夜钟。’则前人言之，不独张继也。”宋人孙觌绝句《过枫桥寺》：“白首重来一梦中，青山不改旧时容。乌啼月落桥边寺，倚枕犹闻半夜钟。”《诗薮》云：“张继‘夜半钟声到客船’，谈者纷纷，皆为昔人愚弄。诗流借景立言，唯在声律之调，兴象之合，区区事实，彼岂暇计？无论夜半是非，即钟声闻否，未可知也”。《唐诗摘钞》：“夜钟声，或谓其误，或谓此地故有半夜钟，俱非解人。要之，诗人兴象所至，不可执着。必曰执着者，则‘晨钟云外湿’，‘钟声和白云’，‘落叶满疏钟’皆不可通矣。”

### 张籍 诗人小传

张籍（约767～约830），唐代诗人。字文昌，汉族，和州乌江（今安徽和县）人，郡望苏州吴（今江苏苏州）<sup>1</sup>。先世移居和州，遂为和州乌江（今安徽和县乌江镇）人。世称“张水部”、“张司业”。张籍的乐府诗与王建齐名，并称“张王乐府”。著名诗篇有《塞下曲》《征妇怨》《采莲曲》《江南曲》。<sup>1</sup>《张籍籍贯考辨》认为，韩愈所说的“吴郡张籍”乃谓其郡望，并引《新唐书·张籍传》、《唐诗纪事》、《輿地纪胜》等史传材料，驳苏州之说而定张籍为乌江人。

## 秋思

张籍

洛阳城里见秋风，欲作家书意万重。  
复恐匆匆说不尽，行人临发又开封。

### 白居易 诗人小传

白居易（772年～846年），汉族，字乐天，晚年又号香山居士，河南新郑（今郑州新郑）人，我国唐代伟大的现实主义诗人，中国文学史上负有盛名且影响深远的诗人和文学家。他的诗歌题材广泛，形式多样，语言平易通俗，有“诗魔”和“诗王”之称。官至翰林学士、左赞善大夫。有《白氏长庆集》传世，代表诗作有《长恨歌》、《卖炭翁》、《琵琶行》等。白居易故居纪念馆坐落于洛阳市郊。白园（白居易墓）坐落在洛阳城南香山的琵琶峰。

### 赋得古原草送别

白居易 Bái Jū yì

离离原上草，一岁一枯荣。lí lí yuán shàng cǎo, yī suì yī kū róng.  
野火烧不尽，春风吹又生。yě huǒ shāo bù jìn,  
chūn fēng chuī yòu shēng.  
远芳侵古道，晴翠接荒城。yuǎn fāng qīn gǔ dào,  
qíng cuì jiē huāng chéng.  
又送王孙去，萋萋满别情。yòu sòng wáng sūn qù, qī qī mǎn bié qíng

#### 注释

①赋得：指定、限定的诗题例在题目上加“赋得”一词。②离离：青草茂盛的样子。原：原野。③枯：枯萎。④荣：繁荣茂盛。⑤远芳：芳草绵延，渐远还生。⑥侵：侵占，覆盖。侵古道：延伸到远方的一片野草，侵占了古老的道路。⑦晴翠：阳光下翠绿的野草。⑧荒城：荒凉、破损的城镇。连同上句之古道，皆用以点染古原景色。⑨王孙：本指贵族后代，此指远方的友人。⑩萋萋：形容草木长得茂盛的样子。

## 暮江吟①

白居易

一道残阳②铺水中， 半江瑟瑟③半江红。  
可怜④九月初三夜⑤， 露似真（珍）珠⑥月似弓⑦。

### 注释

①暮江吟：黄昏时分在江边所作的诗。吟，古代一种诗体。②残阳：落山的太阳光。③瑟瑟：原义为碧色珍宝，此指碧绿色。④怜：可爱。⑤九月初三：农历九月初三。⑥真珠：即珍珠。诗中的真是真假的真，而并非珍珠的珍。⑦月似弓：上弦月，其弯如弓。

## 琵琶行

白居易

浔阳江头夜送客，枫叶荻花秋瑟瑟。主人下马客在船，举酒欲饮无管弦。

醉不成欢惨将别，别时茫茫江浸月。忽闻水上琵琶声，主人忘归客不发。

寻声暗问弹者谁？琵琶声停欲语迟。移船相近邀相见，添酒回灯重开宴。

千呼万唤始出来，犹抱琵琶半遮面。转轴拨弦三两声，未成曲调先有情。

弦弦掩抑声声思，似诉平生不得志。低眉信手续续弹，说尽心中无限事。

轻拢慢捻抹复挑，初为《霓裳》后《六么》。大弦嘈嘈如急雨，小弦切切如私

嘈嘈切切错杂弹，大珠小珠落玉盘。间关莺语花底滑，幽咽泉流冰下难。

冰泉冷涩弦凝绝，凝绝不通声暂歇。别有幽愁暗恨生，此时无声胜有声。

银瓶乍破水浆迸，铁骑突出刀枪鸣。曲终收拨当心画，四弦一声如裂帛。

东船西舫悄无言，唯见江心秋月白。沉吟放拨插弦中，整顿衣

裳起敛容。

自言本是京城女，家在虾蟆陵下住。十三学得琵琶成，名属教坊第一部。

曲罢曾教善才服，妆成每被秋娘妒。五陵年少争缠头，一曲红绡不知数。

钿头银篦击节碎，血色罗裙翻酒污。今年欢笑复明年，秋月春风等闲度。

弟走从军阿姨死，暮去朝来颜色故。门前冷落鞍马稀，老大嫁作商人妇。

商人重利轻别离，前月浮梁买茶去。去来江口守空船，绕船月明江水寒。

夜深忽梦少年事，梦啼妆泪红阑干。我闻琵琶已叹息，又闻此语重唧唧。

同是天涯沦落人，相逢何必曾相识！我从去年辞帝京，谪居卧病浔阳城。

浔阳地僻无音乐，终岁不闻丝竹声。住近湓江地低湿，黄芦苦竹绕宅生。

其间旦暮闻何物？杜鹃啼血猿哀鸣。春江花朝秋月夜，往往取酒还独倾。

岂无山歌与村笛，呕哑嘲哳难为听。今夜闻君琵琶语，如听仙乐耳暂明。

莫辞更坐弹一曲，为君翻作《琵琶行》。感我此言良久立，却坐促弦弦转急。

凄凄不似向前声，满座重闻皆掩泣。座中泣下谁最多？江州司马青衫湿。

注释

（1）浔阳江：据考究，为流经浔阳城中的湓水，即今九江市中的龙开河（97年被人工填埋），经湓浦口注入长江。瑟瑟：形容枫树、芦荻被秋风吹动的声音。（2）瑟瑟：形容枫树、芦荻被秋风吹动的声音。（3）主人：诗人自指。（4）回灯：重新拨亮灯光。回：再。（5）转轴拔弦：将琵琶上缠绕丝弦的轴，以调音定调。（6）掩抑：掩蔽，遏抑。（7）思：悲，伤。（8）信手：随手。（9）续续弹：连续弹奏。（10）拢：左手手指按弦向里（琵琶的中部）推。（11）捻：揉弦的动作。（12）抹：向左拔弦，也称为“弹”。（13）挑：反手回拨的动作。（13）《霓裳》：即《霓裳羽衣曲》，本为西域乐舞，唐开元年间

西凉节度使杨敬述依曲创声后流入中原。(14)《六么》：大曲名，又叫《乐世》、《绿腰》、《录要》，为歌舞曲。(15)大弦：指最粗的弦。(16)嘈嘈：声音沉重抑扬。(17)小弦：指最细的弦。(18)切切：细促轻幽，急切细碎。(19)间关：莺语流滑叫“间关”。鸟鸣声。(20)幽咽：遏塞不畅状。(21)冰下难：泉流冰下阻塞难通，形容乐声由流畅变为冷涩。(22)凝绝：凝滞。(23)迸：溅射。(24)曲终：乐曲结束。(25)拔：弹奏弦乐时所用的拔工具。(26)当心画：用拔子在琵琶的中部划过四弦，是一曲结束时经常用到的右手手法。(27)舫：船。(28)敛容：收敛(深思时悲愤深怨的)面部表情。(29)虾蟆陵：在长安城东南，曲江附近，是当时有名的游乐地区。(30)教坊：唐代官办管领音乐杂技、教练歌舞的机关。(31)秋娘：唐时歌舞妓常用的名字。(32)五陵：在长安城外，汉代五个皇帝的陵墓。(33)缠头：用锦帛之类的财物送给歌舞妓女。(34)绡：精细轻美的丝织品。(35)钿头银篦：此指镶嵌着花钿的篦形发饰。

(36)击节：打拍子。(37)颜色故：容貌衰老。(38)浮梁：古县名，唐属饶州。在今江西省景德镇市，盛产茶叶。(39)去来：走了以后。(40)梦啼妆泪：梦中啼哭，匀过脂粉的脸上带着泪痕。(41)阑干：纵横散乱的样子。(42)重：重新，重又之意。(43)唧唧：叹声。(44)呕哑嘲晰：形容声音嘈杂。(45)琵琶语：琵琶声，琵琶所弹奏的乐曲。(46)暂：突然。(47)却坐：退回到原处。(48)促弦：把弦拧得更紧。(49)向前声：刚才奏过的单调。(74)掩泣：掩面哭泣。(50)青衫：唐朝八品、九品文官的服色。白居易当时的官阶是将侍郎，从九品，所以服青衫。

## 观刈(yì)麦

白居易

田家少闲月，五月人倍忙。夜来南风起，小麦覆陇黄。  
妇姑荷箬食，童稚携壶浆，相随饷田去，丁壮在南冈。  
足蒸暑土气，背灼炎天光，力尽不知热，但惜夏日长。  
复有贫妇人，抱子在其旁，右手秉遗穗，左臂悬敝筐。  
听其相顾言，闻者为悲伤。家田输税尽，拾此充饥肠。

今我何功德，曾不事农桑。吏禄三百石，岁晏有余粮。  
念此私自愧，尽日不能忘。

### 注释

(1)刈(yì)：割。(本诗为古体诗) (2)陇：同“垄”，田埂，这里泛指麦地。(3)覆陇黄：小麦黄熟时遮盖住了田埂。覆：盖。(4)妇姑：媳妇和婆婆，这里泛指妇女。(5)荷(hè)箠(dān)食(shí)：担着圆形竹器盛的食物。荷：肩挑。箠食：竹篮盛的食物。(6)童稚携壶浆：小孩子提着用壶装的浆水。浆：古代一种略带酸味的饮品，有时也可以指米酒。(7)饷(xiǎng)田：给在田里劳动的人送饭。(8)丁壮：年轻力壮的男子。(9)南冈：地名。(10)足蒸暑土气，背灼炎天光：双脚受地面热气熏蒸，脊背受炎热的阳光烘烤。(11)但：只。(12)惜：吝惜、珍惜。(13)其：指代正在劳动的农民。(14)秉(bǐng)遗穗：握着从田里拾取的麦穗。秉，用手握着。(15)悬：挎着。(16)敝筐：破篮子。(17)相顾言：互相诉说。顾：视，看。(18)输税：缴纳租税。(19)曾(céng)不事农桑：一直不从事农业生产。曾：竟，却。事：从事。农桑：农耕和蚕桑。(20)吏禄三百石(dàn)：当时白居易任周至县尉，一年的薪俸大约是三百石米。石：中国市制容量单位，十斗为一石。(古时候念dàn，现在念shí)(21)岁晏(yàn)：年底。晏，晚。(22)念此：想到这些。(23)尽日：整天、终天。

## 卖炭翁

白居易

卖炭翁，伐薪烧炭南山中。满面尘灰烟火色，两鬓苍苍十指黑。

卖炭得钱何所营？身上衣裳口中食。可怜身上衣正单，心忧炭贱愿天寒。

夜来城外一尺雪，晓驾炭车辗冰辙。牛困人饥日已高，市南门外泥中歇。

翩翩两骑来是谁？黄衣使者白衫儿。手把文书口称敕，回车叱牛牵向北。

一车炭，千余斤，宫使驱将惜不得。半匹红绡一丈绌，系向牛头充炭直。

### 注释

(1) 卖炭翁：这首诗选自《白氏长庆集》。本篇是组诗《新乐府》中的第32首，题注云：“苦宫市也。”宫市，指唐代皇宫里需要物品，就向市场上去拿，随便给点钱，实际上是公开掠夺。唐德宗时用太监专管其事。(2) 伐：砍伐。(3) 薪：柴。

(4) 南山：即终南山，秦岭山脉的主峰之一，在今陕西西安南五十里处。(5) 烟火色：被烟熏的脸色。此处突出卖炭翁的辛劳。(6) 苍苍：苍白。(7) 得：得到。(8) 何所营：做什么用。营，经营。(9) 辗(niǎn)：同“碾”，轧。(10) 愿：希望。(11) 辙：车轮滚过地面辗出的痕迹。(12) 困：困倦，疲乏。(13) 市：集市。(14) 翩翩：轻快洒脱的情状。这里形容得意忘形的样子。(15) 骑(jì)：骑马的人。(16) 黄衣使者白衫儿：黄衣使者，指皇宫内的太监。白衫儿，指太监手下的爪牙。(17) 把：拿。(18) 敕(chì)：皇帝的命令或诏书。

(19) 回：调转。(20) 叱：吆喝。(21) 千余斤：不是实指，形容多。(22) 驱将：赶着走。(23) 惜不得：舍不得。得，能够。惜，舍。(24) 半匹红绡一丈绌：唐代商务交易，绢帛等丝织品可以代货币使用。当时钱贵绢贱，半匹纱和一丈绌，比一车炭的价值相差很远。这是官方用贱价强夺民财。(25) 系：挂。

(26) 直：同“值”，价格。

## 盐商妇

### 白居易

盐商妇，多金帛，不事田农与蚕绩；南北东西不失家，风水为乡船作宅。

本是扬州小家女，嫁得西江大商客。绿鬟富去金钗多，皓腕肥来银钏窄。

前呼苍头后叱婢，问尔因何得如此？婿作盐商十五年，不属州县属天子。

每年盐利入官时，少入官家多入私。官家利薄私家厚，盐铁尚书远不如。

何况江头鱼米贱，红脍黄橙香稻饭；饱食浓妆倚舵楼，两朵红腮花欲绽。

盐商妇，有幸嫁盐商；终朝美饭食，终岁好衣裳。

好衣美食有来处，亦须惭愧桑弘羊。桑弘羊，死已久，不独汉时今亦有。

### 注释

【绿鬢】年少发黑有光彩似浓绿。去、来皆助词【苍头】奴隶【舵楼】大楼船尾安舵处有楼曰【桑弘羊】汉武帝时洛阳商人之子。他采取国家直接掌握物资和市价，废除富商从中剥削，不加重人民负担，国家收入却增多。

### 柳宗元 诗人小传

柳宗元（773年—819年），字子厚，唐代河东郡（今山西永济）人，著名文学家、思想家，唐宋八大家之一。著名作品有《永州八记》等六百多篇文章，经后人辑为三十卷，名为《柳河东集》。因为他是河东人，人称柳河东，又因终于柳州刺史任上，又称柳柳州。柳宗元与韩愈同为中唐古文运动的领导人物，并称“韩柳”。在中国文化史上，其诗、文成就均极为杰出，可谓一时难分轩轻。

## 江雪

柳宗元

千山鸟飞绝，万径人踪灭。  
孤舟蓑笠翁，独钓寒江雪。

1. 这是柳宗元被贬到永州之后写的诗，借寒江独钓的渔翁，抒发自己孤独郁闷的心情。2. 绝：无，没有。人踪：人的踪迹。灭：消失，没有了。3. 千山鸟飞绝：千山万岭不见飞鸟的踪影。4. 万径：虚指，指千万条路。5. 人踪灭：没有人的踪影。6. 孤：孤零零。7. 舟：小船。8. 蓑笠(suōlì)：（蓑衣和斗笠“蓑”的意思是古代用来防雨的衣服；“笠”的意思是古代用来防雨的帽子。）

### 李贺 诗人小传

李贺（790~816），唐代著名诗人，汉族，河南福昌人。字长吉，世称李长吉、鬼才、诗鬼等，与李白、李商隐三人并称唐代“三李”。祖籍陇西，生于福昌县昌谷（今河南洛阳宜阳县）。一生愁苦多病，仅做过3年从九品微官奉礼郎，因病27岁卒。李贺是中唐浪漫主义诗人的代表，又是中唐到晚唐诗风转变期的重要人物。同名名人有1940年出生的当代英语教授等。

## 南园十三首（其六）

李贺

寻章摘句老雕虫，晓月当帘挂玉弓。  
不见年年辽海上，文章何处哭秋风？

### 杜秋娘 诗人小传

杜秋娘原是润州人，也就是现在的江苏镇江。虽出身微贱，却独禀天地之灵秀，出落得美慧无双，不仅占尽了江南少女的秀丽，而且能歌善舞，甚至还会写诗填词作曲，江南女子的秀丽与文采她身上尽数体现，作为歌妓曾风靡了江南一带。

## 金缕衣

杜秋娘

劝君莫惜金缕衣，劝君须惜少年时。  
花开堪折直须折，莫待无花空折枝。

### 【注解】

(1)金缕衣：缀有金线的衣服，比喻荣华富贵。(2)惜取：珍惜。(3)堪：可以，能够。(4)直须：尽管。直：直接，爽快。(5)莫待：不要等到。

### 杜牧 诗人小传

杜牧（公元803—约852年），字牧之，号樊川居士，汉族，京兆万年（今陕西西安）人，唐代诗人。杜牧人称“小杜”，以别于杜甫。与李商隐并称“小李杜”。因晚年居长安南樊川别墅，

故后世称“杜樊川”，著有《樊川文集》。

### 山行 Shān Xìng

杜牧 Dù Mù

远上寒山石径斜，白云生处有人家。yuǎn shàng hán shān shí jìng xié,  
bái yún shēng chù yǒu rén jiā.  
停车坐爱枫林晚，霜叶红于二月花。tíng chē zuò ài fēng lín wǎn,  
shuāng yè hóng yú èr yuè huā.

#### 注释

1. 山行：在山中行走。2. 寒山：指深秋时候的山。3. 径：小路。4. 斜：此字读xiá，为倾斜的意思。5. 坐：因为。6. 霜叶：被霜打过的 枫叶。7. 远上：登上远处的。8. 山：高山。9. 车：轿子。10. 枫林晚：傍晚时的枫树林。

### 秋夕

杜牧

银烛秋光冷画屏，轻罗小扇扑流萤。  
天阶夜色凉如水，卧看牵牛织女星。

#### 注释

(1)秋夕：秋天的夜晚。(2)银烛：银色而精美的蜡烛。(3)轻罗小扇：轻巧的丝质团扇。(4)天阶：天庭上宫殿的台阶。“天阶”另一版本为“天街”。(5)坐看：坐着朝天看，“坐看”另一版本为“卧看”。

### 泊秦淮①

杜牧

烟笼寒水月笼沙，夜泊秦淮近酒家。  
商女②不知亡国恨，隔江犹唱《后庭花》③。

#### 注释

①选自《樊川文集》。杜牧（803-852），字牧之，京兆万年（现在陕西西安）人。唐代诗人，秦淮，河名，发源于江苏溧

(1) 水东北，经南京流入长江。相传为秦始皇南巡会稽时开凿的，用来疏通淮水，故称秦淮河。②商女：一说即歌女在酒楼与船坊中以卖唱为生的女子。③后庭花：《玉树后庭花》的简称。南朝陈后主所作，后世多称为“亡国之音”。④泊：停泊。

## 叹花

杜牧

自是寻春去校迟，不须惆怅怨芳时。  
狂风落尽深红色，绿叶成阴子满枝。

### 注释

(1) 自是：都怪自己 (2) 校：即“较”，比较 (3) 狂风：指代无情的岁月，人事的变迁 (4) 深红色：借指鲜花 (5) 子满枝：双关语。即使是说花落结子，也暗指当年的妙龄少女如今已结婚生子。

### 李商隐 诗人小传

李商隐，著名诗人。擅长诗歌写作，骈文文学价值也很高，他是晚唐最出色的诗人之一，和杜牧合称“小李杜”，与温庭筠合称为“温李”，因诗文与同时期的段成式、温庭筠风格相近，且三人都在家族里排行第十六，故并称为“三十六体”。其诗构思新奇，风格秾丽，尤其是一些爱情诗和无题诗写得缠绵悱恻，优美动人，广为人传诵。但部分诗歌过于隐晦迷离，难于索解，至有“诗家总爱西昆好，独恨无人作郑笺”之说。因处于牛李党争的夹缝之中，一生很不得志。死后葬于家乡沁阳（今沁阳与博爱县交界之）。作品收录为《李义山诗集》。

## 夜雨寄北①

李商隐

君问归期未有期，巴山②夜雨涨秋池。  
何当共剪西窗烛，却③话巴山夜雨时。

### 注释

①选自《李义山诗集》。李商隐（约813—约858），字义山，

号玉溪生，又号樊南生。怀州河内（现在河南泌阳）人。唐代诗人。这首诗是寄给妻子的。当时诗人在巴蜀，妻子在长安，所以说“寄北。在下雨的夜晚。诗人独自一人在外乘凉不由得想念家中的妻子和与妻子共同修剪烛芯的情形。②【巴山】不是指大巴山，而是指缙云山。③【却】再。池：水池。期：期限。

乐游原 Lè yóu yuán

李商隐 Lǐ Shāngyǐn

向晚意不适，驱车登古原。 xiàng wǎn yì bù shì, qū chē dēng gǔ yuán.  
夕阳无限好，只是近黄昏。 xī yáng wú xiàn hǎo,  
zhǐ shì jìn huáng hūn.

#### 注释

1. 乐游原：在长安（今西安）城南，是唐代长安城内地势最高地。汉宣帝立乐游庙，又名乐游苑、乐游原。登上它可望长安城。乐游原在秦代属宜春苑的一部分，得名于西汉初年。《汉书·宣帝纪》载，“神爵三年，起乐游苑”。也就是说，乐游原本名“乐游苑”，汉宣帝第一个皇后许氏产后死去葬于此，因“苑”与“原”谐音，乐游苑即被传为“乐游原”。对此《关中记》有记载：“宣帝许后葬长安县乐游里，立庙于曲江池北，曰乐游庙，因苑（《长安志》误作葬字）为名。”据葛洪《西京杂记》载，“乐游原自生玫瑰树，树下多苜蓿”，又“风在其间，长肃萧然，日照其花，有光彩”，故名苜蓿为“怀风”，时人也谓之“光风”或称“连枝草”。可见，玫瑰和苜蓿都是乐游原上有特色的花卉和植物。直至中晚唐之交，乐游原仍然是京城人游玩的好去处。同时因为地理位置高便于览胜，文人墨客也经常来此做诗抒怀。唐代诗人们在乐游原留下了近百首珠玑绝句，历来为人所称道，诗人李商隐便是其中之一。2. 李商隐二十五岁时由令狐楚的儿子令狐陶推举得中进士，不久令狐楚死，他得到王茂之的器重，王将女儿嫁给了他。因为王茂之是李党的重要人物，李商隐从此陷入牛李党争不能自拔，在官场之中异常失意，著名诗篇《乐游原》正是他心境郁闷的真实写照。3. 意：感到4. 不适：不悦，不快。5. 近：快要

## 无题

李商隐

相见时难别亦难，东风无力百花残。  
春蚕到死丝方尽，蜡炬成灰泪始干。  
晓镜但愁云鬓改，夜吟应觉月光寒。  
蓬山此去无多路，青鸟殷勤为探看。

### 注释

1. 无题：唐代以来，有的诗人不愿意标出能够表示主题的题目时，常用“无题”作诗的标题。2. 丝方尽：丝，与“思”是谐音字，“丝方尽”意思是除非死了，思念才会结束。3. 泪始干：泪，指燃烧时的蜡烛油，这里取双关义，指相思的眼泪。4. 晓镜：早晨梳妆照镜子；云鬓：女子多而美的头发，这里比喻青春年华。5. 蓬山：蓬莱山，传说中海上仙山，比喻被怀念者住的地方。6. 青鸟：神话中为西王母传递音讯的信使。7、殷勤：情谊恳切深厚。8、残：凋零 9、探看：探望

## 无题

李商隐

来是空言去绝踪，月斜楼上五更钟。  
梦为远别啼难唤，书被催成墨未浓。  
蜡照半笼金翡翠，麝熏微度绣芙蓉。  
刘郎已恨蓬山远，更隔蓬山一万重。

### 【注解】：

1、半笼：半映。指烛光隐约，不能全照床上被褥。2、金翡翠：指饰以金翠的被子。《长恨歌》：“悲翠衾寒谁与共。”3、麝：本动物名，即香獐，其体内的分泌物可作香料。这里即指香气。4、度：透过。5、绣芙蓉：指绣花的帐子。  
6、刘郎：相传东汉时刘晨、阮肇一同入山采药，遇二女子，邀至家，留半年乃还乡。后也以此典喻“艳遇”。7、蓬山：蓬莱山，指仙境。

## 落花

李商隐

高阁客竟去，小园花乱飞。  
参差连曲陌，迢递送斜晖。  
肠断未忍扫，眼穿仍欲稀。  
芳心①向春尽，所得是沾衣②。

[注解]

① 芳心：花心，亦指看花人之心，有双关意。② 沾衣：双关。既指花零落飘飞沾人衣，又指惜花人观落花伤感而泪落沾衣。

陈陶 诗人小传

字嵩伯，自号三教布衣。《全唐诗》卷七百四十五“陈陶”传作“岭南人”。诗人早年游学长安，善天文历象，尤工诗。举进士不第，遂恣游名山。唐宣宗大中时，隐居洪州西山，后不知所终。有诗十卷，已散佚，后人辑有《陈嵩伯诗集》一卷。其《陇西行》四首之二：“誓扫匈奴不顾身，五千貂锦丧胡尘。可怜无定河边骨，犹是春闺梦里人。”把残酷现实与少妇美梦交替在一起，造成强烈的艺术效果，至今仍脍炙人口。然而，鲜为人知的是，他漫游浙江、福建、广东时，曾路过今闽东地区，并留下了《旅次铜山途中先寄温州韩使君》等诗。

陇西行 zhèn xī xíng

陈陶 Chén Táo

誓扫匈奴不顾身，五千貂锦丧胡尘。shì sǎo xiōn nú bù gù shēn,  
wǔ qiān diāo jǐn sàng hú chén.  
可怜无定河边骨，犹是深闺梦里人。kě lián wú dìng hé biān gǔ,  
yóu shì shēn guī mèng lǐ rén.

注释

1、 陇西行：古代歌曲名。2、貂锦：这里指战士。3、无定河：在陕西北部。4、深闺：这里指战死者的妻子。

### 金昌绪 诗人小传

生卒年不详。唐朝余杭（钱塘）（今浙江杭州市）人，身世不可考，诗传于世仅《春怨》一首。

### 春怨

金昌绪

打起黄莺儿，莫教枝上啼。  
啼时惊妾梦，不得到辽西。

### 注释

① 辽西：古郡名，在今辽宁省辽河以西地方。② 妾：女子的自称。③ 莫：不。

### 李煜 诗人小传

李煜，五代十国时南唐国君，（961年-975年）在位，字重光，初名从嘉，号钟隐、莲峰居士。彭城（今江苏徐州）人。南唐元宗李璟第六子，于宋建隆二年（961年）继位，史称李后主。开宝八年，宋军破南唐都城，李煜降宋，被俘至汴京，封为右千牛卫上将军、违命侯。后因作感怀故国的名词《虞美人》而被宋太宗毒死。李煜虽不通政治，但其艺术才华却非凡。精书法，善绘画，通音律，诗和文均有一定造诣，尤以词的成就最高。千古杰作《虞美人》、《浪淘沙》、《乌夜啼》等词。在政治上失败的李煜，却在词坛上留下了不朽的篇章，被称为“千古词帝”。

### 虞美人

李煜

春花秋月何時了，往事知多少。  
小楼昨夜又东风，故国不堪回首月明中。  
雕栏玉砌应犹在，只是朱颜改。  
问君能有几多愁，恰似一江春水向东流。

### 【注释】

1、此调原为唐教坊曲，初咏项羽宠姬虞美人，因以为名。又名《一江春水》、《玉壶水》、《巫山十二峰》等。双调，五十六字，上下片各四句，皆为两仄韵转两平韵。2、了：了结，完结。3、砌：台阶。雕栏玉砌：指远在金陵的南唐故宫。应犹：一作“依然”。4、朱颜改：指所怀念的人已衰老。5、君：作者自称。能：或作“都”、“那”、“还”、“却”。

## 浪淘沙

李煜

帘外雨潺潺，春意阑珊。罗衾不耐五更寒。  
梦里不知身是客，一晌贪欢。  
独自莫凭栏，无限江山，别时容易见时难。  
流水落花春去也，天上人间。

注：

①此词原为唐教坊曲，又名《浪淘沙令》、《卖花声》等。唐人多用七言绝句入曲，南唐李煜始演为长短句。双调，五十四字（宋人有稍作增减者），平韵，此调又由柳永、周邦彦演为长调《浪淘沙漫》，是别格。

②潺潺：形容雨声。③阑珊：衰残。一作“将阑”。④罗衾（音亲）：绸被子。不耐：受不了。一作“不暖”。⑤身是客：指被拘汴京，形同囚徒。⑥一晌（音赏）：一会儿，片刻。贪欢：指贪恋梦境中的欢乐。

## 相见欢

李煜

无言独上西楼，月如钩。寂寞梧桐深院锁清秋①。  
剪不断，理还乱，是离愁②。别是一般滋味在心头③。

注释

①锁清秋：深深被秋色所笼罩。②离愁：指去国之愁。③别是一般：也作“别是一番”，另有一种意味。

### 杜荀鹤 诗人小传

杜荀鹤(846~904)，唐代诗人，字彦之，号九华山人，汉族，唐池州石埭（今安徽石台）人。出身寒微。曾数次上长安应考，不第还山。当黄巢起义军席卷山东、河南一带时，他又从长安回家。从此“一入烟萝十五年”（《乱后出山逢高员外》），过着“文章甘世薄，耕种喜山肥”（《乱后山中作》）的生活。后游大梁（今河南开封），献《时世行》10首于朱温，希望他省徭役，薄赋敛，不合温意。他旅寄僧寺中，朱温部下敬翔，劝说他“稍削古风，即可进身”，因此上颂德诗三十章取悦于温。

### 再经胡城县 zài jīng hú chéng xiàn

杜荀鹤 Dù Xúnhè

去岁曾经此县城， 县民无口不冤声。 qù suì cēng jīng cǐ xiàn chéng,  
xiàn mín wú kǒu bù yuān  
shēng.

今来县宰加朱绂， 便是生灵血染成。 jīn lái xiàn zǎi jiā zhū fú,  
biàn shì shēng líng xuè rǎn  
chéng.

#### 注释

①胡城县：故城在今安徽阜阳县北。②县宰：县令。③朱绂（fú）：系官印的红色丝带，然唐诗中多用以指绯衣。唐制五品服浅绯，四品服深绯。④生灵：生民。

## 宋朝（公元960-1279）

### 苏轼 诗人小传

苏轼（1037—1101），北宋文学家、书画家。字子瞻，又字和仲，又称大苏，号东坡居士。眉州眉山（今属四川）人。与父苏洵，弟苏辙合称三苏。他在文学艺术方面堪称全才。其文汪洋恣肆，明白畅达，与欧阳修并称欧苏，为唐宋八大家之一；诗清新豪健，善用夸张比喻，在艺术表现方面独具风格，与黄庭坚并称苏黄；词开豪放一派，对后代很有影响，与辛弃疾并称苏辛；书法擅长行书、楷书，能自创新意，用笔丰腴跌宕，有天真烂漫之

趣，与黄庭坚、米芾、蔡襄并称宋四家；画学文同，喜作枯木怪石，论画主张神似。著有《苏东坡全集》和《东坡乐府》等。

## 江城子

苏轼

年生死两茫茫，不思量（liáng），自难忘（wáng）。千里孤坟，无处话凄凉。

纵使相逢应不识，尘满面，鬓（bìn）如霜。夜来幽梦忽还乡，小轩窗，正梳妆。

相顾无言，惟有泪千行。料得年年肠断处[1]，明月夜，短松冈。

[1]（又有“断肠处”一说）

### 注释

（1）乙卯：公元1075年，即北宋熙宁八年。（2）十年：指结发妻子王弗去世已十年。（3）思量：想念。“量”按格律应念平声liáng（4）千里：王弗葬地四川眉山与苏轼任所山东密州，相隔遥远，故称“千里”。

（5）孤坟：孟启《本事诗·徵异第五》载张姓妻孔氏赠夫诗：“欲知肠断处，明月照孤坟。”其妻王氏之墓。

（6）“尘满面”两句，形容年老憔悴。

（7）幽梦：梦境隐约，故云幽梦。（8）小轩窗：指小室的窗前，轩：门窗（9）顾：看。（10）明月夜，短松冈：苏轼葬妻之地，短松：矮松。

## 卜算子

苏轼

缺月挂疏桐，漏断人初静。谁见幽人独往来，缥缈孤鸿影。惊起却回头，有恨无人省。拣尽寒枝不肯栖，寂寞沙洲冷。

### 【注释】：

黄州定惠院寓居作 疏桐：枝叶稀疏的桐树。漏断：谓夜已深。

幽人：幽居之人。此是形容孤雁。 缥缈：隐隐约约，若有若无。 省：了解。

### 李清照 诗人小传

李清照（1084—1155），济南章丘人，号易安居士。宋代女词人，婉约词派代表，有“千古第一才女”之称。早期生活优裕，与夫赵明诚共同致力于书画金石搜集整理。金兵入据中原时，流寓南方，境遇孤苦。所作词，前期多写其悠闲生活，后期多悲叹身世，情调感伤。形式上善用白描手法，自辟途径，语言清丽。论词强调协律，崇尚典雅，提出词“别是一家”之说，反对以作诗文之法作词。能诗，留存不多，部分篇章感时咏史，情辞慷慨，与其词风不同。有《易安居士文集》《易安词》，已散佚。后人有《漱玉词》辑本。今有《李清照集校注》。

## 一剪梅

李清照

红藕香残玉簟秋，轻解罗裳，独上兰舟。  
云中谁寄锦书来？雁字回时，月满西楼。  
花自飘零水自流。一种相思，两处闲愁。  
此情无计可消除，才下眉头，却上心头。

【注释】 ①玉簟(dian四声)：光华如玉的席子。 ②雁字：指雁群飞时排成“一”或“人”形。相传雁能传书。③锦书：指书信

### 陆游 诗人小传

陆游（1125—1210），字务观，号放翁。汉族，越州山阴（今浙江绍兴）人。南宋诗人。少年时即受家庭中爱国思想熏陶，高宗时应礼部试，为秦桧所黜。孝宗时赐进士出身。中年入蜀，投身军旅生活，官至宝章阁待制。晚年退居家乡，但收复中原信念始终不渝。创作诗歌很多，今存九千多首，内容极为丰富。抒发政治抱负，反映人民疾苦，风格雄浑豪放；抒写日常生活，也多清新之作。词作量不如诗篇巨大，但和诗同样贯穿了气吞残虏的爱国主义精神。杨慎谓其词纤丽处似秦观，雄慨处似苏轼。著有《剑南诗稿》《渭南文集》《南唐书》《老学庵笔记》等。

## 钗头凤 陆游

红酥手，黄滕酒，满城春色宫墙柳。  
东风恶，欢情薄。一怀愁绪，几年离索。错，错，错！  
春如旧，人空瘦，泪痕红浥蛟绡透。  
桃花落，闲池阁。山盟虽在，锦书难托。莫，莫，莫！

注释：

浥(yì)：湿润。蛟绡(jiāo xiāo)：神话传说蛟人所织的绡，极薄，后用以泛指薄纱。蛟人，亦作“蛟人”，神话传说中生活在海中的人，其泪珠能变成珍珠。绡：生丝，生丝织物。

## (卜算子)咏梅 yǒng méi

陆游 Lù Yóu

驿外断桥边，寂寞开无主。 yì wài duàn qiáo biān, jì mò kāi wú zhǔ.  
已是黄昏独自愁，更著风和雨。 yǐ shì huáng hūn dú zì chóu,  
gèng chú fēng hé yǔ.  
无意苦争春，一任群芳妒。 wú yì kǔ zhēng chūn, yī rèn qún fāng dù.  
零落成泥碾作尘，只有香如故。 líng luò chéng ní niǎn zuò chén,  
zhǐ yǒu xiāng rú gù.

词语注释

(1)卜算子·咏梅：选自吴氏双照楼影宋本《渭南词》卷一。(2)卜算子：为词牌名。《词律》以为调名取义于“卖卜算命之人”。又名《百尺楼》《眉峰碧》《楚天遥》《缺月挂疏桐》等。相传是借用唐代诗人骆宾王的绰号。骆宾王写诗好用数字取名，人称“卜算子”。山谷词“似扶著，卖卜算”，取卖卜算命的意思。

说明：双调，44字，前后阙各两仄韵，各22字，上去通押。也有一体单押入声韵。

(仄)仄仄平平，(仄)仄平平仄。(仄)仄平平仄仄平，  
(仄)仄平平仄。

(仄)仄仄平平，(仄)仄平平仄。(仄)仄平平仄仄平，

(仄)仄平平仄。

(3)驿(yì)外：指荒僻、冷清之地。驿：驿站，古代传递政府文书的人中途换马匹休息、住宿的地方。(4)断桥：残破的桥。一说“断”通“斲”，斲桥乃是古时在为拦河捕鱼蟹而设斲之处所建之桥。(5)寂寞：孤单冷清。(6)无主：无人过问，无人欣赏。(7)著(zhù)：同“着”，这里是遭受的意思。更著：更加受到。(8)无意：不想，没有心思。自己不想费尽心思去争芳斗艳。(9)苦：尽力，竭力。(10)争春：与百花争奇斗艳。此指争权。(11)一任：任凭。(12)群芳：群花、百花。隐指权臣、小人。(13)妒：嫉妒。(14)零落：凋谢。(15)碾(niǎn)：轧碎。(16)作尘：化作灰土。(17)香如故：香气依旧存在。

### 宋朝民歌

赤日炎炎似火烧，野田禾稻半枯焦。

农夫心内如汤煮，公子王孙把扇摇。

## 元朝（公元 1279-1368）

### 马致远 诗人小传

马致远（约1250-1324?），字千里，号东篱，（一说字致远，晚号“东篱”）。汉族，大都（今北京）人，另一说（马致远是河北省东光县马祠堂村人，号东篱，以示效陶渊明之志）。他的年辈晚于关汉卿、白朴等人，生年当在至元（始于1264）之前，卒年当在至治改元到泰定元年（1321—1324）之间，与关汉卿、郑光祖、白朴并称“元曲四大家”，是我国元代时著名大戏剧家、散曲家。



## 天净沙·秋思①

马致远

枯藤②老树昏鸦，  
小桥流水人家③。  
古道④西风瘦马。  
夕阳西下，  
断肠人⑤在天涯⑥。

### 词语注释

(1)枯藤：枯萎的枝蔓。昏鸦：黄昏时归巢的乌鸦。昏：黄昏。(2)人家：农家。此句写出了诗人对温馨的家庭的渴望。(3)古道：已经废弃不堪再用的古老驿道（路）或年代久远的驿道。西风：寒冷、萧瑟的秋风。瘦马：瘦骨如柴的马。(4)断肠人：形容伤心悲痛到极点的人，此指漂泊天涯、极度悲伤、流落他乡的旅人，因为思乡而愁肠寸断。(5)天涯：天边，非常远的地方。

### 萨都刺 诗人小传

萨都刺（约1272-1355）元代诗人、画家、书法家。字天锡，号直斋。回族（一说蒙古族）。其先世为西域人，出生于雁门（今山西代县），泰定四年进士。授应奉翰林文字，擢南台御史，以弹劾权贵，左迁镇江录事司达鲁花赤，累迁江南行台侍御史，左迁淮西北道经历，晚年居杭州。萨都刺善绘画，精书法，尤善楷书。有虎卧龙跳之才，人称燕门才子。他的文学创作，以诗歌为主，诗词内容，以游山玩水、归隐赋闲、慕仙礼佛、酬酢应答之类为多，思想价值不高。萨都刺还留有《严陵钓台图》和《梅雀》等画，现珍藏于北京故宫博物院。

## 闽城岁暮

萨都刺

岭南春早不见雪，腊月街头听卖花。  
海外人家除夕近，满城微雨湿山茶。

## 明朝（公元1368-1644）

### 罗贯中（简历）

罗贯中（约1330年—约1400年），汉族，名本，字贯中，号湖海散人。他是元末明初著名小说家、戏曲家，是中国章回小说的鼻祖。罗贯中的一生著作颇丰，主要作品有：剧本《赵太祖龙虎风云会》、《忠正孝子连环谏》、《三平章死哭蜚虎子》；小说《隋唐两朝志传》、《残唐五代史演义》、《三遂平妖传》、《粉妆楼》、代表作《三国演义》等。其故里有多种说法，山东东平罗庄、山西太原、清徐、祁县、福建建阳。目前尚无确切最终定论。其墓地也有山西清徐、福建建阳等处，另有祠堂、纪念馆等。罗贯中所用宋朝民歌，请见宋朝部份第151页。

## 清朝（公元1644-1911）

### 曹雪芹（简历）

曹雪芹，清代小说家，著名文学家。名沾（音zhān），字梦阮，号雪芹，又号芹溪、芹圃。素性放达，曾身杂优伶而被钥空房，常以阮籍自比。贡生。爱好研究广泛：金石、诗书、绘画、园林、中医、织补、工艺、饮食等。他出身于一个“百年望族”的大官僚地主家庭，后因家庭的衰败而饱尝了人生的辛酸。在人生的最后阶段，他以坚韧不拔的毅力，历经十年创作了《红楼梦》并专心致志地做着修订工作，死后遗留《红楼梦》前八十回稿子。另有《废艺斋集稿》。故里有四，河北丰润，辽宁辽阳、铁岭与江西武阳，尚无确切定论。

### 好了歌

#### 跛足道人（曹雪芹）

世人都晓神仙好，唯有功名忘不了！  
古今将相在何方？荒冢一堆草没了！  
世人都晓神仙好，只有金银忘不了！  
终朝只恨聚无多，及到多时眼闭了！  
世人都晓神仙好，只有娇妻忘不了！  
君生日日说恩情，君死又随人去了。

世人都晓神仙好，只有儿孙忘不了！  
痴心父母古来多，孝顺儿孙谁见了？

毛泽东（简历）

毛泽东（1893年12月26日—1976年9月9日），字润之（原作咏芝，后改润芝），笔名子任。湖南湘潭人。中国革命家、战略家、理论家和诗人，中国共产党、中国人民解放军和中华人民共和国的主要缔造者和领袖。

（卜算子）咏梅 bǔ suàn zǐ

毛泽东 Máo Zédōng

风雨送春归，	飞雪迎春到。	fēng yǔ sòng chūn guī,	
		fēi xuě yíng chūn dào.	
已是悬崖百丈冰，	犹有花枝俏。	yǐ shì xuán yá bǎi zhàng bīng,	
		yóu yǒu huā zhī qiào.	
俏也不争春，	只把春来报。	qiào yě bù zhēng chūn,	
		zhǐ bǎ chūn lái bào.	
待到山花烂漫时，	她在丛中笑。	dài dào shān huā làn màn shí,	
		tā zài cóng zhōng xiào.	

（注释）

①卜算子：词牌名，骆宾王诗用数名，人称卜算子。山谷词“似扶著，卖卜算”，取卖卜算命的意思。②风雨送春归：辛弃疾《摸鱼儿》，“更能消几番风雨，匆匆春又归去”。

（沁园春）雪

毛泽东

北国风光，千里冰封，万里雪飘。  
望长城内外，惟余莽莽；  
大河上下，顿失滔滔。  
山舞银蛇，原驰蜡象，欲与天公试比高。  
须晴日，看红装素裹，分外妖娆。  
江山如此多娇，引无数英雄竞折腰。

惜秦皇汉武，略输文采；  
唐宗宋祖，稍逊风骚。  
一代天骄，成吉思汗，只识弯弓射大雕。  
俱往矣，数风流人物，还看今朝。

【原注】“原”指高原，即秦晋高原。

【注释】

秦皇汉武、唐宗宋祖：秦始皇，汉武帝，唐太宗和宋太祖。

风骚：《诗经·国风》和屈原的《离骚》，泛指文学。

天骄：汉朝人称匈奴为“天之骄子”，见《汉书·匈奴传》。

成吉思汗：建立了横跨欧亚的大帝国的蒙古征服者。

射雕：《史记·李广传》称匈奴善射者为“射雕者”。

## 攻关

叶剑英

攻城不怕坚，  
攻书莫畏难；  
科学有险阻，  
苦战能过关。

叶剑英（简历）

叶剑英中国革命家、政治家、军事家，中国人民解放军的缔造者之一，中华人民共和国的开国元勋。

